

Секция 4
**Лингвистические проблемы:
поиски и решения**

Содержание

Абрамова Е.К. ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СТОРОНА НЕПОНИМАНИЯ.....	3
Ахмаметова А. Р. ОБРАЗ ДОМА В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (IS AN ENGLISHMAN’S HOUSE REALLY HIS CASTLE)?.....	6
Безроднова О.М. КАТЕГОРИЯ ТАКСИСА В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ.....	13
Борисова И.М. ГРАФИЧЕСКИЙ ОБЛИК ПОЭЗИИ – ОБЪЕКТ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	21
Бурикова С.А. ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ИЗОБРАЖЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Я.М.Р. ЛЕНЦА.....	28
Вятчина В.Е. КАТЕГОРИИ УНИВЕРСАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ВО ФРАЗЕОЛОГИИ.....	31
Габдракипова Р.З. КАТЕГОРИЯ ТАКСИСА КАК КАТЕГОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОГО ВРЕМЕНИ.....	37
Головчук И.П. О ТЕКСТЕ И РАЗЛИЧНЫХ ПОДХОДАХ В ИЗУЧЕНИИ ТЕКСТА.....	41
Дюгаева И. Н. К ВОПРОСУ О ЗАИМСТВОВАНИИ АНГЛИЦИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	45
Евстафиади О.В. К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С СОДЕРЖАНИЕМ УСЛОВИЯ.....	49
Захарова Т.В. ОТРАЖЕНИЕ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОГО АСПЕКТА В КОМПАРАТИВНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	54
Иноземцева Н. В. К НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ПРОБЛЕМЕ ЭТНИЧЕСКОГО ЭПИТЕТА.....	59
Искаринова С.И. СЕМАНТИКО-АССОЦИАТИВНЫЕ СВЯЗИ И ФОРМИРОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ УМЕНИЙ.....	64
Ковалева Е.А. «ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА» В ПОЭЗИИ А. БЕЛОГО, А. БЛОКА, В. БРЮСОВА: ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	68
Ломакина Н.Н. ПЕРЕВОД КАК ВИД РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	75
Матвиевская А.А. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА НЕМЕЦКОГО МОЛОДЕЖНОГО ЖАРГОНА.....	80
Машутина Е.А. ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКА ГОВОРЕНИЯ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ	86
Мокрицкая Е.А. РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ	94
Москальчук Г.Г. СОПОСТАВЛЕНИЕ ВЫБОРОК ПО ВЕРОЯТНОСТНЫМ ПОКАЗАТЕЛЯМ ДИНАМИКИ ФОРМЫ ТЕКСТА.....	97
Мясникова Т.И. ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКА	102
Петросян Е. А. ГИПЕРБОЛА В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА).....	106
Рыхлова О.С. ВИДОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ, НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ.....	113
Собчакова Н. М. СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С ПРИДАТОЧНЫМ ВРЕМЕНИ В НОМИНАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ.....	119
Сокиркина О.П. РЕЧЕВОЙ ТАКТ КАК ОПТИМАЛЬНАЯ ЕДИНИЦА В ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОМУ ПРОИЗНОШЕНИЮ.....	124
Солодилова И.А. ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА. ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ НАУКИ....	130
Тыршина Н.В. ПРОБЛЕМА НЕКАТЕГОРИЧНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ	136
Чуранов А.Е. К ПРОБЛЕМЕ МЕЖДОМЕТИЙ.....	141

Абрамова Е.К. ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СТОРОНА НЕПОНИМАНИЯ

(Оренбургский государственный педагогический университет)

Счастье – это когда тебя понимают.

Г. Полонский

Эмоциональная сфера пронизывает все стороны деятельности человека, это, несомненно, находит свое отражение и в языке. Но здесь возникает целый ряд вопросов, а именно, какие эмоции сопровождают тот или иной процесс (понимание/непонимание), как выявить присутствие эмоций в высказывании, каково их языковое выражение, каковы невербальные компоненты эмотивных высказываний.

Итак, практически любая совместная деятельность людей экспрессивна, это выражается в нашем настроении, переживаниях, эмоциях, чувствах с целью воздействовать на собеседника. Это отмечали еще отечественные психологи (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн), говоря о принципе интеллектуально-аффективного единства. Говоря об эмоциональной стороне общения, заметим, что степень эмоциональности зависит от многих факторов: стиля речи, ситуации и условий общения, отношений между партнерами по коммуникации и т.д. Безусловно, бытовой диалог более экспрессивен деловой беседе.

Непонимание может сопровождаться различными чувствами и эмоциями: удивлением, раздражением, страхом, гневом, возмущением, нетерпением, безысходностью, безразличием, беспокойством, любопытством, обидой и т.д. Заметим, что большая часть перечисленных эмоций носит негативный оттенок. По нашему мнению, причиной этого является сам феномен непонимания как отрицательный результат понимания (это выражается даже в формальном признаке – приставка «не»). Характер эмоций, чувств зависит, в свою очередь, от взаимоотношений партнеров по общению, ситуации коммуникации, объекта непонимания, причины коммуникативной неудачи. Следует отметить, что эмоции, сопровождающие непонимание, могут быть как его причинами, так и его следствием. Действительно, захлестнувшие чувства обиды, беспокойства довольно часто лишают нас способности адекватно воспринимать окружающую реальность, понимать нашего собеседника, или, наоборот, непонимание порождает страх, гнев, удивление. Нередко эмоции партнера по общению мешают нам правильно понять его интенцию, это проявляется, например, в чрезмерном использовании стилистически окрашенной лексики, невербальных компонентов, при этом теряется предметный план выражения и нарушается информативная функция общения [4, С. 88].

В рамках статьи достаточно трудно охватить все чувства и эмоции, сопровождающие непонимание, поэтому мы ограничимся анализом наиболее часто встречающихся: возмущением, беспокойством, обидой и удивлением. О присутствии эмоционального компонента свидетельствуют семантические, синтаксические, стилистические маркеры:

(1) - Bref, vous ne vous sentez pas bien, dit le docteur. Et je ne vous cacherais pas que je n'y peux pas grand-chose...

- Comment ça?

Gilles se sentait furieux, humilié. Il s'était moralement mis sous la protection de cet homme durant une heure, il lui avait fait confiance et ce charlatan lui déclarait froidement qu'il ne fallait pas compter sur lui [6, P. 22].

В данном примере на присутствие ярости и возмущения указывают эллиптическое предложение с вопросительным словом «comment», лексические маркеры в авторских ремарках «se sentir furieux, humilié», а также общий смысл данного речевого отрезка: врач говорит пациенту, что у него проблемы со здоровьем, но он не в силах помочь.

(2) De voir l'inquiétude qui se dessinait sur les visages de ses camarades, Jean s'affola davantage. Il cria presque les mots de sa dernière phrase.

- Personne ne l'a vu!

- Oh! Qu'est-ce que ça veut dire? dit Balaam, lent à se mettre en mouvement et lent à s'émouvoir [5, P. 66].

Беспокойство, волнение выражается в словах автора «inquiétude sur les visages», вопросе, многозначном междометии «oh», восклицательной интонации говорящего.

(3) - Et toi? Tu as vu François?

- Oui, dit-elle, bien sûr. Il est venu me voir chez Pierre.

Il était un peu vexé sans savoir pourquoi. Tous les hommes voulaient lui prendre cette femme et n'imaginaient pas une seconde qu'elle l'aimât... qu'elle pût l'aimer. Il était un accident, visiblement, dans sa vie [6, P. 173-174].

Довольно часто обида не выражается на языковом уровне, а остается в человеке, и в этом случае только слова автора могут вскрыть присутствие этого тяжелого чувства «vexé sans savoir pourquoi». По мнению К.А. Долинина, «живая и интенсивная эмоция выражается большей частью косвенно» [2, С. 234].

(4) - Partie? balbutia-t-il. Comment ça partie?

- Oui, quoi, elle a quitté l'administration.

- Ce n'est pas possible... [8, P. 59-60].

В приведенном примере непонимание сопровождается удивлением от того, что, во-первых, девушка уехала, ничего не сказав, и, во-вторых, от того, что для собеседника это явилось полной неожиданностью. На это указывает эллиптическое вопросительное предложение «partie?», многоточие в конце последней реплики (незаконченность), лексический маркер «balbutier» в словах автора.

Нередки случаи, когда эмоции, чувства, переживания другого человека сами становятся объектами непонимания со стороны собеседника. Причина такого непонимания кроется в отсутствии подобного опыта (иногда в невозможности его приобрести):

(5) - Il ne venait pas pour vous, mais pour son père, n'est-ce pas? Seulement vous ne pouviez pas le laisser aller jusqu'au bureau, où il aurait découvert le

cadavre... Vous étiez dans la cour, tous les deux... Qu'est-ce que vous avez dit à Roger?

- Qu'il s'en aille... Vous ne pouvez pas comprendre un cœur de mère...

- Et il est parti... Votre mari est rentré... Il n'a été question de rien entre vous deux... Est-ce bien cela? ... Martin pensait aux billets qu'il avait fini par jeter dans la Seine, parce qu'au fond c'est un pauvre bougre de brave homme... [7, P. 146].

Данный пример иллюстрирует ситуацию непонимания, когда сыщик по своему интерпретирует мотивы поступка матери.

Таким образом, непонимание и сопровождающие его чувства и эмоции могут иметь эксплицитные формы выражения, обозначающие непосредственно состояние непонимания и разнообразные эмоции, и имплицитные, которые косвенно указывают на сбой в общении, сохраняя при этом свое прямое значение.

Список использованной литературы

1. Баженова И.С. Прагматический потенциал эмотивных высказываний // Актуальные проблемы германистики: Сборник статей по материалам межвузовской научной конференции (Смоленск, 23-24 января 2001 г.). – Смоленск: СГПУ, 2001. – С. 11-16

2. Долинин К.А. Стилистика французского языка. Учеб. пособие для студентов фак. и пед. ин-тов иностр. яз. Л., «Просвещение», 1978.

3. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М., 1940.

4. Самарова О.В. Экспрессивность речевого общения // Нормы человеческого общения: Тез. докладов межвуз. науч. конф. – Горький: ГГПИИЯ им. Н.А. Добролюбова, 1990. – С. 88-90

5. Nouvelle française contemporaine du XXe siècle. – М.: Editions du progrès, 1981.

6. Sagan Fr. Un peu de soleil dans l'eau froide. М.: Jupiter-Inter, 2003.

7. Simenon G. L'ombre chinoise. – М.: «Manager», 2001.

8. Troyat H. La vérité. Nouvelles et essais. М.: Presto, 1999.

Ахмаметова А. Р. ОБРАЗ ДОМА В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (IS AN ENGLISHMAN'S HOUSE REALLY HIS CASTLE)?

(Оренбургский государственный университет)

Особую роль в создании языковой картины, а, следовательно, отражении национальной специфики, особенностей национального характера играют фразеологизмы. Они — «зеркало жизни нации». Природа значения фразеологизмов тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке. Своей семантикой фразеологизмы направлены на характеристику человека и его деятельности.

Во фразеологизмах находит отражение история народа, своеобразие его культуры и быта. Фразеологизмы часто носят ярко национальный характер. Английский фразеологический фонд — сложный конгломерат исконных и заимствованных фразеологизмов с явным преобладанием первых. Исконные фразеологизмы обретают роль стереотипов культуры, т.к. в языке закрепляются и фразеологируются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами, которые воспроизводят национальный менталитет.

Многие этнолингвисты согласны с утверждением, что национальный характер англичан многослоен. «Английский принцип, — пишет Г.Д. Гачев в своей книге «Национальные образы мира», — плюрализм индивидуальностей и характеров». Под теми особенностями, которые лежат на поверхности (так называемыми гетеростереотипами): сдержанность, настойчивость в достижении цели, социальное дистанцирование, отсутствие прямых суждений, — таятся сокрытые, на первый взгляд прямо противоречащие чувства.

Двуплановость английского характера проявляется в потребности быть вместе — отсюда привязанность к клубам, собирающим людей по общим (для них) интересам, приверженность к классовому разделению: в социальном и общественном разрезе (первый и второй классы в пабах, поездах, в отсылке почты) — в «борьбе против континента», против всего иностранного, т.е. чужеродного, с одной стороны и стремлении к индивидуализму и уединению — исключительная любовь к дому (An Englishman's house is his castle), саду, домашним животным — с другой стороны, т.к. и то, и другое даёт англичанину чувство защищённости, комфорта (comfort — слово, заимствованное многими языками мира из английского).

В английской идиоматике в образе дома следует наметить основные его компоненты: 1) собственно дом, 2) сад, 3) домашние животные.

Концепт «дом» в английском языке представлен двумя лексическими единицами — house и home. Анализ лексического значения (ЛЗ) “home” и

“house” на основе словарных дефиниций выявляет, что ЛЗ “house” в качестве трех основных компонентов значения содержит семы: 1) a building; 2) for a family; 3) for human habitation; тогда как “home”: 1) a place, 2) for a person, 3) for human habitation. Следовательно, 1) часть концепта, представленная ЛЗ “home”, обладает большей абстрактностью (сема “a building” предполагает четкую пространственную закрепленность в отличие от семы “a place”); 2) дом как “house” предназначен для группы людей, рассматриваемой как единство (unity), а дом как “home” – для отдельного человека (различие во второй семе).

В целом, дом (house) – образ скорее реального мира, место, в котором человек живёт как член общества (“unity”), которое в определённой мере навязывает себя человеку через систему моральных запретов, регулирующих отношения в доме (ценностное ядро концепта с “house”):

to burn one’s house to get rid of the mouse – пожертвовать большим для того, чтобы избавиться от незначительной неприятности;

to get on like a house on fire – 1) быстро и легко продвигаться вперед,; быстро распространяться; делать огромные успехи; 2) прекрасно ладить друг с другом, жить душа в душу (сема “builing”);

to bring the house about one’s ears – восстановить против себя всю семью (в данном случае под лексемой the house подразумевается семья);

a house divided between itself – раздор между своими, междоусобица (сема “the unity”).

Для части концепта “house” положительно оценивается закрытость дома, то, что в нем поддерживается гармония и целостность (которая задана через сему ‘unity’) не разрушена. Другие части оппозиций соответственно получают отрицательную оценку (порицается открытость дома, его пустота, что приводит к разрушению присущей целостности). Как пример, иллюстрирующий эти оппозиции, можно привести следующую поговорку: When the house is open, the honest man sins. Идея закрытости дома соотносится с другой важной оппозицией – «свой – чужой». Именно закрытость дома как “house” обеспечивает сохранение «своего» пространства, другие люди («чужие») нарушают закрытость.

Для дома (home) характерен его личностный характер, “home” – место, где человек чувствует себя «как дома», образ “home” конструируется в сознании человека. Здесь центральной фигурой оказывается человек и его внутренний мир: to look at home - обратиться к своей совести, заглянуть себе в душу; to bring home to smb – убеждать, втолковывать; to drive home to – 1) суметь доказать, вбивать в голову; 2) доводить до конца; to be at home in smth – быть хорошо знакомым (напр., с проблемой), свободно разбираться; to go /hit /strike home – 1) попасть в цель (~ не в бровь, а в глаз), 2) задеть за живое; to get home – 1) достичь своей цели; преуспевать, иметь успех; 2) выиграть, победить, одержать победу (о спортсменах); to come home to smb – 1) растрогать до глубины души; 2) произвести впечатление; to sink home – осознавать.

Несмотря на то, что «языковая сдержанность» и «недосказанность» англичан накладывает свой отпечаток и на любовь во всех её проявлениях,

иностранцев в Англии всегда поражает английская страсть к садоводству. В книге «В Англию, с любовью» приводится такое высказывание представителя этой нации: «In England we know what really matters in life and we think that primary among these things are gardens, dogs, horses and the countryside. – В Англии мы знаем, что действительно имеет значение в жизни. По нашему мнению, это, прежде всего, сады, собаки, лошади и природа».

А.В. Павловская, доктор исторических наук, пишет, что «английские сады, главное в стиле которых — искусная имитация естественной природы, отсутствие симметрии, созданная человеческими руками «дикость», являются сильнейшим национальным увлечением». Сад, палисадник — гордость истинного англичанина. Поэтому, когда человек начинает много и подробно рассказывать о своих успехах (и не только в садоводстве), ему могут иронично заметить: «Everything is nice in your garden» (погов. ~ Ну, ну, расхвастались!). Англичане считают, что во время второй мировой войны многим англичанам помогли выжить огороды городских жителей. В связи с этим появился фразеологизм *victory gardens*. Кроме того, о любви англичан к садоводству напоминают такие фразеологические единицы (ФЕ), как *to lead smb up the garden/garden path* — вводить кого-л. в заблуждение; *to be rosy in the garden* — быть в порядке, выглядеть в розовом свете (происходит от поговорки *Everything in the garden is rosy - something that you say which means that there are no problems in a situation* (9)); *common-or-garden* — очень простой, обыкновенный; *to have green fingers* ~ заниматься садоводством, иметь склонность к занятиям садоводством.

Англичане убеждены: человек, который любит животных, не может быть совсем плохим. Сами они животных обожают. Любых. И держат их исключительно для компании. Среди фразеологизмов, содержащих названия животных или происходящих от явлений мира животных, лидирующее место занимают ФЕ о кошках, собаках и лошадях.

Если детям в воспитательных целях отводят не самые лучшие места в доме, то уж собака или кошка наверняка будут на самом почетном. Кошачьи повадки, подмеченные англичанами, вошли в идиоматику: *to look like the cat who swallowed (after he had eaten) the canary* — иметь виноватый вид; *to put up one's back* — рассердиться (подобно кошке, выгибающей спину); *the cat among the pigeons* — переполох; *to see/ watch how (which way) the cat jumps = wait for the cat to jump* — занимать выжидательную позицию (от этого фразеологизма происходит поговорка *that cat won't jump* — этот номер не пройдет; не в этом дело); *like a cat on hot bricks* ~ не по себе, не в своей тарелке; *enough to make a cat laugh/ speak* ~ диву даёшься; *as melancholy as a cat* ~ очень грустный.

Женщина сравнивается с кошкой: сварливую старуху англичане назовут *old cat*, а о «подкаблучнике» скажут — *he lives under the cat's foot/ paw*. Если человек отваживается взять на себя риск, инициативу в опасном деле или рискованном предприятии, это значит: *he/she bells the cat or hangs the bell about the cat's neck* (подобно мышам в басне, намеревавшимся повесить колокольчик на шею кошки, чтобы знать о её приближении).

ФЕ *to fight like Kilkenny cats* означает бороться до взаимного истребления, не на живот, а на смерть. Существует несколько вариантов происхождения этого фразеологизма. По одной версии, излагаемой А. В. Куниным в «Курсе фразеологии современного английского языка», «оборот восходит к легенде об ожесточенной борьбе между ирландскими городами Kilkenny и Irishtown, продолжавшейся до конца XVII в. и приведшей к их взаимному разрушению». По другой версии несколько солдат из стоявшего в XVIII в. в городе Килкенни гарнизона связали для забавы двух кошек хвостами и перекинули их через бельевую веревку, чтобы понаблюдать за их дракой. Когда кто-то послал за офицером с просьбой прекратить эту жестокую забаву, один из солдат отрубил кошкам хвосты – и животные разбежались. На вопрос офицера, откуда взялись окровавленные хвосты, кто-то ответил, что две кошки дрались до тех пор, пока не съели друг друга до хвостов.

Происхождение ФЕ *to grin like a Cheshire cat* (ухмыляться, улыбаться во весь рот) неизвестно. Бруэр выдвигает такую версию, которую А. В. Кунин назвал фантастической, – графство Чешир издавна славилось своими сырами. Клеймом фирмы, изготовлявшей один из сортов чеширского сыра, была улыбающаяся кошачья мордочка, в виде которой изображались головки сыра. Хотя данный фразеологизм появился очень давно, он стал особенно популярен после публикации книги Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес».

ФЕ *rain cats and dogs* прошла трёхступенчатый путь развития (образный характер этого оборота возник в результате переосмысления слов, входящих в его состав, минуя стадию переосмысления переменного сочетания слов; это возможно при ассоциации с фантастическими образами):

1. Авторское употребление:

L o r d S p a r k i s h: I know Sir John will go tho' (through) he was sure it would rain cats and dogs ... (J. Swift «Polite Conversation». Dialogue II, 1738)

2. Потенциальный фразеологизм:

It began raining cats and dogs (P.B. Shelley. «Letter to Peacock», 25 Feb., 1819).

3. Фразеологическая единица:

- What sort of day is it?

- It's raining cats and dogs (J. Aldridge. «Signed with their Honour», ch. 5).

Образ собаки встречается в следующих фразеологизмах:

to blush like a black dog – потерять способность краснеть (отличаться бесстыдством); *not a dog's chance* – никаких шансов; *to have black dog on one's back* – хандрить, находиться в состоянии уныния, меланхолии (от the black dog – плохое настроение, ипохондрия (см. Прил. 1); *to give a dog a bad/ill name and hang him* ~ оклеветать кого-л., чтобы погубить его; *to help a lame dog over a stile* ~ помочь кому-л. в беде, выручить к-л. из беды; *to sleep a dog-sleep* – спать чутко, урывками; *a clever dog* – умница; *a lucky dog* – счастливцев; *a top dog* – хозяин положения (собака, победившая в драке); *under dog* – человек из общественных низов, бесправный; *to call off the dogs* – переменить неприятную тему разговора; *to run with the hare and hunt with the hounds* – служить и вашим, и нашим; *to ride before the hounds* – опережать события, забегать вперед.

Некоторые ФЕ, в состав которых входит слово dog или hound, произошли из охотничьей терминологии, т.к. собака – неперенный атрибут английской охоты.

Столько же неотъемлемым атрибутом классической английской охоты, как и английской жизни, в целом, является лошадь. Конь оказал огромное влияние на английский образ жизни и мышления. Модное современное слово "менеджмент" происходит от слова "манеж". Раз человек превратился в экономическую единицу, к нему приложимы все психологические принципы коневодства. Конечно, увлечение лошадьми могут позволить себе не все, однако и здесь любовь к ним превосходит по теплоте человеческие отношения. Скачки в Англии — событие поистине государственного масштаба. В английской фразеологии можно выделить две группы фразеологизмов, связанных с лошадьми:

1. ФЕ, одним из компонентов которых является лексема horse или mare:

to flog (mount on) a dead horse – попусту стараться; to flog a willing horse – подгонять добросовестного работника; to talk horses – бахвалиться (первоначально – говорить о лошадях, особенно скаковых); to put one's horses together – 1) действовать совместно, сообща, жить в согласии; 2) пожениться; to put the cart before the horse — начинать не с того конца; on foot's horse – пешком, на своих двоих; to put one's money on a wrong horse – просчитаться; to find a mare's nest – попасть пальцем в небо; to eat like a horse – много есть; a horse of a different colour — совершенно другое дело (см. Прил.1); on one's high horse — высокомерно; straight from the horse's mouth — из первых рук; to back the wrong horse — поддерживать проигрывающую сторону; to lock the stable door after the horse has been stolen — хватиться слишком поздно.

2. ФЕ, прототипом которых является уход за лошадью или участие скачках:

hair about the heels – невоспитанность, неумение держать себя (волосы над бабками считаются признаков плохой пород); in good keep – в хорошем состоянии (первоначально о лошади, содержащейся в хороших условиях); in low keep – в плохом состоянии (первоначально о лошади, содержащейся в плохих условиях); also ran - неудачливый участник состязания, неудачник (в отчетах о скачках или бегах имена лошадей, не занявших призового места, перечисляются после сведений о победителях. Это перечисление начинается слова-ми "also ran..." также участвовали); to feel one's oats – быть веселым, оживленным, жизнерадостным (первоначально о резво бегущей лошади, почуввавшей близость своей конюшни); neck-and-neck – в равном положении, не оставая (о лошадях – голова в голову); to lose by the neck – немного отстать (о лошади – проиграть, отстать на голову); ripped at the post – проигравший в последнюю минуту; to ride roughshod over – действовать деспотически, тиранить; to win hands down – легко одержать победу, выиграть с лёгкостью; full of beans – живой, энергичный; в приподнятом настроении (о лошади - горячий); to make the running – 1) добиться хороших результатов (о жокее или скаковой лошади); 2) добиться успеха, начать ч-л., подготавливая почву для дальнейших участников; a good second – пришедший к финишу почти

одновременно с первым; to take up one's running – 1) лидировать, занимать ведущее место; 2) первенствовать, взять на себя инициативу; to spot the winner – предсказать успех человеку в каком-либо начинании (угадать перед скачками, какая лошадь победит); to be in the saddle – 1) править, руководить, 2) усердно заниматься работой.

Любовь к родине (составляющей которой является любовь к дому) у англичан выражается также через нескрываемую антипатию к иностранцам. В английском языке существует понятие xenophobia (ксенофобия). Греческое слово "ксенофобия" означает «страх перед иностранцами». Энтони Майол и Дэвид Милстед пишут, что «на самом деле англичане предпочитают слово "ксенолипия", то есть «жалость к иностранцам». Определение Macmillan Essential Dictionary кажется более точным: xenophobia – hate of people from other countries and cultures.

Например, из 24 ФЕ, в которых фигурируют названия стран, 18 включают в себя слово Dutch, употребленное с отрицательной коннотацией. Такое употребление слова восходит к англо-голландской конкуренции на морях и войнам XVII в.: a Dutch reckoning – счет, который трактирщик увеличивает в случае протеста посетителя, выражающего недовольство слишком большой суммой (чем больше протестует посетитель, тем выше становится счет); to beat the Dutch – превзойти все ожидания, зайти слишком далеко; to talk double Dutch – нести галиматью, говорить тарабарщину; Dutch bargain – односторонне выгодная сделка; Dutch comfort/ consolation – слабое утешение; a Dutch concert – кошачий концерт; a Dutch defence – притворная защита; a Dutch feast – пир, на котором хозяин напивается первым; Dutch courage – храбрость во хмелю, минутное мужество обычно трусливого человека; I'm a Dutchman if... (тж. ... unless I'm a Dutchman) – будь я проклят, если...

По существу, во всех фразеоматизмах, в которые входит слово Dutch, оно означает «голландский», но т. к. с этим прилагательным ранее связывались неприятные ассоциации, то во всех оборотах произошло преобразование значения. Ироническое употребление в некоторых случаях затрагивало и существительное, значение которого ослаблено, например, Dutch courage. Немотивированность ФЕ со словом Dutch объясняется утратой неприятных ассоциаций, связанных с этим словом, вследствие того, что реалья, вызвавшая эти ассоциации, стала достоянием истории.

Известны исторически сложившиеся сопернические отношения между Англией и Францией. Это также нашло отражение в языке: to excuse/pardon one's French (us. Excuse my French) — извините за выражение (в данной ФЕ слово French имеет значение «грубое непристойное слово или выражение»); pedlar's French — воровской жаргон; to assist in the French sense — присутствовать, не принимая участия; to take French leave – уйти, уехать, не прощаясь, незаметно. Французы выражают ту же мысль словами s'en aller/ filer à l'anglaise – уйти по-английски.

ФЕ, содержащие слово Chinese (китайский), обычно обозначают что-л., сбивающее с толку, приводящее в недоумение или кажущееся странным,

чуждаковатым. Например: Chinese whispers – путанные сообщения; Chinese ace – непригодный летчик; Chinese puzzle – неразрешимая головоломка, задача; Chinese fire drill – неразбериха.

У англичан, по выражению Брюса Монка, «другие отношения со своей страной» — более дистантные, чем у русских, не такие близко-интимные, что вполне укладывается в стереотипы соответствующих национальных характеров и объективно подтверждает их. В полном соответствии с тенденцией английского языка к «недосказанности» (understatement), для выражения любого накала чувств по отношению к своему отечеству англичанам вполне хватает словосочетания this country.

Безроднова О.М. КАТЕГОРИЯ ТАКСИСА В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

(Оренбургский государственный университет)

Текст - продукт устной и письменной речевой деятельности человека, основная форма существования языка, хранения и передачи культуры, знаний и незнаний. Текст и становится главным источником исследования языка, осмысления его грамматических форм, категорий в воплощенных их значениях, возможностях, условиях и назначении. Антропоцентричность таксисных отношений, темпоральных ритмов текста воссоздает общее неразделимое единство времени и пространства, моделируя тот физический, социальный и ментальный мир, в котором реализуются и окружение и кругозор воспринимающего человека (по М.Бахтину).

Задачей настоящей работы является уточнение категориальной специфики таксиса в соотношении его с некоторыми другими смежными категориями. Анализ проводится на материале русского и частично немецкого языков.

Таксис (от греч. taxis – построение, порядок, расположение) – языковая категория, характеризующая временные отношения между действиями (в широком смысле, включая любые разновидности предикатов): одновременность/ неоднородность, прерывание, соотношение главного и сопутствующего действий и т.п. Таксис включает аспектуальную (видовую) характеристику.

Понятие таксиса в его отличиях от понятия времени было определено Р.О. Якобсоном: таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения. Если время относится к числу категорий, содержащих указания на отношение сообщаемого факта и/ или его участников к факту сообщения либо к его участникам, то таксис представляет собой одну из категорий, не содержащих этих указаний. Якобсоном был введен и сам термин «таксис» как «греческий прообраз» предложенного Л. Блуморфилдом термина «порядок». Вместе с тем широко известны другие термины: «относительное время», «временная соотнесенность» (А.И. Смирницкий) и другие. Э. Котмидер писал о «временном отношении данного факта к другому в комплексе фактов, называемом «ситуацией», и анализировал такие «ситуационные типы, как «что-то происходило и тем временем произошло что-то другое», «когда что-то происходило, что-то произошло» и т.п.

Таксис может быть выражен различными (морфологическими, синтаксическими, морфолого-синтаксическими, лексическими) средствами, которые образуют функционально-семантическое поле, пересекающееся с полями темпоральности и аспектуальности. Таксис существует в каждом языке, однако как особая грамматическая категория, отличающаяся от вида и времени, - лишь в тех языках, где имеется соответствующая специальная система

грамматических форм. Якобсон в числе «грамматических понятий, выражаемых русскими глагольными формами» рассматривает выражаемый деепричастием зависимый таксис, указывающий на сообщаемый факт, сопутствующий другому, главному сообщаемому факту.

Некоторые разновидности таксиса в ряде языков (французском, английском, немецком и др.) находят выражение в формах относительных времен, в частности со значением предшествования (в формах плюсквамперфекта, будущего предварительного, в одной из функций форм перфекта). В подобных формах на передний план могут выступать аспектуальные функции, исторические предшествовавшие выражению хронологических отношений между действиями. В русском языке таксис выступает как функционально-семантическое поле с полицентрической структурой: в сфере зависимого таксиса грамматическим центром являются конструкции с деепричастием совершенного и несовершенного вида, а в области независимого таксиса – сочетания вида временных форм:

- а) в предложениях с придаточным временем;
- б) в предложениях с однородными сказуемыми и в сложносочиненных предложениях (при возможности взаимодействия с лексическими элементами типа «сначала», «а затем» и т.п.).

У человека в деятельности участвуют, согласно ряду наук, два различных вида представлений о времени:

1. Абстрактно-обобщенное, рациональное – время выступает как некая бесконечная, непрерывная субстанция, существующая независимо от совершенствования в мире событий и взаимоотношений между ними.
2. Чувственно-наглядное, конкретное – как атрибут бытия конкретных конечных явлений (событий) и отношений между ними.

Оба вида временных представлений существуют в сознании людей в тесной взаимосвязи друг с другом.

Представление об абстрактном времени как о текущем потоке непрерывных событий позволяет объяснить такие лингвистические явления, как функции грамматических абсолютных временных форм, разделяющие абстрактное временное протекание относительно момента речи на три сферы: прошедшего, настоящего, будущего, а также объясняет наличие специальной лексики (например: теперь, тогда, всегда и т.п.); например: *die ganze Zeit, ewig, damals, bald*.

В языках для передачи существующих когнитивных образов временных структур имеются соответствующие семантические (лексические и грамматические) средства, образующие подсистемы, основная функция которых передача упорядочивания и соотносительности друг с другом выражаемых событий, фактов в субстанциональном времени, или формирование временной оценки, которая понимается как установление взаимного положения в субстанциональном времени (одном множестве), как минимум двух событий (его подмножеств).

Согласно А.А. Ивину, в зависимости от того, какое событие принимается за основание отнесения при оценке положения некоего другого события, все временные оценки подразделяются на две группы:

1. Оценки, имеющие в качестве точек отсчета такие события, положение которых на оси субстанциального времени остается постоянным. Они называются временными оценками с постоянными моментами отнесения или В-оценками и образуют сферу позиционного времени (отсчет времени от рождения Христова).
2. Временные оценки с переменными моментами отнесения, или А-оценками, образующие сферу векторного времени. За основание отнесения принимается время высказывания оценки, так как момент речи. Например:

идет дождь (сейчас)
шел дождь (тогда).

А-оценки векторны, то есть они нуждаются в указании относительно координат речевого акта. Потому А-оценки, являясь истинными в одно время, могут стать ложными в другое.

Формулировка А- и В-оценок в языках обеспечивается различными системами лексических, грамматических и лексико-грамматических средств с соответствующими функциями.

Так, для передачи векторного времени в индоевропейских языках являются специальные глагольные временные формы прошедшего, настоящего и будущего времен, в сочетании с соответствующей лексикой, имеющей темпоральное значение.

Для выражения позиционного времени используются иные средства, взаимодействующие в различных комбинациях: относительные глагольные времена, аспектуальные значения предикатов, временные союзы (после того как, в то время как и т.п.), предлоги (перед, после, во время и т.д.) и наречия (одновременно, позже, сначала), которые функционируют в различных структурах как на уровне сложного и осложненного предложений, так и на уровне сверхфразовых единств.

Р.О. Якобсон связывает эти средства выражения позиционного времени с категорией таксиса.

«Таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения».

Последующие лингвисты стали связывать данную категорию с выражением хронологических отношений (одновременность/неодновременность) между событиями безотносительно к моменту речи, то есть со сферой В-оценок, и концепция таксиса привлекла к себе внимание целого ряда исследователей.

Однако эта категория трактуется исследователями с различных позиций.

В лингвистическом словаре даны следующие определения таксиса. Таксис (от греч. *taxis* – построение, порядок, расположение) – языковая категория, характеризующая временные отношения между действиями (в широком смысле, включая любые разновидности предикатов):

одновременность / неодновременность, прерывание, соотнесение главного и сопутствующего действий и т.п. Таксис включает аспектуальную (видовую) характеристику.

А.В. Бондарко рассматривает таксис как функционально-семантическую категорию, базирующуюся на взаимодействии семантических элементов разных языковых уровней: морфологического (видовые оппозиции), лексико-грамматического (определенные союзы, предлоги, наречия), синтаксического (определенные типы полипредикативных предложений).

Э. Кошмидер писал о «временном отношении данного факта к другому в комплексе фактов, называемом «ситуацией», и анализировал такие «ситуационные типы, как «что-то происходило и тем временем произошло что-то другое», «когда что-то происходило, что-то произошло» и т.п.

Так, О.С. Ахманова, С. Беленькая (применительно к английскому языку) и А.И. Бородин (применительно к английскому и немецкому языкам) связывают таксис с оппозицией «перфект/ неперфект», передающей отнесение «предшествования» и известной в традиционной германистике и стилистике как «относительное время», отводя ему статус преимущественно морфологических категорий.

Ведущим синтаксическим признаком таксиса является временная соотнесенность события подчиняющего предиката (глагольного либо неглагольного) в финитной форме с событием-актантом безотносительно к моменту речи.

По мнению И.Я. Харитоновой, в лексическом значении модусных предикатов (определенные смысловые группы предикатов) содержится определенная латентная сема, которую она называет «временной» или «темпоральной». Она выделяет четыре такие семы:

- 1) проспективные (следование, отнесенность к будущему): Er verspricht, das zu machen.
- 2) ретроспективные (предшествование, отнесенность к прошлому): Er erinnert sich, das gemacht zu haben.
- 3) контемпоральные (одновременность, отнесенность к настоящему): Es fat ihm wehe, allem zu gern.
- 4) вневременные (нейтральные): Man freut sich, jung und gesund zu gern.

В зависимости от наличия той или иной семы в лексическом значении подчиняющего предиката, между ним и зависимым предикатным актантом устанавливается соответствующее временное значение. Оно имеет не абсолютный характер, а относительный. Здесь И.А. Харитонова проводит различия между понятиями «времени» и «таксиса». То есть «таксис» выступает как понятие, замещающее традиционное понятие «относительное время», а именно один из нескольких вариантов его употребления.

Различие традиционных понятий абсолютного и относительного значений существенно, поскольку речь идет о различных категориях: времени и таксисе». (И.С. Харитонова).

А.Л. Сидинхе в своей кандидатской диссертации «Семантика глаголов физического восприятия и таксисно-аспектуальный компонент организуемого

или предложение в современном английском языке» определяет таксис как синтаксическую категорию, средствами актуализации которой в данном случае являются конструкции с объектными предикатными актантами, выступающими в так называемой «изъяснительной» функции. А.Л. Сидинхе рассматривает конструкции с объектными предикатными актантами, представленные синтаксическими структурами трех типов:

а) придаточными предложениями

I could see, where he was.

б) вторично-предикативными оборотами с инфинитивом

He watched her almost run up to the door/

в) вторично-предикативными оборотами с причастием

Now he heard the wind roaring.

По мнению автора, в таких конструкциях есть определенный «темпоральный компонент», который складывается из «аспектуальности и таксиса».

«Таксис, характеризующий соотношение процессов, обозначенных в предложении, во времени относительно друг друга, является семантической категорией, так как его семантика и его признаки вне предложения не существуют: его семантика определяется временными отношениями между процессами, а форма складывается из совокупности различных элементов предложенческой структуры: видо-временных форм главного и зависимого глагола (или их отсутствия из зависимого глагола) и лексической семантики главного глагола». «Темпоральный компонент имеет недейктический характер и поэтому не может рассматриваться в терминах общепринятых видо-временных форм глагола. Речь должна идти о таких значениях, как «одновременность», «предшествование», «следование».

Р.О. Якобсон в своей концепции таксиса обосновывает данную категорию на базе нескольких ключевых положений.

Различия между: а) самим сообщением (S), темой сообщения (T); б) самим фактом (E) и любым из участников (P).

Следует различать следующие 4 вещи:

1. сообщаемый факт
2. факт сообщения
3. участник сообщаемого факта
4. участник факта сообщения.

В соответствии с этим Р.О. Якобсоном подразделяет все глагольные категории на два типа:

- 1) содержащие указание на участников сообщаемого факта
- 2) не содержащие таких указаний.

Категории второго типа «характеризуют либо сообщаемый факт сам по себе, либо его отношение к другому сообщаемому факту». Именно эту категорию он называет таксисом.

Семантика таксиса представляет собой временные отношения между действиями в рамках целостного периода времени, всегда сопряженные с

аспектуальной характеристикой компонентов выраженного в высказывании полипредикатного комплекса и реализуемые как:

1. отношения одновременности (разновременности/ предшествования - следования)
2. отнесенность действий к одному и тому же периоду времени при неактуализованности различия одновременности/разновременности
3. связь действий во времени в сочетании со значениями обусловленности (значениями причины, условия, следствия, цели, обусловленности времени одного действия временем другого) модальными значениями и значениями характеристики.

Полипредикатный комплекс включает:

- 1) сочетание основной и вторичной предикации в конструкциях с деепричастиями (а также причастиями)
- 2) разные типы полипредикации в сложных предложениях и предложениях с однородными сказуемыми.

Представление таксиса как функционально-семантического поля позволяет свести в единую систему языковые явления, описываемые в различных разделах грамматики (в русском языке – при описании: вида, времени, деепричастий, причастий, синтаксиса сложного предложения, конструкций с однородными сказуемыми).

Структура рассматриваемого поля определяется различием функций зависимого и независимого таксиса.

Зависимый таксис – это временное отношение между действиями, из которых одно является основным, а второе – второстепенным.

Независимый таксис – временные отношения между действиями при отсутствии эксплицитной формально выраженной градации основного и второстепенного действий.

Например:

- 1) зав.таксис: Войдя в комнату, С. сразу же зажег свет
- 2) незав.таксис: Когда С. вошел в комнату, он сразу же зажег свет.

Деепричастие создает явно выраженное различие основной и второстепенной предикации, распределение рангов основного и второстепенного действия.

Конструкция с однородными сказуемыми выстраивает действия в однородный ряд. Сложноподчиненное предложение с придаточным времени расчленяет элементы таксисного отношения, при этом каждый из компонентов сложной предикации характеризуется относительной самостоятельностью.

Зависимый таксис. Центральный компонент – конструкции с деепричастиями совершенного и несовершенного видов. Периферийные компоненты:

- а) конструкции с причастиями
- б) предложно-падежные конструкции при рассмотрении ..., при переходе и т.п. в сочетании с глаголом.

Независимый таксис. Центральные компоненты:

- 1) соотнесение видо-временных форм в сложноподчиненных предложениях с придаточным времени при участии союзов, а также лексических элементов типа «сразу же», «в то самое время» и т.п.
- 2) соотнесение видо-временных форм в предложениях с однородным сказуемым и в сложноподчиненных предложениях.

В сфере зависимого таксиса выделяется единый центр, характеризуемый небольшой специализацией и регулярностью выражения рассматриваемого таксисного отношения конструкции с деепричастием.

Проблема соотношения событий в тексте ведет к вопросу о так называемом таксисе. Само противопоставление «абсолютного» и «относительного» времени не следует переоценивать. Время вообще - релятивная таксисная категория, отрезок времени по отношению к другому отрезку времени, событию, действию: земные циклические периоды соотносятся с астрономическим временем, истинные события - с условным календарным, житейские происшествия - с отрезками бытового времени. О таксисной природе времени писал еще М. Гюго: «Время – совокупность отношений, которые опыт устанавливает между явлениями (р.перевод 1899 Степанов 1997:176)».

Библиография

1. Бондарко. А. В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. таксис.
2. Гулыга Е.В., Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном русском языке. М.: Просвещение. 1969-654с.
3. Грамматика русского языка. Академия Наук СССР. Институт русского языка. М.: Академия Наук СССР. 1960-712с.
4. Золотова Г.А. Вопросы языкознания. Категории времени и вида с точки зрения текста. 2002. № 3-12с.
5. Золотова Г.А. Исследования по языкознанию. К вопросу о таксисе. 2001.
6. Мурясов Р.З. Вопросы языкознания. Неличные формы глагола в контрастивно-типологическом видении. 2000. № 4.
7. Паладян М. Вопросы языкознания. Мышление и синтаксис. 2001. № 6
8. Рахманкулова И.-Э.С. Вопросы языкознания. К вопросу о теории аспектуальности. 2004. № 1.
9. Сазонова И.К. Толково-грамматический словарь. Русский глагол и его причастные формы. М.: Русский язык.-1989-588с.
10. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М.: Филология три. 2002-415с.
11. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия. 2002-709с.
12. Hennig Brinkmann. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Pädagogischer Verlag. Schwann. Düsseldorf. 1962-654.
13. Kleine Enzyklopedie-Die deutsche Sprache. Zweiter Band. VEB Bibliographisches Institut. Leipzig.-1174
14. Gerhard Helbig. Joachim Buscha. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Langenscheidt. Verlag Enzyklopedie. 1996-736
15. Grundzüge einer deutschen Grammatik von einem Autorenkollektiv unter der Leitung von Karl Heidoph, Walter Flämig, Wolfgang Motsch. Akademie-Verlag-Berlin. 1981-1028.

Борисова И.М. ГРАФИЧЕСКИЙ ОБЛИК ПОЭЗИИ – ОБЪЕКТ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

(Оренбургский государственный университет)

Проблема *графики* возникает в разных сферах: в полиграфии, языкознании, литературоведении. В такой области литературоведения, как стиховедение, проблема графики - ключевая, поскольку графическая сегментация текста на строки (стихи), по мнению большинства стиховедов, выступает константным признаком стихотворной речи, определяющим характер её ритма. Известно, что Б.В. Томашевский говорил о проблеме “графической формы”, Ю.М. Лотман - о “графическом образе поэзии”, А.Л. Жовтис - о “графической композиции” стихотворного произведения, Г.О. Винокур - о “типографской форме стихотворной строчки”. Поэтому мы относим графику в особый раздел поэтики, изучающий особенности оформления художественных произведений, т.е. систему графических средств, используемых в тексте (графический эквивалент текста, “лесенка”, “столбик”, пробелы, деление на строфы и абзацы, шрифтовые выделения, “унифицирующая” и “контрастная” графика разноstopного стиха и др.).

Однако, как мы выяснили, ни в одном словарно-справочном издании термину “графика” не дается истолкование с позиции литературоведения. Также нет работ, посвященных графике отдельных поэтов. Исключение составляет словарная статья А.П. Зименкова “Лесенка”, которая появилась, когда нами была уже исследована “лесенка” в русской поэзии. Проблема графики недостаточно изучена ни в плане теоретической, ни в плане исторической поэтики. В отечественном литературоведении одними из первых исследователей графики были Ю.Н. Тынянов и А.Л. Жовтис. Ю.Н. Тынянов в работе “Проблема стихотворного языка” выдвинул вопрос об эквиваленте текста и частично рассмотрел его на материале поэзии А.С. Пушкина. А.Л. Жовтис в работах “В рассыпанном строю... (Графика современного русского стиха)” и “В боевом порядке... (О графической композиции стихотворного произведения)” в качестве предмета рассмотрения выбрал такие графические приёмы, как “лесенку” и “столбик”, и проанализировал их на материале поэзии XX века. Сегодня более целенаправленные исследования графики ведутся в области конкретной и визуальной поэзии XX-XXI вв., особенно в зарубежном литературоведении (Клаус Петер Денкер, Вилем Флюссер, Гуидо Билхаринхо, Джереми Адлер, Жералд Янчек). В отечественной науке конкретная и визуальная поэзия изучаются менее интенсивно (см. работы Т.В. Балашовой, М. Сухотина, С.Е. Бирюкова). Остальные периоды с точки зрения графики практически не исследованы, в том числе русская классическая поэзия. По поводу использования поэтами XIX-XX вв. тех или иных графических средств в отечественном литературоведении имеются только разрозненные замечания В.М. Жирмунского, Ю.Л. Фрейдина, В.Б. Сандомирской, В.Н. Захарова, М.Л. Гаспарова, М.И. Циц, В.Е. Холшевникова и др. Более ранний этап русской

работ, посвящённых графике поэта, в них не оказалось. Обнаруживаются лишь отдельные замечания, чаще всего в виде вкраплений в работы по другим вопросам (А.М. Гаркави, Б.Я. Бухштаб, Н.Н. Скатов, О.И. Федотов, Г.Н. Вискалина, М.Д. Эльзон и др.).

Для достижения поставленной цели нами были выдвинуты следующие задачи: 1) выявить “лесенку”, курсив, графический эквивалент в поэзии Н.А. Некрасова, его предшественников и современников; 2) описать структурные особенности перечисленных средств; 3) осмыслить работу Некрасова-стихотворца над графикой своих произведений; 4) рассмотреть указанные графические средства в соотношении с другими стиховыми формантами, поскольку в современном стиховедении выдвигается в качестве актуальной проблема взаимосвязи различных компонентов (М.Л. Гаспаров); 5) показать, какую роль выполняют “лесенка”, курсив и графический эквивалент в художественном мире поэтического произведения.

В статье мы представили те результаты, которые наиболее красноречиво иллюстрируют заявленный методологический аспект работы.

Обнаружилось, что “лесенку” использовали 87 стихотворцев, курсив - 161, графический эквивалент текста - 80. Количество произведений с “лесенкой” составило 373, с курсивом - 1341, с графическим эквивалентом текста (ГЭТ) - 423.

Проведённое исследование показало, что Н.А. Некрасов активно применял все три изучаемых средства графики. В этом плане его непосредственными предшественниками были А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов, т.е. исследуемые приёмы характеризуют русскую классическую поэзию в трёх её вершинных проявлениях. К поэтам, энергично применявшим не менее двух средств (“лесенку” и курсив, курсив и ГЭТ, ГЭТ и “лесенку”), относятся В.К. Кюхельбекер, Ф.Н. Глинка, В.Г. Бенедиктов - в первой трети XIX в., Ап. Григорьев, А.Н. Майков, Л.А. Мей, Д. Минаев, Я.П. Полонский, И.С. Тургенев - в середине XIX в.

При анализе жанрово-родовых предпочтений выяснилось: “лесенка” преимущественно встречается в произведениях драматической формы, а курсив и ГЭТ - в лирических и эпических. “Лесенка” в лирике и эпосе появилась под влиянием драматического стиха.

Осмысление выявленного материала в диахроническом срезе позволяет утверждать, что раньше всех появился ГЭТ - в “<Декларации московскому посольству>” 1646 г. Тимофея Акундинова, затем курсив - в “Сатире I. На хулящих учение” 1729 г. А. Кантемира, драматическая “лесенка” - в “Сатире V. На человеческие злонравия вообще. Сатир и Периерг” 1737 г. А. Кантемира, недраматическая “лесенка” - в “Новостях” и “Рождении Гомера” 1815-1816 гг. Н.И. Гнедича.

Рассмотрение динамики употребления “лесенки”, курсива и графического эквивалента текста показало: драматическая “лесенка” активно использовалась поэтами-классицистами, расцвет недраматической “лесенки” приходится на так называемый “некрасовский” период, романтизм - время наиболее динамичного повышения опытов и экспериментов с курсивом и ГЭТ.

Исследование всей совокупности выявленных текстов позволяет говорить о следующих структурных особенностях изучаемых средств графики.

При использовании “лесенки” стиховой ряд нарушается внутрисклочным членением, в результате которого стих разделяется на ступени, полустипшия. Строка как бы обрывается в одном месте, а продолжается - в другом. Как правило, каждая “лесенка” начинается с прописной буквы, и граница внутрисклочного графического членения совпадает с синтаксическим. Пунктуационные средства между полустипшиями ”лесенки” достаточно многообразны (“...”, “?..”, “!..”, “?”, “!”, “•“, “;”). С точки зрения принадлежности ступеней “лесенок” носителям речи выделяется пять композиционных вариантов: I) “автор + автор”, II) “автор + герой”, III) “герой + автор”, IV) “герой + другой герой”, V) “герой + тот же герой”. 4-5 виды принадлежат, как правило, произведениям драматической формы, а 1-3 виды характерны исключительно для эпоса и лирики.

Курсив по объёму колеблется от одной буквы до совокупности нескольких предложений. По расположению курсива на стихотворной строке мы выделяем шесть его видов, в нашей терминологии: начальнострочный, внутрисклочный, конечнострочный, монострочный, полистрочный и переходнострочный. Курсив маркирует различные виды “чужого слова” (цитаты, аллюзии, реминисценции, автоцитаты персонажей, “внутренние” цитаты, иноязычные слова), являющиеся предпосылкой появления этого средства графики.

Графический эквивалент текста по объёму может быть неполнострочным, монострочным и полистрочным. В произведении ГЭТ располагается свободно: в самом начале, в середине и в конце. Для внедрения ГЭТ поэты используют самые различные средства обрамления: пунктуации (многоточие, восклицательный знак и др.), ритма и синтаксиса (переносы), метрики (метрический курсив, смену стихотворного метра или размера) и строфики (строфический пробел), причём с двух сторон, до и после приёма (“Перед зеркалом”, “Ершов-лекарь”, “Песня”, “.....одинокий, потерянный...” Некрасова, “Меченосец Аран” Языкова, “Олимпий Радин” Ап. Григорьева, “Монастыркам” Бенедиктова, “Две судьбы” Майкова и др.).

Исследование соотношения “лесенки”, курсива и графического эквивалента текста с метром, переносом, рифмой и др. компонентами показало, что графика взаимодействует с различными формантами стихотворной речи. Так, “лесенка” поэтами XVIII-XIX вв. применялась преимущественно в ямбических размерах. В большинстве случаев на полустипшия членятся длинные строки. В поэзии Некрасова анализ текстов вольного ямба (“Два мгновения”, “Юность Ломоносова” и др.) и вольных трёхсложников - амфибрахия, дактиля, анапеста (“Папаша”, “Литература с трескучими фразами...” и др.) позволил сделать вывод, что вольный стих стимулирует появление “лесенки”. Увеличение трёхсложников с графическим разломом строки к концу деятельности Некрасова свидетельствует о пристальном внимании к этим метрам, представляющим для поэта поле экспериментов. Кроме того, “лесенка” служит специфическим ритмико-интонационным знаком препинания, создающим своеобразную паузу внутри стиха, благодаря чему

ритмическая жизнь строки-”лесенки” приобретает особую ценность. При рассечённом членении “лесенка” образует специфическое нарушение ритмического рисунка строки, близкого к “ритмическому перебою” (<Отрывок из Шиллеровой трагедии “Мессинская невеста”> К.Н. Батюшкова, “Джюлио” М.Ю. Лермонтова, <Из поэмы “Давид Риццио”> Н.В. Кукольника, “Песни Офелии” Н.П. Огарёва, “Тантал” Н.Ф. Щербины, “Арашка” Л.А. Мея, “Я ль первый отойду из мира...” Я.П. Полонского и др.). Рассмотрение случаев совпадения “лесенки” и переноса - “лестничных” переносов - показало, что в поэтике Некрасова они тяготеют друг к другу, что графика призвана маркировать перенос (“Злой дух”, “Детство” и др.). “Лесенка” и перенос обнаружили ряд сходных свойств (оба приёма делают слово или словосочетание более “выпуклым”, подчёркивают важные моменты, образуют ритмическую паузу и т.д.). Курсив активно взаимодействует с рифмой по принципу компенсации или усиления. В зависимости от места курсива в строке степень выделенности рифмы может быть различной (высокой, средней, низкой). При высокой степени, когда курсивом маркируется слово, поставленное в рифму, создаётся специфическое интонационное рифмическое напряжение перед основной стиховой паузой (“Говорун” Некрасова, “Юрий и Ксения” Кюхельбекера и др.). Рассматривая ритм и синтаксис в аспекте появления курсива, мы отметили, что курсив и перенос не тяготеют друг к другу, но графическое маркирование сильных мест в enjambement позволяет говорить о некотором влиянии синтаксиса на появление курсива. Поскольку курсив и перенос выделяют слова и словосочетания, то роли, выполняемые ими, очень близки, они как бы взаимодополняют, усиливают друг друга (“Провинциальный подьячий в Петербурге”, “Современники”, “Кому на Руси жить хорошо” Некрасова). Прослеживается взаимодействие ГЭТ и рифмы: 1) с точки зрения рифмования эквивалент предстает в трех видах: рифмующийся (“Угомонись, моя Муза задорная...”, “Истинная мудрость” Некрасова), схематичный (“Пир ведьмы”, “Ворон” Некрасова) и одинокий (“Убогая и нарядная”, “На Волге”, “Земляку” Некрасова); 2) с помощью эквивалента в рифмованных произведениях создаётся специфический рифмический перебой.

Предпринятое нами выделение общих и частных функций “лесенки”, курсива, графического эквивалента текста дало возможность увидеть их типологическую близость. Общие функции - это функции зрительного раздражителя, диалога “поэт-читатель”, ведущего, знака; смыслового сигнала, создания стилистической характеристики, оформления “чужого слова”, стимула к “перечтению”; недосказанности, возбуждения интереса, призыва к обсуждению, пробуждения творческого воображения. Анализ общих функций показал, что связь с содержанием у изучаемых средств разная: у “лесенки” и курсива более сильная, у ГЭТ семантика скрыта, смысловая связь как бы обрывается. В случае с “лесенкой” и курсивом основной груз ответственности и реализации творческого потенциала лежит на поэте. “Лесенка” и курсив предназначены акцентировать, усилить созданные поэтом семантические узлы. Читателю остаётся осмыслить только то, что он предлагает. В случаях с ГЭТ главенствующая роль отводится читателю. Его творческий потенциал

проявляется свободнее, чем при восприятии “лесенки” и курсива, поскольку замена текста на ГЭТ даёт читателю возможность домыслить содержание, выступить в роли сотворца, т.е., в отличие от “лесенки” и курсива, при восприятии эквивалента доля субъективного начала усиливается. Частные функции: “лесенке” присущи функции, связанные с драматизацией, психологические, композиционные, композиционно-временные; курсиву - функции обозначения реалий, характеристики персонажа (или героя), создания символического образа, разграничения понятий, выражения отношения к изображаемому, маркирования пространственно-временных форм и сюжетно-композиционные (эмоциональной динамики, прогнозирования сюжета, обозначения кульминационного момента, маркирования финала, выделения рефрена и др.); ГЭТ - функции цензурно-служебные, отрывочно-фрагментарные, композиционные, характеристики персонажа, сатирико-комического подтекста, психологические. Интерпретация частных функций в таких произведениях, как “Балет”, “Баба-Яга”, “Поэт и гражданин”, “Уныние”, “Суд”, “Железная дорога”, “Рыцарь на час”, “Мороз, Красный нос”, “Княгиня Трубецкая”, “Секрет”, “Современники”, “Кому на Руси жить хорошо” Некрасова, “Преступник” Лермонтова, “Мёртвому другу” Огарева, “Три века поэтов” Вяземского, “Сашка” Полежаева, “Ода на поимку Таирова” А.К. Толстого и др., позволяет открыть новые возможности анализа поэтического произведения, проникнуть в его художественный мир.

Рассмотрение движения “лесенки”, курсива, графического эквивалента от вариантов к каноническому тексту (на материале произведений Некрасова: “Деловой разговор”, “Несчастные”, “Крестьянские дети”, “Недавнее время”, “Княгиня Трубецкая”, “Медвежья охота”, “Современники”, “Суд”, “Балет”, “Княгиня Волконская”, “Уныние”, “Кому на Руси жить хорошо”, “Шила в мешке не утаишь...”, “Тяжёлый год - сломил меня недуг...”, “Горящие письма” “Горе старого Наума”, “Газетная” и др.) позволило выделить три стабильные группы фактов, анализ которых проливает свет на творческую историю произведений и стиль работы поэта над графикой стиха: 1) когда приёмы, присутствуя на первой или промежуточных стадиях, на заключительных этапах работы теряются; 2) когда приёмы, появляясь на первой или промежуточных стадиях, сохраняются до последнего этапа работы; 3) когда приёмы появляются на завершающих этапах работы с текстом. Статистические данные показали, что те графические средства, которые имеются в канонических текстах, чаще всего появлялись на заключительных этапах работы поэта. Факт работы поэта над графикой свидетельствует о высокой степени осознанности их включения в поэтическое произведение. В результате проведенного анализа Некрасов предстаёт гениальным стихотворцем, мастером формы.

Таким образом, исследование графического облика поэзии - “лесенки”, курсива и графического эквивалента текста - позволило впервые рассмотреть традицию использования этих средств, выявить их структуру и функции, изучить соотношение с другими стиховыми формантами и с “идейно-эмоциональным комплексом” произведения (термин А.Л. Жовтиса). Осмысление творческой истории произведений с “лесенкой”, курсивом и

графическим эквивалентом текста помогло увидеть намеренность использования данных приёмов и установить особенности работы Некрасова над графикой стиха. Привлечение большого широкого контекста аналогичных явлений XVIII-XIX вв. подтвердило наше изначальное предположение о том, что поэзия Некрасова с точки зрения графики вобрала в себя многое из того, что было достигнуто его предшественниками, и открыла новые возможности использования “лесенки”, курсива и ГЭТ.

Бурикова С.А. ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ИЗОБРАЖЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Я.М.Р. ЛЕНЦА

(Оренбургский государственный университет)

В драматических произведениях Я. Ленца хорошо видно, что большая часть характеристики героев заложена в режиссерских пометках, и таким образом, доверена исполнителям ролей. Эти мелкие, тонко очерченные детали пробуждают впечатление моментального события, происходящего в данный момент. Впечатление усиливается благодаря тому, что герои так крепко привязаны к реальности, (тенденциозные диспутивные сцены исключаем), их мысли вращаются вокруг повседневных событий, вокруг окружающего. Отсюда следует, что диалогу не хватает глубоких мыслей, но зато он в такой степени одухотворен и в то же время значителен в художественном плане, что не только правдив с точки зрения психологии, но и внешне очень соответствует героям, которые его ведут. Рассмотрим пример из пьесы «Гувернер»:

“Marie (mit einem tiefen Knicks). Jetzt koennen Sie Ihre Liebesdeklaration machen. (Laeft ab, die Kammertuere hinter sich zuschlagend. Jungfer Zipfersaat, die ganz verlegen, tritt ans Fenster. Desportes, der sie veraechtlich angesehen, passt auf Marien, die von Zeit zu Zeit die Kammertuer ein wenig oeffnet. Endlich steckt sie den Kopf heraus; hoenisch). Na, seid Ihr bald fertig? (Desportes sucht sie zwieschen die Tuer einzuklemmen, Marie sticht ihn mit einer grossen Stecknadel; er schreit und laeft ploetzlich heraus, um durch eine andere Tuer in jenes Zimmer zu kommen. Jungfer Zipfersaat geht ganz verdriesslich fort, derweil das Geschrei und gejauchz im Nebenzimmer fortfaert. Weseners alte Mutter kriecht durch Stube, die Brille auf der Nase, setzt sich in eine Ecke des Fensters und strickt und singt, oder kraechzt vielmehr mit ihrer alten, rauhen Stimme.)” etc.

«Мария (с глубоким поклоном). Теперь Вы можете сделать свое признание в любви. (Убегает, закрывая за собой дверь комнаты. Девушка Ципферзаат, в полном смущении, отходит к окну. Деспорте, взглянув на неё с презрением, следит за Марией, которая время от времени приоткрывает дверь комнаты. Наконец она просовывает голову внутрь и произносит насмешливо). Ну скоро Вы там? (Деспорте пытается зажать её в дверях, Мария колот его большой булавкой; он вскрикивает и резко выбегает, чтобы вновь войти в комнату через другую дверь. Девушка Ципферзаат совершенно оскорбленная уходит прочь, крики и безудержное ликование в соседней комнате продолжают. Старая мать Везенера в очках на носу медленно проходит по комнате, садится в углу у окна и вяжет и поет, или даже больше хрипит своим старческим, скрипучим голосом.)» (перевод наш)

Уже в Гувернере Ленц умело обращался с языком, с диалогом, -главным средством характеристики героев и главной составляющей драматического исполнения. Уже в этом произведении персонажи говорят так, что им верят на слово. Комедия «Гувернер» не обладает стилистическим единством; идеалистическое, реалистическое и натуралистическое понимание

момента стоят рядом, но не являются единым целым. Под этим влиянием находятся так же и язык и диалог, которые, однако, как раз естественны для доминирующего в пьесе здорового реализма. Словам, произносимым героями, публика верит, и все же складывается впечатление, что кое-чего не хватает, а именно во внешней детальной технике, - у с и л е н и я, которое, разумеется, превосходно подходило бы для действия на сцене. Язык в произведении не такой, какой принято называть «театральным», но он меткий и выразительный, хорошо подходящий для сцены, не допускает мертвых моментов, а наоборот сильный и живой. Он поддерживает о с о з н а н н о е а к т е р с к о е и с п о л н е н и е, в то время как «Солдаты» полны индивидуальности, воплощенных художественно переживаний уже и сами по себе требуют от актера проявления мастерства. Язык в «Гувернере» еще по большей части, соответствует штурмовому стилю всего произведения, он громкий, сатира сильно выделена и не читается между строк, как позже в «Солдатах». В диалоги, естественно, вплетено многое то, что волновало автора, и даже его время. Прежде всего, много обсуждается вопрос домашнего образования, сильные демократические чувства выражает шульмейстер Венцеслаус, который отчетливо проявляет себя в уходе за зубами и потреблении никотина. Удастся Ленцу применение иностранных языков, таким способом он добивается создания тонких юмористических деталей. (Французский I,3, кроме того, латинские цитаты шульмейстера.) Для характерной диалогической окраски пока не используется диалект, но диалог абсолютно точно носит отпечаток р а з г о в о р н о г о языка. В целом тон, на который почти целиком настроена трагикомедия, так же как и приемы при создании формы типажей и характеров находятся немного под влиянием художественного духа автора «Гётца фон Берлихингена», хотя прямые сходства доказать затруднительно.

В «Солдатах» Ленц значительно углубил я з ы к о в у ю и д и а л о г о в у ю технику. Как эта пьеса в целом явилась почти атеатральной, более острой и легко написанной чем широко и ярко нарисованной, так же и язык приобрел простоту и естественную правдивость. То, что говорят люди, это выражение их моментального течения мысли, это не «меморизовано». И в этом смысле влияние острых наблюдений Ленца за реальной жизнью невозможно не признать. Ленц подслушивал за людьми, как они говорят в действительности, - не на сцене, одухотворенные поэтом. Как поэт, Ленц придавал большое значение разговорному языку, рекомендовал изучать художественный язык. В одной работе он пишет: (Ueber die Bearbeitung der deutschen Sprache im Elsass, Breisgau und den benachbarten Gegenden." IV.S. 247.) "Wenn wir in Hauser unserer sogenannten gemeinen Leute gingen, auf ihr Interesse, ihre leidenschaftlichen achtgeben, und da lernten, wie sich die Natur bei gewissen erheischenden Anlaessen ausdrueckt, die weder in der Grammatik noch im Woerterbuch stehen – wie unendlich koennten wir unsere gebildete Sprache bereichern."

« Если бы мы пошли в дома наших, так называемых простых людей, проявили бы интерес к их страстям, и там поучились бы, как природа выражается при подобных обстоятельствах, а именно средствами, которых нет

ни в грамматике, ни в словаре – как бесконечно мы смогли бы обогатить наш образованный язык (перевод наш).

Ленц принимает буржуазный и солдатский тон. Язык старого Везенера, например, полон поговорок и просторечных выражений: Lueg nur dem Teufel ein Ohr ab! Или Na, mach' sie doch das Kind nicht! или Ich will es bei seinem Herrn vater schon fuer ihn kochen. Очень умело автор применяет эльзасский немецкий, не допуская, однако, комических воздействий. Среда, таким образом, приобретает определенную интимность. Характерным является, например, смесь эльзасского с французским в следующей фразе: Charlotte. Das ist alles das Mariell Schuld. (Weint.) Die gottvergessne Allerweltshure will honette Maedels in Blame bringen, weil sie so denkt. (I.5) u.s.f. На тему языка в творчестве Ленца имеется работа Курта Рфютце "Die Sprache in Lenzens Dramen".

В Гувернере едва ли можно встретить пафосные и напыщенные фразы, где и так молодежный темперамент заходит слишком далеко, попадая иногда «пальцем в небо». Конечно, в сценах, где разворачиваются дискуссии широко распространен риторический элемент, который нередко имеет привкус высоких фраз.

В общем и целом, изображение персонажей в обеих реалистических трагикомедиях Ленца почти полностью остро и правдиво, чаще содержит карикатурную нежели идеалистическую специфику, чему способствует и их язык и диалог в драмах. Герои имеют реальную почву под ногами, логично реагируют друг на друга, пользуясь простым и доступным им языком. Их судьбы находятся с их характерами в правильном, естественном соотношении. Им не хватает величия и завершённой пластичности, однако, это зависит от своеобразной техники, когда автор призывает исполнителя в соавторы, и от склонности поэта к сатире. Изображения героев в драмах Ленца это результат зародившегося и намеренно развитого наблюдения реальности и природы, которое его подводит, как только он обращается к материалу, который не может сотворить на основе наблюдений событий реальной жизни.

Литература

1. O. Gluth, Lenz als Dramatiker, Muenchen-Leipzig 1972
2. .Klaue, Magnus: Zur Aristoteles-Rezeption in Lenz' „Anmerkungen u bers Theater“. In: Lenz-Jahrbuch (St. Ingbert), Bd. 8/9 (1998/1999; ersch. 2003), S. 99-109.
3. .Niggel, G u nter: St u ndebild und Stundekritik in Lenzens sozialen Dramen „Der Hofmeister“ und „Die Soldaten“. In: Stephan/Winter 2003, S. 145-153.
4. .J.Schulze- Sasse , Die Dramatik des Sturm und Drang München: dtv 1980, S. 423–499

Вятчина В.Е. КАТЕГОРИИ УНИВЕРСАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

(Оренбургский государственный университет)

Язык, являясь инструментом познания мира и хранилищем индивидуального и общественного опыта, восприятия и оценки окружающей действительности, отражает мировосприятие конкретной этнокультурной общности. Передавая информацию о действительности знаковым способом: с одной стороны - универсальным для всех людей независимо от их культуры, с другой - несущим в себе особенности глубоко национального мировосприятия, язык участвует в формировании картины мира как системно упорядоченной, социально значимой модели знаков, передающей информацию об окружающей среде. В этой информации переплавлены три группы признаков, которые объединяет в себе любая функционирующая культура. В данном случае речь идет о признаках: а) характерных для всего человечества, то есть общих, неспецифических; б) характерных для группы локальных культур – относительно специфических; в) характерных только для данной локальной культуры – абсолютно специфических [Иванова 2003]. При этом национальная специфика может проявляться в таких компонентах культуры как традиции, отличающихся относительной устойчивостью, обычаи, понимаемые как традиции в «социо-нормативной» сфере культуры, обряды, выполняющие функцию неосознанного приобщения к господствующей в данном обществе системе нормативных требований, а также в бытовой культуре, в повседневном поведении, нормах общения, принятых в некотором социуме и связанным с ним кинесическим кодом, в национальных особенностях мышления, художественной культуре, отражающей культурные традиции этноса, в способе освоения и представления природных богатств и географической среды, в особенностях социо-политического устройства, техническом и технологическом уровне/ способе освоения действительности.

Картина мира всегда представляет собой результат деятельности целого ряда поколений, где язык служит средством конденсации и передачи опыта мировосприятия. Передача культурно-исторического опыта была бы, однако, невозможной, если бы язык не располагал общечеловеческими значимостями. В роли таких значимостей выступают общие значения слов, или сумма некоторых самых общих дифференцирующих признаков реалий, названных словом. Минимум дифференцирующих признаков у всех говорящих на конкретном языке одинаков, благодаря чему и устанавливается взаимопонимание людей.

Единство биологической и социальной сущности человека, независимо от его расовой или национальной принадлежности, индивидуальных особенностей как живого существа, определяет универсальность человеческого механизма восприятия окружающего мира. Общие для всех людей индивидуальные процессы в осмыслении мира, логические законы мышления и способы связи

понятий, а также единство и объективность материального мира для всех людей Земли являются основой для формирования единых, универсальных понятий и категорий, присущих языковой картине мира каждого народа. Среди них можно выделить такие общечеловеческие понятия как время, пространство и др. Данные концепты находят свое выражение и в языке как системе знаков. Они получили название «языковых универсалий».

В лингвистической литературе можно найти различные определения языковых универсалий. Так, одни исследователи понимают под данным термином обобщенные высказывания о свойствах и тенденциях, которые могут осуществляться для одного языка в процессе его существования [Гринберг, Осгуд 1970], другие определяют универсалии как относительно устойчивую связь определенной совокупности признаков свойств, которые характеризуют одну значительную группу языков в отличие от другой группы [Тухман 1973], третьи считают универсалии своего рода «инвариантами», присущими структуре большинства языков мира, независимо от их системных возможностей, и, следовательно, характеризующими «человеческую природу» вообще и закономерности человеческого (языкового) поведения, в частности [Маковский 1980: 163]. В целом, языковые универсалии можно определить как универсальное (то есть прослеживающееся во всех языках) свойство или универсальное отношение между неуниверсальными свойствами языков.

Языковые универсалии разнообразны, могут быть обнаружены, практически, на всех уровнях языка (в фонетике, грамматике, лексике, синтаксисе). Особую трудность при этом представляет изучение семантических универсалий, отражающих глубинные свойства языковой системы.

В данной статье разделяется мнение, согласно которому, универсалии могут не обладать абсолютным характером, а относиться к регулярным, статистическим явлениям, которые наблюдаются и в более ограниченной сфере языков какой-то отдельной группы [Ярцева 1974; Хайруллина 1997]. Следует также иметь в виду, что языковые универсалии, как и язык в целом, не являются неизменными. В процессе исторического развития человеческого общества, в связи с расширением знаний об окружающей действительности, с совершенствованием методов ее познания, с постоянным преобразованием системы взглядов на мир меняется и содержание языковых универсалий. В связи с этим предлагается дифференцировать универсалии на диахронические и синхронические.

Бесспорным является тот факт, что наличие культурно-языковых универсалий обусловлено универсальным характером человеческого мышления, общим поступательным развитием человеческой культуры и цивилизации, всеобщностью бытия и познания и, соответственно, их универсальными законами и категориями. Культурно-языковая специфика выявляется как результат специфического действия процесса языкового кодирования при описании фактов окружающей реальности, отражающих специфику бытийных и познавательных моделей, принятых той или иной языковой общностью, и специфику цивилизованного прогресса и

строительства, специфику социально-психологических особенностей данного лингвокультурного сообщества [Иванова 2003].

Изучение языковых универсалий связано с исследованием общности фактов в русле типологической лингвистики. Языковые универсалии при этом могут служить в качестве основания сравнения исследуемых единиц. В частности, в данной работе в основу сравнения немецких и русских фразеологизмов положена такая универсальная понятийно-языковая категория как категория времени.

Проявляясь на разных уровнях языковой системы, универсалии находят свое отражение и во фразеологии. В частности, само существование фразеологического уровня в языке относится к лингвистическим универсалиям: нет такого языка, в составе которого не было бы фразеологических единиц. При контрастивном изучении фразеологии немецкого и русского языков обнаруживается, что оба языка для выражения определенных коммуникативных намерений часто используют идентичные ФЕ (фразеологические единицы) [Földes 1990: 169]. Исходя из этого, Фёльдес утверждает, что сравнительный анализ направлен на то, чтобы определить степень конвергенции (сходства, соответствия) исследуемых фразеологических систем. Под этим подразумевается количественное соотношение эквивалентных или частично эквивалентных ФЕ. Чем выше процент полностью или частично соответствующих фразеологизмов, тем выше степень соответствия исследуемых систем, и наоборот [там же].

В случае исследуемых нами языков степень межъязыковой фразеологической эквивалентности довольно высока, причиной чего в первую очередь являются неязыковые факторы, прежде всего многовековые политические, экономические и культурные контакты России и Германии.

А.Д. Райхштейн издал пособие по лексикологии, где собрал наиболее частотные идентичные немецкие и русские цкие и русские 80]. При разработке корпуса выяснилось, что количество межъязыковых фразеологических эквивалентов достигло более тысячи. Если подумать, что речь идет о генетически неродственных и типологически совершенно различных языках, то это число можно считать очень высоким.

Существует значительное число так называемых фразеологических интернационализмов, которые можно встретить во многих языках с похожим культурным фоном.

К ним относятся в первую очередь фразеологизмы, имеющие свои корни в библии, мифологических преданиях Античности или известных произведениях мировой литературы. При рассмотрении некоторых этих ФЕ их библейское или мифологическое происхождение ясно без особых этимологических знаний. В случае ФЕ такого типа как *bis zum Jungsten Gericht warten* – *ждать до страшного суда, до судного дня*, *seit Adams Zeiten, so времен Адама* идентификация библейского источника является едва ли проблематичной. Кроме того, *счастливые часов не наблюдают* не только у А.С. Грибоедова, но и у Ф. Шиллера *dem Glücklichen schlägt keine Stunde*, и Т. Манн в «Будденброки» тоже считает, что *не все еще потеряно*: „...*Oh, Tony*;

Courage!“, sagte der Senator, und gerührt und ergriffen von Ihrer Hilflosigkeit, rückte er ihr nahe...“ *Noch ist nicht alle Tage Abend. Noch ist er ja nicht verurteilt*“.

Определенные идентичные ФЕ основываются на соответствующих наблюдениях или опыте, похожем образе жизни, образе мыслей, ассоциациях, т.е. на соответствующем коллективном сознании исследуемых языковых сообществ.

К этой группе можно отнести различные межъязыковые соответствия, которые существуют во многих генетически неродственных и типологически различных языках независимо друг от друга. Эти фразеологические параллели, как было сформулировано И. Чернышевой «основываются на универсальных законах человеческого сознания, которые для выполнения эмоциональной функции языка используют одни и те же механизмы и образуют похожие комплексные языковые единства» [Чернышева 1984: 20]. Опираясь на ее исследования, здесь следует назвать пять универсальных логически-семантических моделей, являющихся продуктивными также и при формировании фразеологического материала русского и немецкого языков:

- противопоставление, когда общее значение образуется на основе семантической интеграции антонимичных лексем, например, *день и ночь, Tag und Nacht*;

- модель идентичности или сходства, основывающаяся на сравнении, например, *wie der Blitz, blitzschnell – молниеносно, wie ein Pfeil angeschossen – стрелой, wie eh und je - как повелось издавна, die Zeit verging wie im Fluge - время пролетело, klar wie der Tag - ясно как божий день*;

- гипербола, т.е. образование фразеологизмов происходит на основе осознанного преувеличения/переоценки определенных явлений, черт, например, *wie Rakete - как ракета*;

- мейоза, т.е. фразеологизмы образуются на основе осознанного преуменьшения определенных явлений, черт, например, *im Schnecken tempo – черепаший шаг*;

- алогизм, т.е. способ образования фразеологизмов, основывающийся на нереальной ситуации, например, *wenn der Fuchs und der Hase einander „Gute Nacht!“ sagen, wenn Ostern und Pfingsten auf einen Tag fallen – когда рак на горе свистнет*

Универсальные свойства фразеологизмов проявляются как в их семантике (плане содержания), так и в их структуре (плане выражения). Во фразеологии любого языка получают выражение универсальные семантические категории языка (категории времени, пространства, количества, степени, качеств и состояний предметов и субъектов). Кроме того, в семантике фразеологизма могут закрепляться общечеловеческие культурные коннотации, связанные с той или иной реалией окружающего мира, на основе которых формируется фразеологический образ. Яркой иллюстрацией этого являются фразеологизмы со значением «время». Сравнительный анализ языкового материала показывает, что образ и ассоциации у носителей немецкого и русского языков совпадают в большинстве случаев. Об этом свидетельствует существование эквивалентов в обоих языках, например, *откладывать в долгий*

ящик – auf die lange Bank schieben; вставить с петухами – mit dem ersten Hahnenschrei aufstehen; глазом не успеv моргнуть – ohne mit der Wimper zu zucken и др.

Так, фразеологизм *глазом не успеv моргнуть – ohne mit der Wimper zu zucken* означает «очень быстро», потому что процесс моргания глазом занимает доли секунды. Как *ракета – wie eine Rakete* имеет значение «мгновенно, молниеносно». В основе фразеологизма лежит образ космической ракеты, стремительно взмывающей вверх.

Фразеология каждого языка отображает образную картину мира в призме восприятия того или иного народа. Р.Х. Хайруллина доказывает применимость к фразеологии выдвинутой И.Ф. Протченко и Н.В. Черемисиной концепции универсалий языкового развития, включающих тенденции: 1) к динамике и устойчивости; 2) к стандарту и экспрессии; 3) к экономии и избыточности.

Фразеологизм, отражая динамику развития процесса наименования реалий мира от слова к словосочетанию, является при этом устойчивой языковой единицей. Будучи, с одной стороны, стандартной, стереотипизированной, существующей в «готовом виде» единицей языка, фразеологизм представляет собой, с другой стороны, знак, у которого экспрессивность выступает как неотъемлемое свойство. Поскольку фразеологизм почти всегда является вторичным по отношению к слову наименованием явлений и фактов реальной действительности, он характеризуется избыточностью, но в то же время в его семантике проявляется закон экономии, т.к. фразеологизм – это компактная передача многовекового опыта народа в освоении мира [Хайруллина 1997: 29].

Выделяя универсальное в языке, нельзя забывать, что контрастивное изучение языков выявляет наряду с чертами сходства также и национальную самобытность, специфичность языков. Для выявления фактов культурно-языковой специфики предлагаются два метода: сравнительный и интроспективный. Сравнительный подход предполагает сравнение с другими языками и культурами, поскольку именно сравнение способствует выявлению общих и специфических черт. Интроспективный анализ предполагает работу с информантами и текстовый анализ языкового материала с целью выявления национально-культурной специфики языка [Добровольский 1996].

Проявление национально-культурной специфики не отменяет действия языковых универсалий. Представляется, что культурно-языковая специфика и культурно-языковые универсалии не находятся в отношениях взаимоисключающего противодействия. Они сосуществуют, что вполне согласуется с утверждением Б. Рассела о том, что наше знание о мире и вещах (речь в данном случае идет о знании, облеченном в плоть языка) состоит из знания двух видов – когда вещи известны как конкретности и как универсалии.

Национальная особенность фразеологии того или иного языка может проявляться как в характеристиках ее внутриязыковой организации, так и в уникальности различных фактов национальной культуры, связанных с отличным восприятием некоторых концептов, получивших отражение в ФЕ. Так, некоторые русские фразеологические единства вообще не имеют

эквивалента в немецком языке: *скучен день до вечера, коли делать нечего; искать вчерашний день*. Эти фразеологические единства осуждают поведение людей, которые не берегут свое время, растрачивают его понапрасну.

Можно предположить, что некоторые русские фразеологические единицы не имеют эквивалента по причине их исторической основы. Например, фразеологизм *вот тебе бабушка и Юрьев день* восходит корнями еще к 15-16 векам, когда крепостным крестьянам было разрешено на Юрьев день 26 ноября менять своего феодала.

Нет в немецком языке и понятия *на черный день*. Немецкий народ говорит с легкостью об этой реалии *für den Notfall*.

Можно согласиться с мнением ряда исследователей, полагающих, что страноведческая ценность и национальная неповторимость ФЕ складывается из следующих составляющих: во-первых, ФЕ могут отражать национальную культуру своими актуальными фразеологическими значениями, служащими экспрессивному наименованию явлений, присущих только данному народу; во-вторых, фразеологизмы могут отражать национальную культуру прямым значением переменного словосочетания (генетического прототипа), лежащего в основе фразеологизма; словосочетания, являющиеся основой ФЕ, описывают определенные традиции, особенности культуры, быта, исторических событий страны; в-третьих, ФЕ могут отражать специфику национальной культуры в прямых значениях лексических компонентов, входящих в состав ФЕ.

На наш взгляд, категории универсального и национального, отражая специфику отношений всеобщего и единичного, находятся в диалектическом единстве и характеризуют во всей полноте особенности исследуемых единиц.

Список литературы:

1. Гринберг Д., Осгуд Ч., Дженкинс 1970 – Меморандум о языковых универсалиях. // Новое в лингвистике. Т.V.M., 1975. – С. 31 – 45.
2. Добровольский Д.О. Образная составляющая в семантике идиом // ВЯ – 1996, №1. – С. 71 – 93.
3. Иванова С.В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Уфа: 2003. – 41 с.
4. Маковский М.М. Системность и асистемность в языке. Опыт исследования антиномий в лексике и семантике. М.: Наука, 1980. – 212 с.
5. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., 1980. 143 с.
6. Хайруллина Р.Х. Картина мира во фразеологии. / Тематико-идеографическая семантика и образно-мотивированные основы рус. и баш. фразеологизмов. Автореферат диссертации на соискание степени доктора филологических наук. М., 1997. – 32 с.
7. Ярцева В.Н. Проблема универсалий и классификация языков // Универсалии и типологические исследования. М., 1974. – С. 5 – 28.
8. Černyševa I. Aktuelle Probleme der deutschen Phraseologie. Deutsch als Fremdsprache, 1984 – S. 17 – 21.

Габдракипова Р.З. КАТЕГОРИЯ ТАКСИСА КАК КАТЕГОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОГО ВРЕМЕНИ

(Оренбургский государственный университет)

Если задаться вопросом с функциональной позиции, зачем языку категории таксиса и вида, разумным кажется ответ: для построения текста. Поскольку язык существует для человеческого общения, а общение происходит посредством порождаемых говорящими текстов, устных и письменных, лингвистика приближается к признанию текста основным своим объектом и к пониманию времени и вида как текстовых категорий. Именно видо-временные формы глагола – главное средство организации текста.

Проблема соотношения событий ведет к вопросу о так называемом таксисе. Относительные, релятивные, таксисные значения временных форм глагола изучались в рамках сложного предложения или простого, осложненного деепричастным оборотом.

Само противопоставление «абсолютного» и «относительного» времени не следует переоценивать. Время вообще – релятивная, таксисная категория, любой отрезок времени определяется по отношению к другому отрезку времени, событию, действию: земные циклические периоды соотносятся с астрономическим временем, исторические события – с условным календарным, житейские происшествия – с отрезками бытового времени. О таксисной природе времени писал еще М. Гюйо: «Время – совокупность отношений, которые опыт устанавливает между явлениями». «Момент речи» – одна из точек отсчета, тоже релятивная. Момент речи – это время речевого действия в ряду других действий.

Естественно, что каждый предикат в тексте вступает в релятивные связи с соседними предикатами – любого морфологического оформления – не только по линии времени, но и по линии лица и модальности.

Семантическая категория таксиса трактуется как временное отношение между действием в рамках целостного периода времени, охватывающего значения всех компонентов выражаемого в высказывании полипредикативного комплекса: одновременность / неодновременность, прерывание, соотношение главного и сопутствующего действия и тому подобное. Таксис включает аспектуальную (видовую) характеристику комплекса соотносимых во времени действий и может взаимодействовать с причинно–следственными, уступительно–противительными и другими значениями.

Понятие таксиса в его отличиях от понятия времени было определено Р. О. Якобсоном как «греческий прообраз» предложенного Л. Блумфильдом термина «порядок». Таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения (в отличие от времени, характеризующего сообщаемый факт по отношению к факту сообщения). Если время относится к числу категорий («шифтеров»), содержащих указания на отношение сообщаемого факта и/или его участников к

факту сообщения, то таксис представляет собой одну из категорий («не шифтеров»), не содержащих этих указаний.

Таксис может быть выражен различными (морфологическими, синтаксическими, морфолого-синтаксическими, лексическими) средствами, которые образуют функционально-семантическое поле, пересекающееся с полями темпоральности и аспектуальности. Таксис существует в каждом языке, однако как особая грамматическая категория, отличающаяся от вида и времени, - лишь в тех языках, где имеется соответствующая специальная система грамматических форм (нивхский язык, язык хопи). Как отмечает Ю. С. Маслов, во многих языках таксис не выступает в качестве особой грамматической категории, а объединяется в рамках одной комбинированной категории либо со временем, либо с видом.

Некоторые разновидности таксиса в ряде языков (французский, английский, немецкий) находят выражения в формах относительного времени, в частности со значением предшествования. Р. О. Якобсон выделил два типа таксиса: зависимый и независимый. Зависимый таксис определен как выражающий различные типы отношений к независимому глаголу -одновременность, предшествование, прерывание и тому подобное. В русском языке зависимый таксис, выраженный деепричастием, определяется как указывающий на сообщаемый факт, сопутствующий другому, главному сообщаемому факту. Независимый таксис данным признаком не характеризуется. Особенностью подхода Якобсона к данному кругу языковых фактов является: а) разграничение категорий времени и таксиса; б) разграничение тех двух типов отношений, которые стоят за понятиями зависимого и независимого таксиса.

Ядро семантики таксиса – это значения одновременности / разновременности (предшествования – следования). Собственно временные отношения между действиями всегда включают ту или иную аспектуальную характеристику: выражаются такие значения, как одновременность двух или более процессов, последовательность сменяющих друг друга целостных фактов, комплекс нескольких результативных состояний, отнесенных к одному и тому же периоду времени и тому подобное. Временные соотношения действий могут быть осложнены семантикой обусловленности (значениями условия, причины, следствия, цели), а также модальными элементами и отношениями характеристики.

Говоря о том, что таксис представляет собой временное отношение между действиями (в широком смысле), мы имеем в виду не действия в реальном, внеязыковом мире, а языковые значения действий. Содержание категории таксиса, как и других семантических категорий, не тождественно отношениям реальной действительности – оно отражает эти отношения.

Зависимый таксис – это временное отношение между действиями, из которых одно является основным, а второе – второстепенным (сопутствующим). Независимый таксис предполагает временные отношения между действиями при отсутствии эксплицитной, формально выраженной градации основного и второстепенного действия.

Как уже было отмечено выше, ядро семантики таксиса составляют отношения одновременности/разновременности. Могут быть выделены типы: 1) строгой (полной, сильной) и 2) нестрогой (частной, слабой) разновременности. Соответственно одновременность может быть 3) строгой (полной) и 4) нестрогой (частичной). Понятия нестрогой разновременности и нестрогой одновременности пересекаются. Помимо указанных (дифференцированных) отношений могут быть выделены отношения недифференцированные: 5) неопределенно-временные отношения при неактуальности различия одновременности/разновременности и 6) отношения «псевдоодновременности».

1. Строгая разновременность

Действие А строго предшествует действию В тогда и только тогда, когда каждый момент, в которой имеет место А, находится ранее каждого момента, в который происходит В.

2. Нестрогая разновременность

Событие А слабо предшествует событию В, если и только если существуют 2 момента времени, такие, что один из них ранее другого и в более ранний момент имеет место А, а в более поздний – В.

Отражая те или иные совокупности признаков предметов, человек в силу известной ограниченности своих сенсорно – перцептивных возможностей не способен с одинаковой четкостью осознанно фиксировать и упорядоченно соотносить друг с другом сразу по несколько неустойчивых, быстротечных и кратковременных признаков, находящихся в поле его восприятия в одно и то же время. Обычно он концентрирует свое внимание лишь на признаках, наиболее значимых для его практической деятельности.

Наиболее общей закономерностью, проявляющейся в большинстве высказываний с семантикой одновременности, является то, что в состав действий, называемых в таком высказывании, обычно входит одно или более действий немгновенного характера, которые всегда предполагают процессность и известную естественную протяженность во времени. В этой протяженности вычленяется некоторая длительность, обычно определяющая время рассмотрения всей таксисной ситуации и совпадающая с ним; тем самым в высказывании как бы моделируется время активной перцептивной деятельности наблюдателя, в границах которого лимитируются и соотносятся друг с другом все действия, передаваемые данным высказыванием как одновременные.

Данное понятие противопоставляется отношениям разновременности и одновременности и охватывает те случаи, когда совокупность действий, конституирующих таксисную ситуацию и входящих в ее целостное время, представляла в высказывании таким образом, что установление дифференцированных отношений между этими действиями оказывается невозможным.

Представление о хронологической неупорядоченности элементарных действий в пределах таксисной ситуации создается за счет специфики лексического значения глаголов, обозначающих действия, находящиеся в дизъюнктивно – альтернативных отношениях. Каждое из действий выступает

как нелокализованное внутри целостного времени и пространства всей таксисной ситуации.

Прошло уже более 40 лет со времени выхода известной статьи Р. О. Якобсона «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол», в которой, как принято считать, он одним из первых выделил таксис в самостоятельную категорию. С тех пор понятие таксиса прочно вошло в обиход современной, преимущественно, отечественной лингвистики. Основная специфика данной категории, по мнению Р. О. Якобсона, состоит в том, что «таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения». Именно поэтому данная категория стала связываться последующими исследователями с выражением хронологических отношений (одновременность/разновременность) между событиями (действиями) безотносительно к моменту речи, а данной проблематике посвящен целый ряд исследований на материале языков различного строя.

В то же время при изучении существующей литературы, посвященной таксису, обращает на себя внимание тот факт, что целый ряд аспектов, касающихся формы, содержания, да и самого лингвистического статуса этой категории, трактуются исследователями с весьма различных, порою далеко расходящихся, позиций

Головчук И.П. О ТЕКСТЕ И РАЗЛИЧНЫХ ПОДХОДАХ В ИЗУЧЕНИИ ТЕКСТА

(Оренбургский государственный университет)

Идея П. Хартмана о том, что все носители языка говорят только текстами, а не словами и предложениями, мало у кого сегодня вызывает сомнение. Многими лингвистами давно уже признано, что текст есть едва ли не основная единица коммуникации. Но только с 50-х годов прошлого столетия отмечается пристальный интерес филологии к тексту. В 70-е годы внутри общего языкознания в качестве частной научной дисциплины выделяется «лингвистика текста» О.И. Москальская отмечает, что интерес к различным аспектам языка назрел, когда произошел «повсеместный отход от антиментализма в языкознании», повлекший за собой развитие социолингвистики, психолингвистики, семантики, прагматики, фундаментальной стилистики.

Текст как явление языковой действительности представляет собой сложный феномен, выполняющий самые разнообразные функции: это и средство коммуникации, и способ передачи информации, и продукт определенной исторической эпохи, и отражение психической жизни индивида, и отражение определенных социокультурных традиций и т.д. И вся эта сложность обуславливает, конечно, многообразие подходов, описаний и определений текста.

Текст представляет собой чрезвычайно сложный объект исследования. Интересно, что данная область науки не имеет общепринятого определения своего основного объекта изучения – текста. Так в своей книге о лингвистическом анализе художественного текста Л.Г. Бабенко и ее соавторы признают, что общепризнанного определения текста до сих пор нет и, что разные авторы указывают на разные стороны этого явления: Д.И. Лихачев – на существование его создателя, реализующего в тексте некий замысел; О.Л. Каменская – на основополагающую роль текста как средства вербальной коммуникации; Л.В. Сахарный, говоря о тексте, называет его связующим звеном в коммуникации говорящего и слушающего; А.А. Леонтьев указывает на функциональную завершенность этого речевого произведения и т.д. Как видно из этого, в качестве доминирующего признака текста могут быть названы различные его свойства.

Трудности определения понятия текста вполне понятны: сведения всего множества текстов в единую систему так же сложно, как обнаружение за всем этим множеством того набора достаточных и необходимых черт, который был бы обязательным для признания текста образующим категорию классического типа. В качестве обязательных признаков текстуальности, превращающих сверхфразовые единства в текст называют цельность (когерентность) и связность (когезию) и наряду с ними признают также интенциональность,

информативность или тематичность, рецептивность или адресованность, ситуативность, интертекстуальность.

Каковы же основные аспекты изучения текста?

Автор создает текст с целью передачи своих знаний и представлений об окружающем его мире, о человеке, с целью донести эти знания до других. Поэтому можно говорить о том, что текст не автономен, он не единственный компонент текстовой деятельности. Другими составляющими этой деятельности являются автор (назовем его адресант), сам адресат (ради которого собственно и создается текст), отображаемая действительность и те языковые средства, которые автор выбирает, реализуя свой замысел.

Исходя из того, какой аспект этой деятельности является объектом изучения, выделяют следующие подходы к изучению текста:

- 1) лингвоцентрический («язык – текст»);
- 2) текстоцентрический (текст как автономное структурно-смысловое целое вне соотнесенности с участниками коммуникации);
- 3) антропоцентрический («адресант – текст – адресат»);
- 4) когнитивный («адресант - текст – внетекстовая деятельность»).

Лингвоцентрический подход основан на изучении функционирования языковых единиц и категорий в художественном тексте. Предметом рассмотрения могли быть как лексические, так и фонетические, грамматические, стилистические единицы и категории. Хотя этот подход и наиболее традиционен для анализа текста, но с позиций лингвистики текста он не позволяет вскрыть достаточно полно текстовые функции рассматриваемых единиц, их роль в структуре и семантике текста.

Текстоцентрический подход основан на представлении текста как результата и продукта творческой деятельности. При этом в качестве самостоятельных направлений в изучении текста выделяются: семантика и грамматика.

Антропоцентрический подход рассматривает текст в аспекте его порождения и восприятия, в аспекте воздействия на читателя. Учитывая цель исследования внутри данного подхода разделяют следующие направления:

- психолингвистическое;
- прагматическое;
- деривационное;
- коммуникативное;
- речеведческое.

Когнитивное направление в лингвистике исходит из понимания языка как основного средства выражения знаний о мире, текст осмысливается как сложный знак, воплощающий знания автора о действительности. Ключевым понятием когнитивной лингвистики является концепт, концептуальная область.

Как видно, в изучении текста наблюдается множественность подходов и направлений.

Одним из подходов изучения текста является психолингвистический. Задачей психолингвистики текста является исследование процессов и

механизмов порождения и восприятия текста во всей совокупности текстовых элементов и категорий.

Одной из признанных методик в психолингвистике является ассоциативный эксперимент. В этой статье мне хотелось бы поделиться некоторыми результатами ассоциативного психолингвистического эксперимента, проведенного нами с целью изучения структурной организации текстовых реакций, выявления возможностей понимания и некоторых фрагментов языковой картины мира среднего носителя языка, психологических и социолингвистических характеристик языковой личности, разнообразие реакций и др. Нас интересовали также сами тексты – примитивы (термин Л.В. Сахарного) с точки зрения их синтаксической структуры и использования средств внутритекстовой связи.

Для решения данных задач, как уже было сказано, был проведен ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 320 студентов 1-3 курсов ОГУ. В течение 20 минут в условиях белого шума участники должны были записать свои ассоциативные реакции на понятие «жизнь человека», различные варианты сценария жизни человека. В результате данного эксперимента мы получили набор текстов – реакций, разных по объему, по степени связанности.

Для свободного ассоциативного эксперимента характерны развернутые связанные тексты с элементами персонификации «Человека», преобладают простые и более распространенные предложения, встречаются реакции в виде набора ключевых форм. По своей структуре – это и сообщение, и описание, и перечисления. Представлены некоторые элементы связанности: скрепы, структурный параллелизм. Ведущим текстообразующим фактором является единство темы и совокупность слов и единиц одного ассоциативного ряда, набор которых относительно стабилен и включает перечень хронологически последовательных событий жизни человека. Наиболее типичный «сценарий» жизни человека выглядит довольно обычно, он включает рождение, воспитание в детских дошкольных учреждениях, школу, обучение в вузе, создание семьи, работу или карьеру, рождение детей, материальное благополучие, спокойную старость. Тексты – реакции позволяют выделить следующие темы: жизнь – семья, дом; жизнь – работа; самооценку жизни; отношение к смерти, постижение жизни; гендерный аспект; цель в жизни; жизнь – общество; биологическое начало жизни; личная жизнь; образ жизни; жизнь – среда обитания; жизнь – биография; жизнь – временный отрезок.

Сравнение текстов – реакций в свободном эксперименте позволяет выявить некоторые психологические параметры личности. Информативны следующие показатели: сжатость / развернутость; оригинальность / штампы; оценочность / нейтральность; креативность / некреативность.

Нужно сказать, что эксперимент еще не закончен, но уже сейчас можно говорить о том, что полученный материал обладает большим потенциалом с разных позиций, представляют собою ценный достаточно надежный и практически удобный получаемый материал для исследования определенных сторон речемышления и коммуникации.

Литература

1. Бабенко Л.Г., Васильев И.В., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. М.: Наука, 2004
2. Кубрякова Е.С. Текст. Структура и семантика. М.,»))!
3. Москальская О.И. Грамматика текста. М.:Высшая школа, 1981
4. Сахарный Л.В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991

Дюгаева И. Н. К ВОПРОСУ О ЗАИМСТВОВАНИИ АНГЛИЦИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(Оренбургский государственный университет)

Очевидно, что вопрос о заимствовании англицизмов в современном русском языке занимает умы преподавателей обоих языков, как вопрос о характере взаимодействия этих языков и его последствиях. В данном случае в первую очередь нас интересует вопрос о причинах заимствования и роста интенсивности данного процесса. Обратимся к причинам заимствования, которые касаются любых языков.

Изучением причин заимствования иноязычных слов занимались многие лингвисты еще в начале XX века. Так, в работе Л. П. Крысина указывается, что Э. Рихтер основной причиной заимствования слов считает необходимость в наименовании вещей и понятий.

Перечисляются и другие причины, различные по своему характеру – языковые, социальные, психические, эстетические и т.д., потребность в новых языковых формах, потребность в расчленении понятий, в разнообразии средств и их полноте, в краткости и ясности, в удобстве и т.п. Кроме того, сам процесс языкового заимствования рассматривался им в неразрывной связи с культурными и иными контактами двух разных языковых обществ а также, как часть и результат таких контактов.

М. А. Брейтер выделяет следующие причины заимствований:

1. Отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора.

В словарь делового человека 90-х годов прочно вошли такие англицизмы, как *бэдж*, *ноутбук*, *органайзер*, *пейджер*, *таймер*, *сканер*, *тюнер*, *стикер*, *маркер* и другие.

Автором были отмечены случаи, когда заимствования использовались для обозначения понятий, новых для языка-рецептора и не имеющих в языке-источнике. Так как это не совсем соответствует первой причине, мы добавим: в языке-рецепторе возникает нужда обозначить «активно пульсирующее» в жизни явление; в своем языке сразу не находится точное слово, но в другом языке (в нашем случае – английском) есть две единицы, которые, соединившись уже на русской почве, подходят для наименования. То есть в данном случае речь идет не столько о заимствовании, сколько об образовании нового русского слова из нерусских элементов. Автор приводит пример англицизма *шоп-тур*, который понятен носителям русского языка, но не имеет эквивалента в английском языке, тем самым, его нельзя назвать в полном смысле англицизмом.

2. Отсутствие соответствующего наименования (или его «проигрыш» в конкуренции с заимствованием) в языке-рецепторе.

М. А. Брейтер отмечает, что около 15% новейших англицизмов заимствуются в связи с отсутствием соответствующего наименования в языке-

рецепторе. К ним он относит: *топ-модель, брэнд, виртуальный, инвестор, дайджест, спонсор, спрей*. Отмечается, что грань между этой и предыдущей группой прослеживается не так четко, так как в ряде случаев трудно утверждать, является ли данное понятие новым для языка-рецептора, например, *инвестор* или *топ-модель*. К этой группе автором отнесены также те заимствования, которые в силу некоторых причин – легче произносятся, короче, прозрачнее по своей этимологии, конкретнее по семантике – частично или полностью вытеснили ранее освоенные или исконно русские языковые единицы, например, *прайс-лист* (вместо *прейскурант*), *имидж* (вместо *образ*). В последнем случае точнее говорить не о вытеснении, а о перераспределении смысловых ролей: в одних ситуациях уместно употребление только англицизма (*имидж* работника, *имидж* нашего предприятия), в других – образ (*образ* Божий, Татьяна, зверя, царя, учителя и др.) То есть причины заимствования нередко обуславливают функцию англицизма.

3. Обеспечение стилистического (эмфатического) эффекта. Так, например, рецензия на книгу «Миры Пола Андерсона» была озаглавлена «Аптека. Street. Фонарь». Экспрессия этого заглавия связана также с интертекстовостью (намек на блоковскую строчку «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека»).

4. Выражение позитивных или негативных коннотаций, которыми не обладает эквивалентная единица в языке-рецепторе. Автор указывает на то, что среди носителей русского языка распространено представление о том, что иностранные технологии являются более прогрессивными по сравнению с отечественными, иностранные банки более надежны, иностранный сервис (и здесь хочется обозначить это явление как *сервис*, а не как *обслуживание*, по тем же «коннотационным» причинам) – более высокого качества. Эта установка, по мнению автора, широко применяется в рекламе, где заимствования употребляются с целью актуализации позитивных коннотаций. Например, фирмы *auto-rental*, вместо «прокат машин», лучший *паб* вместо *пивная* и т.п.

Следует учесть, однако, что чрезмерное употребление англицизмов в рекламе и СМИ в конце 90-х вызывает уже обратную реакцию у большей части русскоязычного населения и во многих случаях воспринимается как засорение родного языка, поэтому создание позитивной коннотации при помощи англицизмов – спорный вопрос в настоящее время.

Таким образом, из перечисленных выше причин видно, что они являются как внутрilingвистическими, так и экстралингвистическими; последние связаны с активизацией различного плана связей с Западом, изменениями в менталитете русскоговорящих людей.

Круг новых понятий и явлений, имеющих русское происхождение, ограничен, поэтому более простым и эффективным считается заимствование уже существующей номинации вместе с заимствуемым понятием и предметом. Так как передовые технологии сконцентрированы на Западе, а английский язык международный, следовательно, русский вокабуляр пополняется в основном за счет англо-американизмов.

Практически в каждой тематической группе большую часть заимствованных англицизмов составляют лексемы, появившиеся в русском языке как результат удовлетворения потребности наименования новой вещи или понятия. Большое разнообразие косметики, неизвестной ранее в России, стало причиной заимствования из английского языка слов типа: *мейк-ап* (make up – макияж), *консилер* (consealer – карандаш-корректор), *пиллинг-крем* (peeling-cream – крем убирающий верхний слой кожи), *лифтинг-крем* (lifting-cream – крем, подтягивающий кожу) и др. С появлением новых технических средств русский язык пополнился словами из английского языка типа *иммобилайзер* (автомобильные сигнализации), *триммер* (прибор для стрижки усов и бороды), *термопот* (термос и чайник в одном). Функциональное разнообразие этих средств явилось причиной пополнения русского языка англицизмами, номинирующими эти функции: *сплит-системы* (в холодильнике), *роуминг* (вид связи) и т.д. Новые облицовочные материалы пришли вместе с обозначающими их англицизмами: *сайдинг*, *молдинг* и проч.

Наряду с ранее заимствованным англицизмом *сэндвич* в речи русского человека конца 90-х годов функционируют англицизмы: *гамбургер*, *фишбургер*, *чисбургер*, *чикенбургер*, выполняя дифференцирующую функцию. Лексема *сэндвич* несет обобщенное значение, в то время как остальные слова данного синонимического ряда конкретизируют значение слова *сэндвич*: *гамбургер* (внутри бифштекс), *фишбургер* (рыба), *чисбургер* (сыр), *чикенбургер* (цыпленок).

Тенденция к установлению соответствия между нерасчлененностью объекта и одноэлементностью, однолексемностью наблюдается в том случае, когда происходит заполнение пустой ячейки, которой соответствует определенный смысл, но обозначающее - в виде отдельного слова - отсутствует (вместо этого употребляется описательный оборот). Как уже указывалось выше, эта причина заимствования тесно связана с первой причиной и почти всегда их следует рассматривать вместе, хотя вторую причину можно назвать узкой, более специфической: говорящий экономит речевое усилие, язык предполагает заполнение какой-то клетки номинацией. Например, слово *таймшер*, обозначающее реалию Запада, активно используется русскими туристическими фирмами, занимающимися международным туризмом: "Приобрести *таймшер* - значит заключить соглашение, по которому вы покупаете право на владение недвижимостью в течение определенного количества времени в году". Англицизм в данном случае и номинирует новое понятие, и одновременно заменяет собой громоздкий описательный русский оборот.

Среди социально-психологических причин, влияющих на процесс заимствования можно назвать увеличение количества говорящих и знающих английский язык в России. Большой поток выезжающих из страны, долго живущих в англоговорящих странах и возвращающихся обратно является причиной частого переключения на английский язык, так называемого "переключения кода" ("code-switching"). Например, "Он меня спрашивает: "*May I help you?*" Приходится отвечать: "*Just looking around*" (из речи двух

эмигрантов). В данном случае говорящий не просто использует американизмы в речи, он переходит с одного языка на другой. Влияние эмиграции на процесс заимствования хоть и не в столь высокой степени, как широкое знание английского языка, все же существенно важно для процесса заимствования.

Экспрессивность новизны - одна из стойких причин заимствования англицизмов как более престижных, значительных, выразительных. Англицизмы имеют перед русскими синонимами то преимущество, что аттестуют говорящего в социальном плане в определенных сферах более высоко, подчеркивают уровень информированности и претендуют на превосходство определенной группы молодежи, использующей эту лексику.

Мощным толчком для развития процесса заимствования английской лексики является ее употребление в речи авторитетных личностей во время популярных программ. Так, выступая на игре КВН, руководитель ОРТ употребил слово *драйв* ("Давно не было такого *драйва*") в значении "запал", "энергетика". После этого сугубо музыкальный термин стал широко использоваться в студенческой среде. Возможно, на это повлияла его русская падежная форма. "Что ты плетешься, никакого *драйва*!" В программе "ОСП-студия" ведущий приветствовал публику: "Здравствуйтесь, бомжи и *трешевики*!" (от англ. trash - помойка, мусор). Незамедлительно слово было подхвачено молодыми носителями русского языка.

Среди социально-общественных причин вхождения англицизмов в русский язык мы, вслед за Л. П. Крысиным, относим и "коммуникативную актуальность понятия" соответствующего ему слова. Если понятие затрагивает важные сферы деятельности человека, то слово, обозначающее это понятие, естественно, становится употребительным, оно легко образует производные на русской почве, делается объектом сознательного употребления и связанных с этим обыгрываний и каламбуров. Со временем актуальность слова может утрачиваться и наоборот, слово, заимствованное в начале века, может достигнуть пика своего употребления в конце века.

Итак, внешние причины заимствования англицизмов "стыкуются" с внутренними (например, коммуникативная актуальность англо-американизма) через социально-психологические, особенно это заметно в смещении антиномии "говорящий / слушающий" в пользу первого в ярко выраженной тенденции заменять русский описательный оборот одним (англоязычным) словом: *трафикинг* (перевозка и торговля женщинами), *таггер* (человек, делающий надписи и рисунки пульверизатором), *запнер* (человек, непрерывно переключающий каналы телевизора). Значительно увеличилось число русскоязычных людей, знающих английский язык. Нередко в речевой ситуации английское слово становится более престижным, чем русское, экспрессия его новизны притягательна, оно может подчеркивать высокий уровень информативности говорящего. Употребление англицизма в речи авторитетного лица (или в рекламе) может стать толчком к его ассимиляции в русской речи.

Евстафиади О.В. К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С СОДЕРЖАНИЕМ УСЛОВИЯ

(Оренбургский государственный университет)

В языке отражаются не только законы общества и природы и отношения между предметами и явлениями материального мира, но и отношения говорящего к высказыванию. Условные отношения отличаются широтой и многоаспектностью семантики и реализуются в речи удивительным многообразием форм и оттенков модальности.

Условное высказывание строится по формуле "если А, то В", где А - это повод, то есть то из-за чего обращаются к адресату, а В - это вывод, то есть результат действия. К условным относятся не только высказывания типа "если А, то В", но также и такие высказывания "когда А, тогда В", "В, если А" и т.д., когда в них речь идет не о самих высказываниях А и В, а о тех событиях, о которых в А и В говорится. Иначе говоря, условная имплицитность это отношение причины, указывающее на движение мысли от основного высказывания (А) к зависимому высказыванию (В).

В "Философском энциклопедическом словаре" условие определяется как «то, от чего зависит нечто другое...; существенный компонент комплекса объектов (вещей, их состояний, взаимодействий), из наличия которого с необходимостью следует существование данного явления. Условие как одна из категорий детерминизма образует, таким образом, момент всеобщей диалектической взаимосвязи. В логике объективное отношение между условием и обуславливаемым отражено в форме отношения между условием и следствием в условных суждениях...» [3].

Условные отношения исследуются лингвистами в различных аспектах: в историческом плане - с точки зрения происхождения и развития конструкций, выражающих отношения обусловленности; в плане формирования различных типов сложного предложения с условными и причинными отношениями на протяжении нескольких эпох существования языка и генезиса средств связи между компонентами сложного предложения.

"Условными называются такие сложноподчиненные предложения, придаточные части которых выражают какое-либо условие, а главное - вытекающее из этого условия следствие. Условие или следствие, заключенные в условной конструкции, могут быть либо реальными, либо предположительными" [1].

Проверка конструкции на наличие условия возможна при постановке вопроса «On what condition?» к придаточному предложению.

Некоторые лингвисты указывают, что специфику условных отношений составляют важнейшие их интегративные признаки: событие - условие - гипотетическое событие, строящееся на альтернативе, на выборе из двух или нескольких возможных явлений; из события - условия вытекает событие - следствие.

Например:

"If I go," I said, "I will bring you something",

(Joyce, J.)

"Если я пойду, я тебе что-нибудь принесу".

Не всегда условные конструкции передают чистое условие, иногда условие может быть связано с причиной, а значит, что условная связь превращается в условно-следственную. По мнению Реферовской Е.А. дополнительное значение причины в определенном случае может оказаться выдвинутым на передний план, заслонить условие, стать даже самостоятельным и единственным [2].

Например:

"And I would," she cried, suddenly shaken into tears of impotence. "Ah, would I, would I have gone long ago, but for those children...",

(Lawrence, D. H.).

"Я ушла бы", - расплакалась она от бессилия. "Я давно ушла бы, обязательно ушла, если бы не дети..."

Данное предложение содержит не чистое условие, а условие-причину, так как именно дети главной героини данного романа явились причиной того, что она не развелась со своим мужем несколько лет назад, о чем она и сожалеет.

Условие и уступка также связаны друг с другом. В уступительных предложениях придаточная часть сообщает об основании для явления, противоположного тому, о котором сообщается в главной части. Обусловленность в уступительных предложениях может быть как реальной, так и гипотетической, поэтому уступительные предложения одинаково соотнесены как с причинными, так и условными предложениями.

Например:

"I am quite sure I shall understand it; he replied... "and as for believing things, I can believe anything, provided that it is quite incredible",

(Wilde, O.).

"Я абсолютно уверен в том, что я это пойму; ответил он... "что касается веры, я могу поверить во все, даже если в это невозможно поверить".

В данном высказывании выражено условие-уступка, так как в придаточном предложении сообщается о факте, противоположном тому, о котором идет речь в главном.

Наиболее тесно условие соприкасается своей семантикой с гипотезой. При выражении гипотетичности отсутствует категория следствия, иначе говоря, если между условием и вытекающим из него следствием существует грамматическая и лексико-семантическая зависимость, то при гипотетичности эти связи нарушаются.

Например:

"I did not know whether I would ever speak to her or not or, if I spoke to her, how I could tell her of my adoration",

(Joyce, J.)

“Я не знал, заговорю я с ней когда-нибудь или нет, и если я заговорю, как смогу я рассказать ей о том, как я ее обожаю”.

Это высказывание можно отнести к гипотетическому, так как здесь представлены два факта, не связанные между собой; один из них представляет собой простое предположение (*if I spoke to her*), а другой - не является его результатом.

С прагматической точки зрения условные конструкции могут содержать различные дополнительные оттенки значений, эмоций или отношений (желание, предположение, уверенность, возможность, неосуществимость, сомнение, совет, обещание, угрозу и т.д.). Проанализировав ряд высказываний, содержащих условие, в художественной литературе 20 века, мы выявили следующие прагматические значения условных высказываний.

Например:

1. уверенность:

а) *“I couldn't be happy if I didn't see him everyday”*,

(Wilde, O.);

б) *“If I am late, he is sure to be furious, and I couldn't have a scene in this bonnet”*,

(Wilde, O.);

2. возможность:

“If she went, tomorrow she would be on the sea with Frank, steaming towards Buenos Ayres. Their passage had been booked”,

(Joyce, J.);

3. желание:

а) *“Harry! If you only knew what Dorian Gray is to me!”*

(Wilde, O.);

б) *“If it were I who was to be always young, and the picture that was to grow old”*,

(Wilde, O.);

4. предположение:

а) *“The man who wrote it, I suppose, was some wretched fellow who writes these things for a drink. I'm surprised at boys like you, educated, reading such stuff. I could understand it if you were ... National School boys. Now, Dillon, I advise you strongly, get at your work or...”*,

(Joyce, J.);

б) *“What sort of boy is he? If he is like his mother he must be a good-looking chap”*,

(Wilde, O.);

5. неосуществимость:

а) *“Then why don't you--why DON'T you?” Her voice rang with defiance. - “If I were a man, nothing would stop me”*,

(Lawrence, D. H.);

б) *“After all, it never would have happened if I had not met you”*,

(Wilde, O.);

6. **сомнение:**

а) *“A portrait like this would set you far above all the young men in England and make the old men quite jealous, if old men are ever capable of any emotion”*,
(Wilde, O.);

б) *“When she spoke to him, it was with a southern pronunciation and a purity of English which thrilled him to hear. She watched him. He danced well, as if were natural and joyous in him to dance. His grandfather was a French refugee who had married an English barmaid – if it had been a marriage”*,
(Wilde, O.);

7. **совет:**

а) *“You'll find all the papers, I think, if you look--beside ten pound as he owed me, an' six pound as the wedding cost down here”*,
(Lawrence, D. H.);

б) *“If you want to gain a reputation for responsibility, you have merely to take them down to supper”*,
(Wilde, O.);

8. **обещание:**

“If I go,” I said, “I will bring you something”,
(Joyce, J.);

9. **угроза:**

а) *“I have been beaten worse than you can ever beat me. If you beat me I shall write to my lawyer-peoples and tell them that you do not give me enough to eat. I am not afraid of you”*,
(Kipling, R.);

б) *“If you let anyone have it but me, Basil, I shall never forgive you!” cried Dorian Grey*,
(Wilde, O.);

10. **побудительная модальность:**

а) *“Take the revolver, if you are afraid, and let me carry them”*,
(Kipling, R.);

б) *“If you want to make him marry this girl tell him that, Basil”*,
(Wilde, O.).

Таким образом, условие имеет широкий диапазон значений, которые могут быть выражены как эксплицитно (с помощью условных союзов “if”, “provided that”, “on condition that”, “suppose that”, “unless”, “but for”), так и имплицитно (она проявляется под влиянием инверсии в бессоюзных предложениях или ситуации, контекста).

Литература:

1. Кубик М. Условные конструкции и система сложного предложения. Universita Karlova, Praha, 1967. – 230с.
2. Реферовская Е.А. Синтаксис современного французского языка. Сложное предложение. Л., Наука, 1969. – 236с.
3. Философский энциклопедический словарь, под. ред. Л.Ф. Ильичева, изд. «Советская энциклопедия», М., 1983, 840с.

Захарова Т.В. ОТРАЖЕНИЕ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОГО АСПЕКТА В КОМПАРАТИВНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

(Оренбургский государственный университет)

Фразеологический состав языка сосредотачивает в себе культурно-национальный его колорит. И это подтверждается, как правило, наличием фразеологизмов специфических для данного языка.

Для лингвострановедения очень важна и интересна национально-культурная семантика языка, то есть содержание в той или иной степени, восходящее к особенностям экономики, географии, фольклора. Лингвострановедческий анализ фразеологических единиц немислим без связи с историей страны, народов, живущих и живших на её территории. В любом фразеологизме заложено своеобразие восприятия мира через призму языковой и национальной культуры. В области фразеологии страноведческая специфика проявляется очень отчётливо. Факты истории страны, географии, экономики, образа жизни и действия - все они представлены в семантике многих фразеологических единиц, то есть мы можем говорить о национальной культуре семантики фразеологизмов. При этом признаётся, большой пласт фразеологизмов возникает именно на национальной основе.

Немецкий язык имеет богатую фразеологию. Интересное наблюдение сделал Логан П. Смит. Он пишет: «немецкий язык более других богат поэтическими и образными выражениями фольклорного происхождения». Фразеологические единицы отражают особенности природно-географической среды страны. Они могут рассказать о некоторых подробностях жизни народов его быта, обычаев.

Например: *fluchen wie ein Landsknecht rangehen wie Blücher*

Старые меры веса и длины тоже оставили свой след. Фразеологические единицы современного немецкого языка знакомят нас с целым рядом личностей, хорошо известных в Германии.

Например: *wie Zieten aus dem Busch*

Происхождение ряда фразеологических единиц связано с древними обычаями и поверьями, приметами. Не меньший интерес представляют фразеологические единицы литературного происхождения: названия

отдельных литературных произведений, немецких поэтов, писателей, драматургов.

Географический фактор

Географический фактор играет в роли человечества важную роль, в немецком языке в основе многих фразеологических единиц лежат слова, обозначающие названия окружающего мира. Но в тоже время в каждой стране есть свои национальные особенности растительного и животного мира, а также ландшафта, которые находят своё отражение в лексике языка.

Например: *die Eiche* - (дуб) образ
силы и могущества

er stand fest wie eine Eiche — он стоял прочно как дуб *es er war stark wie eine Eiche* - он был сильным как дуб

Bohnen - значение полевой фасоли было так велико, что она нередко называется «средневековым картофелем». Растения фасоли выются вокруг подпорки, и это послужило основой для сравнения:

dürr, lang wie eine Bohnenstange - тонкий, длинный как жердь.

Сухие побеги фасоли дают твёрдую солому, и это легло в основу следующих сравнений:

hart, zäh wie ein Bohnenstroh sein - быть очень прочным

grod wie bohnenstroh - очень
грубым *dumm wie Bohnenstroh* - глуп как
пробка.

Животный мир

Происхождение многих фразеологизмов связано с обобщениями повадок, поведения диких и домашних животных. Лиса - символ хитрости, змея - коварства, лев - силы, осёл - глупости. Большое количество диких кроликов на территории Германии послужило основой для образования целого ряда сравнений. Кролики бегают очень быстро, и поймать их очень трудно:

Wissen, wie der Hase läuft - знать толк в деле *zeken sehen wie der Hase läuft* -
(разг.) смотреть, как идут дела

Dachs. Для барсука характерно, что при нападении на него он отлично защищается, живёт в глубине норок, имеющих сложное строение.

Arbeiten wie ein Dachs - *работать как вол* (подчеркивает, что кто-то очень трудолюбив)

Schlafen wie ein Dachs - *много спать*

Традиционный перевод «спать как сурок» не совсем точен, так как зимняя спячка у сурка не такая продолжительная как у барсука.

Фразеологизмы:

sich wehren wie ein Dachs - (букв.) *защищаться как барсук*; *er beißt um sich wie ein Dach* - *кусаться как барсук*

отражают способность барсука защищаться при нападении. Барсук редко покидает нору, и эта часть образа жизни подчеркнута во фразеологизмах:

immer zu Hause sein, wie ein Dächschen er kalthäusert wie ein Dachs im Loche- *сидеть сиднем дома*

Фразеологизмы: *fett wie ein Dachs* - *быть жирным как барсук*,

von seinem eigenen Schmalz leben wie ein Dachs.

er zehrt von seinem fett wie ein Dachs — *он живёт за счёт своего жира*.

Исторические события

Фразеологические словари фиксируют определенное количество фразеологизмов исторического происхождения.

Например: *haesen wie die Hunnen* - *вести себя по-варварски*

Гунны - кочевой народ. К 70-ым годам IV в. относится начало массового передвижения групп на Запад, давшего название «Великое переселение народов».

Wüstend sein, wie ein Besseker — *неистовствовать, разъяряться*.

Besseker — *в исландских и норвежских силах, воины, отличающиеся яростью и разрушительной стихией*.

Fluchen wie ein Landsknecht - *ругаться на чём свет стоит*

Ландскнехт - немецкая наёмная пехота в 15-17 вв. Они особенно отличались в ругани.

Rangehen wie Blücher — *действовать решительно*.

Блюхер (1742-1819гг.) - прусский фельдмаршал времен войны против Наполеона. Отличался решительностью и храбростью.

Фразеологизмы, восходящие к названию литературных произведений разных жанров

Sich wie die feindlichen Brüder gegenüberstehen — враждовать, быть на ножах друг с другом.

Это подзаголовок поэмы Ф. Шиллера «Мессинская невеста».

wie einst im Mai - как когда-то раньше

Выражение восходит к стихотворению «*Allerseelen*» тирольского поэта Г - Фон Гильна (1812-1864 гг.)

wie Zieten aus dem Busch — совершенно неожиданно

Г.И. фон Цитен — генерал кавалерии прусской армии. Он появляется на поле боя внезапно и в любом месте. Эти особенности ведения боев легли в основу сравнения в известном стихотворении Фонтане „*Der alte Zeiten*“.

Фразеологизмы, содержащие топонимы.

Фразеологические единицы этой группы содержат в качестве стержневого компонента названия городов, городских районов и т.д.

Aussehen wie der Junge von Meissen - выглядеть глупо

Город Мейсен с начала 18 в. является центром фарфорного производства. До 1840г. у входа в мануфактуру стояла большая фигура с глупым выражением лица, на которое обращали внимание все посетители.

Jemand raucht wie ein kleines Ruhrgebiet - кто-либо очень много курит

Рурская область - это область высокой концентрации отраслей тяжелой промышленности.

Рассмотрение фразеологизмов в лингвострановедческом аспекте позволило:

- уточнить значение и соответственно перевод ряда фразеологических единиц, а также правила их употребления;
- уточнить прототипы отдельных фразеологических единиц, что ведет к лучшему пониманию современного значения фразеологизмов.

Литература:

1. Мальцева Д.Г. Страноведение через фразеологизмы: пособие по немецкому языку. – М.: Высшая школа, 1991. – 172 с.
2. Огальцев В.М. Устойчивые уравнения в системе фразеологии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978 г.
3. Чернышева И.А. Фразеология современного немецкого языка – М.: Высшая школа, 1970 – 200 с.
4. Большой немецко-русский словарь – 6-е изд., стереотип. – М.: Рус.яз., 1999 – 1040 с.
5. Городникова М.Ю., Доброволоцкий Ю.О. Немецко-русский словарь речевого общения.: Более 150000 речевых клише/При участии У. Феретер – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1999 – 329 с.

Иноземцева Н. В. К НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ПРОБЛЕМЕ ЭТНИЧЕСКОГО ЭПИТЕТА

(Оренбургский государственный университет)

Проблема этнического эпитета, которая занимала умы многих выдающихся лингвистов: (Ф.И. Буслаева, А.Н. Веселовского, В.Н. Жирмунского, Б.В. Томашевского и многих других), является одной из самых актуальных в настоящее время

Древнейшим поэтическим творчеством человека было слово. Сейчас слова мертвы, и язык подобен кладбищу, но только что рожденное слово было живо, образно. Всякое слово в основе - троп, то есть образное выражение, через которое человек изначально обозначал предмет или явление. Но вот появляется эпитет, который не вносит в слово ничего нового, но только подновляет его умершую образность. Слово, оживленное эпитетом, становится снова поэтическим. Проходит время - эпитет переставал переживаться - в силу опять-таки своей привычности. И эпитетом начинают орудовать по привычке, в силу школьных преданий, а не живого поэтического чутья.

«История эпитета есть история поэтического стиля в сокращенном издании». (№ 3, с. 58). Она показывает нам, как уходят из жизни все вообще формы искусства, которые так же, как и эпитет, живут, окаменевают и наконец умирают.

Не только слова и эпитеты окаменевают, окаменевают могут целые положения. Неоспорим тот факт, что роль эпитетов велика среди других стилистических, то есть образных средств литературного языка. Удачный, свежий эпитет усиливает выразительность и образность нашей речи, обогащает содержание высказывания, подчеркивает индивидуальный признак определяемого предмета или явления. Недаром эпитеты наряду с синонимами и фразеологическими выражениями нередко относят к золотому фонду национального языка. Общеизвестно и то, что русский литературный язык необыкновенно богат эпитетами. Высказывания об этом мы находим и у писателей, и у исследователей художественной речи.

Рассуждения о роли, назначении эпитетов, об источниках их возникновения, встречаются еще в сочинениях античных мыслителей (Аристотеля, Кантемира Деметрия и др.). Эпитеты как традиционный прием статистики издавна занял прочное место в различных исследованиях художественной речи. И все же законченной и общепринятой теории эпитета пока не существует. Термин этот используется в разных смыслах. Одни исследователи придерживаются узкого понимания. Другие ученые рассматривают «эпитет» в широком смысле. При этом учитывается, что эпитеты свойственны не только поэзии, но и прозаической и обиходно-разговорной речи.

Недостаточная разработанность теории эпитетов объясняется, в первую очередь, малым количеством материала. Даже традиционные эпитеты (не

говоря об индивидуально-авторских) не были еще объектом достаточно полной, систематической «инвентаризации» и описания. Некоторые исследователи, пытаясь создать теорию эпитетов, опирались на сравнительно скудный материал; примеры употребления эпитетов нередко «перекочевывают» из одной статьи в другую. Другая причина трудности определения «эпитета» связана, по-видимому, с самим изменением словоупотребления, с эволюцией поэтического стиля.

Эпитет - есть троп лексико-синтаксический, поскольку он выполняет функцию определения, или обстоятельства или обращения, отличается необязательно переносным характером выражающего его слова и обязательным наличием в нем эмотивных или экспрессивных и других коннотаций, благодаря которым выражается отношение автора к предмету. Свойство быть эпитетом возникает в слове или нескольких словах только в сочетании с названием предмета или явления, которые он определяет. Особенно часто в функции эпитетов выступают имена прилагательные и причастия, но не редки и существительные.

Сегодня различают постоянные, пояснительные, метафорические эпитеты. Постоянные эпитеты могут быть тавтологическими, то есть указывать необходимый для данного предмета признак. Под тавтологическим эпитетом понимается семантически согласованный эпитет, подчеркивающий какое-нибудь основное свойство определяемого: *alive animals, dead leaves*.

Пояснительный эпитет указывают на какую-нибудь важную черту определяемого, необязательно присущую всему классу предметов, к которым он принадлежит, т. е. действительно характеризующую именно его: *triumphant look, Richard at the Lion Heart*.

В метафорическом эпитете обязательна двуплановость, указание сходства и не сходства, а также сочетание по смыслу: *the sleepless pillow, a ghost-like fake*.

Возможны анимистические метафорические эпитеты, когда неодушевленному предмету приписывается свойство живого существа, или антропоморфный метафорический эпитет, приписывающий не человеческие свойства и действия животному или предмету: *owl-eyed spectacles*.

В современном английском языке возможно также увеличение экспрессивности эпитета за счет транспозиции по типу голофразиса, то есть окказионального функционирования словосочетания или предложения как цельно оформленного образования, графически, интонационно и синтаксически уподобленного слову: *a move-if-you-dare expression*.

В силу своей непредсказуемости такие слово подобные образования (“фразовые эпитеты”) очень выразительны. Непредсказуемость эпитета может также создаваться за счет окказионального словообразования по типу деривации или словосложения: *ladies, and worsser halves*. Все большее распространение получает эмфатическая атрибутивная конструкция.

Таким образом, эпитет - экспрессивная оценочная характеристика какого-либо явления, лица или предмета, иногда, но не обязательно, образная.

Структура эпитета может быть очень разнообразна, и представления о том, что эпитет выражается либо наречием, либо прилагательным, ошибочно. Экспрессивность эпитета повышается благодаря взаимодействию с другими стилистическими средствами, за счет создания цепочки эпитетов, помещения в постпозицию, смещения и переподчинения, голофразиса, специальной метафорической атрибутивной конструкции с переподчинением и другими способами.

Что касается этнического эпитета, то он относится к происхождению какого-нибудь народа (народности, племени), исторически сложившейся общности людей. Этнические эпитеты воспринимаются лингвистами и коммуникантами по-разному. Их называют, иногда оскорбительными, презрительными, ругательными. Это в какой-то степени верно, так как эпитет, в том числе и этнический, не просто характеризует предмет, явление, человека но и передает авторскую субъективную оценку и видение предмета явления или человека. Но как говорил Х. Вайнрих, "язык по своей структуре есть наивная наука" (№2, с.56), которая часто представляет мир не таким, какой он есть, а таким, каким его хотят видеть. Естественно, что это видение будет восприниматься людьми по-разному. Ярким примером «желаемого» видения и отражением "уличной" приверженности является юмор, который представлен в большинстве цивилизованных обществ. Такой юмор отличается тем, что включает в себя шутки и разнообразные анекдоты об иностранцах, иммигрантах, а также всевозможные клички и прозвища в адрес «чужаков». «Враждебность без применения силы» чаще всего выражается в такой форме словесных поношений, как клички или прозвища

Эти и подобные им клички существовали и "использовались по назначению" задолго до возникновения дискуссий на тему политической корректности». Но большего внимания заслуживает сама «техника оскорбления», которая позволяет говорящему выражать свое истинное отношение к "чужим", не опасаясь того, что окружающие неправильно его поймут или посмотрят, как на невоспитанного человека, который не знает правил поведения в обществе. Для этой цели "оскорбляющий" нередко прибегает к употреблению юмористических средств, какими бы они ни были. Именно эти средства делают его речь приемлемой по сравнению с бранью. Из этого можно сделать вывод, что «этнические эпитеты» не приравниваются к нецензурной брани.

По З.Фрейду, этнический юмор - это юмор "'враждебный"' или «тенденциозный". Его цель заключается в представлении кого-то (или что-то) в неблагоприятном свете, давая возможность "оскорбляющему" насладиться собственном превосходством. Но есть одно условие, без которого тенденциозный юмор не может существовать. Кроме "шутника" такому юмору необходимы еще два участника: "жертва" (присутствие которой не обязательно) и "третьего лица", кому шутка непосредственно адресована. Последний - в сущности зритель, которого необходимо привлечь на свою сторону, сделать сообщником.

В цивилизованном обществе получить негласное право на оскорбление других можно только через его эстетизацию (то есть через "придание красоты" этому оскорблению). «Эстетическая форма переводит опознанную и оцененную действительность в иной ценностный план, подчиняет новому единству, по-новому упорядочивает: индивидуализируется, конкретизируется, изолируется и завершает, но не отменяет ее опознанности и оцененности: именно на эту опознанность и оцененность и направлена завершающая эстетическая форма. Эстетическая деятельность не создает сплошь новой действительности» (№1, с.30).» В главе, посвященной сексуальному юмору (разновидность тенденциозного), З.Фрейд пишет: «Сальность становится остроумной и терпимой только в случае, если она умна» (№8, с. 63).

Но язык предрассудка - грубый язык. Наиболее распространенный и примитивный прием, который использует любой «человек толпы» - речевая регрессия (или «снижение сложности речевого поведения»). Она выражается в речевом унижении с презрительным оттенком.

Виды регрессии, многообразны, но все они предназначены лишь для того, чтобы рассмешить собеседника и сделать «вежливым» примитивный жест в адрес оскорбляемого. Кроме того, регрессивное поведение представляет собой способ психологической защиты; это обман, к которому прибегают в минуту опасности, желая избежать ответственности за происходящее (сказанное или сделанное), то есть «шутник» осознает опасность своих намерений и потому «страхует» себя, придавая своим словам не открыто агрессивный, а агрессивно-примитивный тон. Помимо выражения враждебности по отношению к незнакомому, этнический юмор содержит элементы грубого комизма, то есть вся ненависть к «чужаку» скрывается под личиной грубого комизма.

Таким образом, агрессивно-примитивный этнический юмор отвлекает внимание и «тормозит восприятие» оскорбления, "низшими формами языка" и предубежденного мышления. Ведь «предубеждение..., по словам Ван Дейка, определяется не только своим содержанием, но также способом или стилем мышления или оценки» (№4, с. 295).

Предубежденность мышления может выражаться и в намеренной неточности наименования, так как имя закрепляет не главный признак, а что-то имеющее к нему иногда отдаленное или мнимое отношение. Например, *Anglo (Amerikan in New Mexico)*, *Turk (Irishman or Greek)*. По наблюдениям И.А. Каргаполовой (№5, с.79) в самих этих словах нет ничего оскорбительного. Языковая агрессивность может принимать и форму демонстрационного отказа от номинативной деятельности, что выражается в создании кличек - звуковых образов, напоминающих «тарабарский язык»: *ooffay ofay* (белый человек), *wog Wog* (коренной житель Ирландии), *Wop Wop* (итальянец), *Kike Kike* (еврей), *jig zig Jigg* (негр).

Большую группу неофициальных этнонимов составляют «ласковые» прозвища, знаменующие возврат к детскому мышлению: *potm y-* (англичанин, иммигрирующий в Австралию), *skibby* - («чурки»), *mockie-* (еврей). Почти все они воспринимаются их носителями как очень оскорбительные. Подражая речи ребенка, говорящий унижает с презрительным оттенком и

себя. Что касается этнических прозвищ, то эта стратегия речевого поведения напоминает юродство; то есть оскорбляющий сознательно принижает себя, притворяясь маленьким, жалким и, следовательно, безответственным, с целью высказывания всей правды или истинного отношения к чему-то или кому-то.

Агрессивность по отношению к «чужим» этническим группам может выражаться и в их тривиализации (явление, противоположное мифологизации) как, например, в "метафорах" типа: *skillet* (негр), *show ball* (негр, особенно пожилой).

Абсурдность этих «метафоричных» кличек дает повод для того, чтобы не принимать эти метафоры всерьез, хотя им явно не достает комического элемента. М. Бахтин назвал подобные прозвища или клички - однозначной тупостью (№1, с.387).

Из этого следует, что техника создания этнических прозвищ (от добродушно-шутливых, до шокирующее - оскорбительных) во многом сходна с абсурдной и состоит в намеренных категориальных подменах. Говорящий, пытаясь скрыть заключенную в предрассудке враждебность и при этом не нести за нее ответственности, переключается на "как бы не совсем свой язык", надевая регрессивную речевую маску.

Все описанные выше языковые явления отражают один очень значительный процесс - сближение языков с точки зрения интеркоммуникации. Этот процесс отражает не только объективные, культурно-этнические связи языков и народов, но и субъективно-презрительные, «наивные» представления одного человека о другом, одного народа о другом. И хотя этнические эпитеты иногда являются примером «уличной» ментальности, их изучение способствует в том числе и искоренению недоброжелательных порывов по отношению к окружающим, а значит, служит существенным стимулом в развитии процесса интеркультурной коммуникации.

Список использованной литературы

1. Бахтин Н.М. «Эстетика словесного творчества». М.,1986.
2. Вайнрих Х. Лингвистика лжи. М.,1987
3. Веселовский А. Собрание сочинений, СПб., 1913,т.1.
4. Дейк Д.А. Язык, познание, коммуникация. М., 1989
5. Каргаполова И. А. Этнический эпитет: оскорбление или языковая игра. М., 1997.
6. Лихачев Д.С. Статьи разных лет. Тверь, 1993
7. Тимофеев Л.И. Теория литературы. М.,1948.
8. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. М., 1995.
9. Шкловский В.Г. Гамбургский счет. М., 1990
10. Энциклопедия «Русский язык», М: Большая Российская энцикл., Дрофа, 1998.-703с.
11. Хабло Е.П., Горбачевич К.С.. Словарь эпитетов русского литературного языка. , 1979-567с.

Искаринова С.И. СЕМАНТИКО-АССОЦИАТИВНЫЕ СВЯЗИ И ФОРМИРОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ УМЕНИЙ

(Оренбургский государственный университет)

В процессе обучения иностранному языку у обучаемого формируется представление о системе языка, его структурировании, взаимодействии элементов языка между собой, правилах их использования. Язык возможно сделать предметом обучения лишь при условии знания, как должен быть описан язык и как «структура языка должна быть представлена для учебных целей» (1, 47).

Усвоение иноязычного слова – это развитие умения выбрать нужную лексическую единицу из ряда с ней сопоставляемых единиц и умения сочетать ее с другими единицами для построения высказывания или его фрагмента. Изучающий иностранный язык учится выбирать нужное слово, сопоставляя, противопоставляя его другим по каким-либо признакам, т.е. фактически делает выбор из большого числа отношений, в которые вступает обозначаемый словом предмет: отношения противоположности, тождества, сходства и др. Таким образом определяется «ниша» данной лексической единицы в изучаемом языке. Правильный выбор слова – первое условие правильного построения высказывания.

В процессе выбора нужных лексических единиц и их комбинации изучающий иностранный язык ищет опоры на припоминание слов и словосочетаний, на смысловые связи. Умение быстро и точно актуализировать лексику и комбинировать лексические единицы вырабатывается при активной опоре на самые разнообразные семантико-ассоциативные связи слов с созданием условий дефицита (ограничения) времени, отведенного на отработку каждой операции. Естественные или логические взаимозависимости лексических единиц, которые даются в системе и структурированы, запоминаются легче и прочнее. Помимо тематической (или тематико-ситуативной) и проблемной организации лексики группируется также в синонимические ряды, антонимические пары, по иерархическому принципу, в словообразовательные гнезда, по предикативным и атрибутивным связям, категориальному признаку и др. Чем разнообразнее и шире подбор ассоциативных группировок, тем глубже усваивается изучающим иностранный язык положение данной лексической единицы в лексико-семантической системе, лексико-семантическом поле и возможности ее комбинаторики с другими единицами. Межпонятийные связи «в то же время суть предметные связи и отношения объективной действительности» (2, 148). Не случайно конкретная лексика усваивается обычно легче абстрактной: семантика конкретных слов непосредственно связана с логическим членением действительности, семантические связи лексических единиц имеют экстралингвистический характер. Так, легче всего группируются конкретные существительные на основе соотношения с объектами реального мира: язык

отражает связи между предметами и явлениями окружающей действительности непосредственно.

Легче всего устанавливаются тематические связи. Многие тематические группы являются лексико-семантическими группами. Выделить степень формальной общности можно после выделения тематических групп. На целесообразность объединения лексики в тематические группы указывает Д.Н. Шмелев: «... группы слов, выделяемых на основании предметно-логической общности, во многих случаях характеризуются и некоторыми общими для них собственно языковыми признаками, ... оказываются при ближайшем рассмотрении также и лексико-семантическими группами...» (3, 103). Основанием для классификации лексики служат знание предметно-логической общности слов, языковая инструкция.

Р.С. Гинзбург также отмечает: «... группы лексических единиц, выделяемые по экстралингвистическому признаку, обладают общностью лингвистических признаков, присущих данной группе» (4, 17). Практика преподавания иностранных языков подтверждает, что усвоение тематической лексики эффективнее, когда обращается внимание не только на внеязыковую общность обозначаемых понятий, предметов, но и на то, что слова, объединенные по тематическому принципу, часто обнаруживают и внутриязыковую связь, общие языковые признаки определяемых лексических единиц: определенный тип многозначности или, наоборот, тенденцию к однозначности и пр. Например, прилагательные, обозначающие вкусовые ощущения, используются и как метафорические характеристики качеств, поведения, речи человека: *eine süße Speise – ein süßes Mädchen, ein süßes Lächeln; bittere Schokolade – bittere Ironie, bittere Worte; saure Gurken – ein saueres Gesicht*. Более рационально усваивается валентность глагола не изолированно от других глаголов, а системно, когда глаголы со сходной семантикой и общими словообразовательными элементами обнаруживают аналогичные сочетательные потенции, например: 1) *jmdn(A) ansprechen, ansehen, anschauen, anlachen, anlächeln*; 2) *jmdm(D) entgehen, entlaufen, entkommen, entweichen; jmdm(D) etwas, jmdn(A) entnehmen, entführen*; 3) *sich beschäftigen, sich befassen, sich abgeben mit etw(D)*.

В учебном процессе умение опираться на ассоциативные связи развивается в письменных и устных упражнениях, направленных на отработку операций выбора/отбора, структурирования, комбинирования.

С использованием парадигматических связей происходит, например, усвоение наименований родства, когда лексика вводится через описание значений: *die Schwiegermutter – die Mutter des Ehepartners, der Ehepartnerin; die Schwiegertochter – die Ehefrau des Sohnes; der Schwiegersohn – der Ehemann der Tochter*;

Наименования объектов живого мира: животных и растений – легче усваиваются по иерархическому принципу, по этимологической общности. Пример последовательного подчинения понятий: животные – дикие/домашние животные – конкретный биологический вид животного: *Tier – Wildtier/Haustier*

– große/kleine Tiere – Elefant, Bär,.../Kuh, Pferd, Katze,... . Семантическая сочетаемость усваивается подбором существительных к глаголам (brüllen – der Löwe, miauen – die Katze, bellen – der Hund), прилагательных к существительным (der Wolf – böse, der Hase – ängstlich, der Fuchs – listig) и пр.

С использованием описаний на основе категориального признака строятся упражнения на усвоение лексики по теме «Квартира»:

- а) предметы мебели – существительные;
- б) положение/расположение предмета – глаголы;
- в) признак/качество предмета – прилагательные.

Затем следуют упражнения на группировку слов по другим признакам и ассоциациям: подбор существительных к глаголам, прилагательных к существительным и наоборот, составление антонимических пар, подбор гиперонимов к гипонимам, группировка по словообразовательному признаку, упражнения с опорой на мотивационный признак, образование сложных слов, исключение из группировок лишних членов, не ассоциируемых с данным рядом, и т.д.

Лексические единицы, составляющие семантическое поле «наименования частей тела» (Körperteile), легче запомнить ассоциативно, с попарным сопоставлением: Fuß – Bein, Hand – Arm, Finger – Fuß, Zeh – Fuß.

К ассоциативным упражнениям относятся вспоминание контекста, цитирование стихотворений, построение широко используемых сегодня ассоциограмм к заданным понятиям, коллажей и пр. Текстовые и экстралингвистические материалы коллажей – названия текстов, рисунки, фотографии и их фрагменты, слова-реалии, фразы – образуют лексико-семантический фон основного понятия, опору для понимания этой ключевой реалии и построения дальнейшей речевой деятельности.

Рациональное усвоение языка происходит при активном использовании техники ассоциативных связей. Недостаточная работа над системными отношениями лексемы имеет следствием негативную интерференцию опыта родного языка на употребление иноязычного слова. Прочности усвоения лексических единиц, правильности их употребления содействует активное, систематическое включение лексики в самые разнообразные ассоциативные группировки.

Литература:

1. Лингвистика и преподавание иностранных языков в средней школе // ИЯШ. – 1990. - №4. – С.47-54.
2. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку. – М.: Рус. яз., 1989. – С. 219 .
3. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Наука, 1973. – С. 280.
4. Гинзбург Р.С. О взаимосвязи лингвистического и экстралингвистического в лексике // ИЯШ. – М., 1972. - № 5. – С. 14-19.

Ковалева Е.А. «ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА» В ПОЭЗИИ А. БЕЛОГО, А. БЛОКА, В. БРЮСОВА: ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

(Оренбургский государственный университет)

На рубеже XIX – XX веков активно развиваются литературные течения. Каждому направлению присущи свои черты, для символизма, например, характерной особенностью явилась способность воздействовать на подсознание, воображение, чувство посредством ассоциаций, поэтому поэзия символистов требовала активного соучастия читателя в творчестве. Первостепенную роль играет символ, заменяющий конкретный образ. Любые предметы, животные, явления могли стать символом.

Железная дорога явилась новой реалией для культурной и общественной жизни эпохи рубежа веков и подверглась художественному осмыслению. Изучение поэтического представления этой реалии, исследование включения связанных с ней номинаций в поэтический текст в поэзии А. Белого, А. Блока, В. Брюсова представляется интересным, ибо, таким образом, можно обнаружить символы, связанные с осмыслением железнодорожной ситуации.

В новейших исследованиях лексической структуры художественного текста в качестве основного инструмента анализа называется текстовое ассоциативно-семантическое поле, структурообразующим элементом которого является текстовая лексико-тематическая группа.

Под текстовыми лексико-тематическими группами (в дальнейшем - ТЛГТ) понимается объединение семантически и тематически близких в рамках некоторого текстового фрагмента лексических единиц (Супрун А.Е., Кожина А.А. 1987, Чурилина Л.Н. 2000).

Проанализировав железнодорожную ситуацию в поэзии А. Белого, А. Блока, В. Брюсова, мы выделили следующие ТЛГТ «железной дороги»: постройки, люди, части, дорога, средства сигнализации и средства передвижения.

ТЛГТ «постройки» включает в себя номинации: станция, платформа, буфет и вокзал.

Номинация «станция» в поэтических текстах обозначает ‘основное эксплуатационное предприятие железнодорожного транспорта, имеющее путевое развитие, устройства и сооружения для организации перевозок пассажиров и грузов’. На железнодорожных станциях происходит приём, отправление поездов, обслуживание пассажиров, выдача груза и багажа:

Котомки, солдатские ранцы

Мелькнули и скрылись... Ясней

Блесни пролетающих станций

Зелёная россыпь огней!

(А. Белый. В вагоне).

Номинация «платформа» относится к железнодорожной станции и представлена двумя текстовыми значениями:

1) площадка на железнодорожных станциях и пассажирских остановочных пунктах, сооружаемая вдоль железнодорожного пути (на это указывает включение анализируемого слова в лексический контекст, обозначающий статичное расположение реалии в пространстве):

Бывало шла походкой чинною
На шум и свист за ближним лесом,
Всю обойдя платформу длинную,
Ждала, волнуясь, под навесом.
(А. Блок. На железной дороге).

2) железнодорожный вагон для перевозки (на что указывает лексический контекст, обозначающий динамическое состояние объекта):

Жандарма потеряя форма,
Носильщики, слезы. Свисток –
И тронулась плавно платформа;
Пропел в отдаленье рожок.
(А. Белый. В вагоне).

Вариант вокзал в текстовом фрагменте выполняет предназначенную для него функцию - 'здание с прилегающими сооружениями на большой станции' – номинация, где можно не только купить билет, но и отдохнуть в ожидании своего поезда (на что указывает контекст, раскрывающий смысл номинации вокзал):

Вокзал: в огнях буфета
Старик почтенных лет
Над жареной котлетой
Колышет эполет.
(А. Белый. Станция).

Таким образом, ТЛТГ «постройки» включает в себя обозначение зданий и построек, выполняющих предназначенные для них функции.

ТЛТГ «дорога» состоит из 3-х лексико-семантических подгрупп, каждая из которых имеет текстовые варианты:

- железная дорога в целом (железная дорога, полотно, путь);
- железнодорожный переезд как особо значимая часть реалии (переезд, шлагбаум);
- железная дорога как совокупность составляющих (рельсы, шпалы, стрелки).

Вариант «дорога» в поэтических фрагментах является жизненным путём при достижении поставленной цели:

Пространство, время, бога
И жизнь, и жизни цель –
Железная дорога,
Холодная постель.
(А. Белый. Телеграфист).

Номинация «полотно» в найденных фрагментах становится “туннелем одиночества”, новое осмысление – дорога жизни в никуда (на что указывает включение лексемы в контекст):

Туда, туда – далеко,
Уходит полотно,
Где в ночь сверкнуло око,
Где пусто и темно.

(А. Белый Станция).

Понимание железной дороги как совокупности частей связывается поэтами-символистами с темой смерти и смертоносности новой реальности:

И он на шпалы прынул
К расплавленным огням:
Железный поезд грянул
По хряснувшим костям...
(А. Белый. Станция).

Вариант рельсы представляется поэтам как единственная возможность, спрятаться и ждать смерть «притаившись», а затем покончить с жизнью:

Ужели я в жалобах слезных
Ненужный свой век провлачу?
Улегся на рельсах железных,
Затих: притаился – молчу.
(А. Белый. На рельсах).

Номинация «стрелки» имеет узуальное значение 'устройство для перевода подвижного состава с одного пути на другой'. Новое мифологическое осмысление «железнодорожной ситуации» - это направляющий элемент жизни в нужном русле. Этому движению невозможно сопротивляться, другого пути нет, всё решено:

А там: - сквозь кустик мелкий
Бредёт он большаком.
Мигают злые стрелки
Зелененьком глазком.
(А. Белый. Станция).

Предикат «мигать» создаёт ощущение предупреждения, т. е. подаёт определённый знак.

Железнодорожный переезд сроден перепутью в мифологических системах:

Один... Стоит у стрелки.
Свободен переезд.
Сечет кустарник мелкий
Рубин летящих звезд.
(А. Белый. Станция).

Одним из компонентов третьей лексико-семантической подгруппы является шлагбаум, номинация, непосредственно связанная с ситуацией переезда, и представляемый поэтами-символистами, как некое существо, наделённое функциями открытия и закрытия пути:

Поставил в ночь под склоном
Шлагбаум пёстрый шест;
Ямщик ударил звоном

В простор окрестных мест.

(А. Белый. Телеграфист).

Таким образом, ТЛТГ «дорога» подразделяется на 3 лексико-семантических подгруппы, каждая из которых состоит из компонентов, ассоциативно взаимосвязанных друг с другом, поэтическое «приращение смысла» основано на мифологических ассоциациях.

К ТЛТГ «средства передвижения» относятся номинации средств передвижения по железной дороге, обозначающие как механизм в целом (поезд), так и его части (паровоз, вагон).

Одним из вариантов первого компонента – представления механизма в целом – является поезд, номинация, которая поэтами-символистами отождествлялась с разлучником, забирающим и скрывающим, приносящим боль, страдания, печаль:

Когда твой поезд, с ровным шумом,

Мелькнул и стал вонзаться вдаль,

А я стоял, доверясь думам,

Меня так нежила печаль.

(В. Брюсов. Эпизод («Когда твой поезд, с ровным шумом...»)).

Номинация второй лексико-семантической подгруппы – представление частей механизма – вагон, являющийся неотъемлемой частью железнодорожной ситуации и жизни в целом, а также атрибутом постоянства и незаконченности (на что указывает перечислительная интонация и пунктуационный знак ...):

Вагон, тюки, брезенты

Да гаснувший закат...

Выкидывает ленты,

Стрекочет аппарат.

(А. Белый. Телеграфист),

Часто вагоны ассоциируются с пассажирами, в текстовых фрагментах употреблены предикаты, свойственные для живых существ (*шли, молчали, плакали и пели*):

Вагоны шли привычной линией,

Подрагивали и скрипели;

Молчали желтые и синие;

В зеленых плакали и пели.

(А. Блок. На железной дороге).

Таким образом, ТЛТГ «средства передвижения» включает номинации средств передвижения по железной дороге, обозначающие как механизм в целом, так и его частей. «Поэтическое приращение» смысла основывается на реалиях.

ТЛТГ «средства сигнализации», в которой номинации выполняют функцию передачи приказов и указаний, обеспечивающие безопасность движения. Эта ТЛТГ включает в себя видимые (дым, телеграфные провода, семафоры, телеграфные столбы, свет) и звуковые (свист, свисток, звон) проявления железнодорожной ситуации.

Первая лексико-тематическая подгруппа, названная нами «видимые» сигналы имеет узуальное значение зрительного проявления железнодорожной ситуации.

Номинация свет непосредственно связана с ситуацией семафора, основные сигнальные цвета которого используются поэтами-символистами в своих основных узуальных значениях: красный свет обозначает запрет движению, зеленый – разрешение:

С речного косогора
В густой, в холодный мрак –
Он видит – семафора
Взлетает красный знак.
(А. Белый. Телеграфист).

Семантическое значение глагола «взлетает» - ‘быстрота, мимолётность, начало действия’. В данном текстовом фрагменте глагол имеет ещё одно значение – расположение наверху. Лексический контекст указывает на прекращение действия, этот знак подаётся сверху.

Вторая лексико-семантическая подгруппа предназначена для передачи сигналов посредством звуковых проявлений.

Вариант шум имеет узуальное значение ‘звуков, слившихся в громкое однообразное звучание’, что относится к обязательным элементам проявления железнодорожной ситуации:

Бывало, шла походкой чинною
На шум и свист за ближним лесом.
Всю обойдя платформу длинную,
Ждала, волнуясь, под навесом.
(А. Блок. На железной дороге).

Таким образом, ТЛТГ «средства сигнализации» включает 2 лексико-семантических подгруппы, в которых узуальное значение основывается на реалиях.

ТЛТГ «части» можно условно разделить на обозначения нижних частей вагона – колёса, подножка – и на обозначения «отверстий» вагона как своеобразного локуса: окна, стёкла, тамбур, двери. Первые связываются с фоновыми шумами, звуками. Одним из вариантов этой лексико-семантической подгруппы являются «колёса». Фоновые шумы, звуки создаются при помощи глаголов движения с лексико-семантическим значением громких звуков:

На дальних обрывах откоса
Прошли – промерцали огни;
Мостом прогремели колеса...
Усни, мое сердце, усни!
(А. Белый. В вагоне).

Номинации второй лексико-семантической подгруппы условно можно разделить на целое (тамбур, окно) и части, принадлежащие тому или иному целому (двери стёкла, задвижка). Вместе целое и соответствующая ей часть составляют единый объект.

Вариант окна представляет собой границу, разделяющей “внутренний” и внешний миры пассажиров. Внешний по отношению к пассажирам мир наполнен другими жизненными интересами, чем жизнь “изнутри”, что вызывает пристальное его изучение (на что указывает контекст):

Три ярких глаза набегающих –

Нежней румянец, круче локонов:

Быть может, кто из проезжающих

Посмотрит пристальной из окон...

(А. Блок. На железной дороге).

Одним из приёмов поэзии является метафора. В текстовых фрагментах окна вагона ассоциируются с глазами мертвого, на что указывает узуальное значение *пустынные* (вектор направления меняется от *из* к *в*):

Да что – давно уж сердце вынуто!

Так много отдано поклонов,

Так много жадных взоров кинуто

В пустынные глаза вагонов...

(А. Блок. На железной дороге).

Таким образом, в ТЛТГ «части» условно выделяются 2 подгруппы: части, создающие шум, и части, через которые можно наблюдать внешний по отношению к пассажирам мир.

ТЛТГ «люди» - последняя группа, которую мы выделили в концепте «железная дорога». Эта ТЛТГ подразделяется на 2 подгруппы: 1) наименования пассажиров и 2) наименования профессиональных деятелей. Лексический контекст первых связан с группой глаголов действия, а вторых – с лексической параметризацией человека железнодорожной профессии как знака, атрибута «железнодорожной ситуации».

Варианты первой лексико-семантической подгруппы в проанализированных текстовых фрагментах связаны со сном – показан, или процесс приготовления ко сну, или пробуждения, лексический контекст последних указывает на равнодушие к окружающему миру (*ровный взгляд*, т. е. одинаковый и спокойный):

Вставали сонные за стеклами

И обводили ровным взглядом

Платформу, сад с кустами блёклыми,

Её, жандарма с нею рядом...

(А. Блок. На железной дороге).

Номинация телеграфист связана со значением принятия и передачи сообщений на расстояние по проводам, производя резкие короткие и частые звуки:

И вновь взметнуться хочет

Большой кленовый лист.

Депешами стрекочет

В окне телеграфист.

(А. Белый. Телеграфист).

Таким образом, ТЛТГ «люди» представлена двумя категориями: наименованиями пассажиров и их действий и работников железной дороги.

Проанализировав поэзию А. Белого, А. Блока и В. Брюсова, мы пришли к выводу, что в ней отражены все элементы, прямо или косвенно относящиеся к железной дороге. Они имеют как узуальные значения, так и текстовые, основанные на мифологическом представлении железнодорожной ситуации. Лексико-семантические подгруппы близки по значению и зависят друг от друга в определённых ситуациях.

Таким образом, поэты-символисты связывали железную дорогу с разлукой, печалью и надеждой на скорое свидание с философской точки зрения, тему смерти и опасности можно проследить в творчестве каждого поэта. Художественный концепт «железная дорога» становится элементом поэтического сознания, самосознания и поэтического дискурса начала XX века.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белый А. Солнце: Избранные стихотворения / Сост., автор предисл. и прим. Н.В. Банников; Худ. Е.М. Ульянова. – М.: Дет. лит., 1992.–255 с.
2. Блок А. Лирика. Театр. – М.: Правда, 1981. – 544 с.
3. Брюсов В.Я. Избранное / Сост., вступ. Статья и прим. А. Козловского. – М.: Правда, 1984. – 464 с.
4. Супрун А.Е., Кожина А.А. Тематическая группировка слов, их распределение и тематические цепочки как компоненты лексической структуры текста // Семантика целого текста. – М.: Наука, 1987. – С. 250 – 290.
5. Чурилина Л.Н. Лексическая структура художественного текста: принципы антропоцентрического исследования. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. – 283 с.

Ломакина Н.Н. ПЕРЕВОД КАК ВИД РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

(Оренбургский государственный университет)

Знание иностранного языка – это освоение культуры другого народа, воспитание гражданственности и рост интеллекта, возможность пользоваться ценностями мировой культуры, достижениями в различных областях науки и техники. Целью обучения иностранному языку в неязыковом вузе становится, исходя из сетки учебных часов, формирование того уровня владения иностранным языком, который бы обеспечил применение его в сфере профессиональной деятельности.

Всё, что связано с профессиональной подготовкой специалиста в вузе, в том числе и применение им иностранного языка, а в данном случае – умение им читать литературу по специальности, в профессиональной деятельности, служит основным признаком законченности вузовского курса.

В условиях информационного взрыва перед специалистом стоит задача не только переработать имеющуюся, но и найти и отобрать нужную информацию. Мы говорим в данном случае об иностранном языке как о средстве достижения и приобретения новых знаний. Кроме того, специализация популяризирует такие знания и виды деятельности, которые обусловлены постоянно меняющимися условиями жизни. На этом фоне язык употребляется как средство профессионального общения.

Умение работать с оригинальной литературой по специальности включает в себя не только простое получение информации, содержащейся в тексте, но и критическое осмысление, обобщение, анализ и оценку достоверности. При этом практик должен будет модифицировать содержание текста, принимая во внимание специфические потребности собственной ситуации.

В действующей сегодня Программе курса обучения иностранному языку в вузах неязыковых специальностей ведущей целью является формирование коммуникативных умений, среди которых чтение является наиболее доступным и легко достижимым, а, следовательно, и результативным.

В последние годы в неязыковых вузах всё большее внимание уделяется переводу, который, реализуя на практике результат овладения иностранным языком, рассматривается как один из видов речевой деятельности и, следовательно, как один из способов общения.

При переводе исходят из того, что употребление языка обнаруживает самобытные в различных областях знаний и при этом, все же, сравнимые черты друг с другом. Перевод определяют как двуязычную коммуникативную

деятельность, в процессе которой речевое общение опосредуется участием переводчика (С.К. Фоломкина).

Переводом называют вид речевой деятельности, удваивающий компоненты коммуникации, целью которого является передача сообщения в тех случаях, когда коды, которыми пользуются источник и получатель, не совпадают. Специфика перевода заключается в языковом посредничестве, в преодолении различий и противоречий между языками. В его задачу входит с одной стороны необходимость избежания буквализмов, а с другой стороны – вольностей.

Перевод, как и любая деятельность, имеет две стороны: интеллектуальную (что должно быть достигнуто) и операционную (путь достижения желаемого). При обучении переводу надо уделять обоим внимание, формировать в упражнениях переводческие умения, которые базируются на выполнении сходных действий, а не путём бесчисленных повторений, т.е. понимая правила игры.

Невозможно выработать автоматизированные навыки перевода, как нельзя говорить о переводе вообще, вне зависимости от комбинации языков. Интеллектуально-интуитивная компетенция переводчика опирается на лингвистические и предметные знания. На занятиях целью перевода может быть:

- анализ промежуточных вариантов перевода или технология перевода;
- просто перевод с целью оценки его адекватности первоисточнику.

Оцениваются при этом не только смысл, но и структура, стиль оригинала.

Язык переводного текста не должен выдавать его «иностранное происхождение», отличаться от обычного непереводного текста в данной области знаний. Научно-технические тексты объективно легче поддаются полноценному и точному переводу благодаря отсутствию в них элементов национально-культурной подоплёки и эмоциональной окраски.

Л.К. Латышев подчёркивает общественное предназначение перевода, заключающееся в его объективной реальности. Объективности подчиняются все переводчики, независимо от того, какая переводческая работа ими выполняется. Объективность не всегда соответствует понятию точности перевода и «идеал» в переводе достижим лишь относительно. Язык переводного текста должен соответствовать всем нормам и традициям языка перевода.

Воссоздание единства содержания и формы подлинника средствами другого языка является целью адекватного или полноценного перевода (Р.К. Миньяр-Белоручев). Абсолютное соответствие в переводе выражается в совпадении формальных, семантических и информативных компонентов исходного и переводного текстов в переводе, что практически невозможно достичь.

Переводной текст обязательно содержит некоторое количество информации, отсутствующей в исходном тексте, а часть информации исходного текста не представлена в переводном. Всё это подтверждает не

столько невозможность машинного перевода, и своеобразие каждого языка, но и индивидуальность переводческой деятельности. Сюда же необходимо отнести уточняющую информацию, то есть сведения, которые подразумеваются другими словами текста и фоновую информацию, поступающую от экстралингвистических факторов.

Главный результат любой речевой коммуникации – реакция адресата. О совпадении реакций адресатов можно говорить лишь при совпадении личностных, профессиональных характеристик. Если речь идет как в нашем случае о профессионально-ориентированном переводе, то учитывается не только степень языковой, но и профессиональной специальной подготовки переводчика.

Коммуникативная компетенция, их профессиональные знания, общая культура, возрастные и социальные особенности, адресатов воспринимающих оригинал и адресатов, воспринимающих перевод, должны быть во многом равноценными. Иногда переводчик выходит за рамки перевода, транслирует сообщение через лингвоэтнический барьер, обрабатывает материал в интересах адресата, но делает отступления в виде сносок, в форме примечаний. За самовольную подмену текста переводчик несёт ответственность.

Когда одноязычный адресат заинтересован в коммуникации с большей степенью опосредования или переработки сообщения, он может заказать языковому посреднику не перевод, а иной вид посредничества (аннотацию, пересказ, реферат). Наряду с переводами на основе научно-технических, деловых текстов составляются информационные справки.

Работа переводчика заключается не в том, чтобы передавать чужие мысли, высказывания. С этим имеет дело артист, учитель, журналист. Перевод – это не простое толкование чьих-то идей, а передача сообщения, закодированного на одном языке, с помощью другого. Информация, предназначенная для передачи, включает в себя не только содержание, но и соответствующую структуру его выражения.

Р.К. Миньяр-Белоручев называет профессионального переводчика «слугой всех господ» за необходимость обслуживания любых специальностей, всех направлений науки, искусства, письменно и устно, но до определённых пределов. Неточность передачи сообщения можно объяснить лишь необходимостью представить информацию исходного текста в доступном и приемлемом для адресата виде.

Умение перевода проходит несколько этапов становления. В качестве объектов обучения на начальном этапе преподавания иностранного языка в неязыковом вузе рекомендуется осуществление устного и письменного перевода микротекстов с немецкого языка на русский язык.

Объектом перевода является информация, содержащаяся в тексте. Языковой материал используется как части мозаики для передачи содержания иностранного текста на родном языке. Для проверки точности понимания используется перевод. Изучающее чтение направленное как раз на решение этой цели, допускает перечитывание текста, самоисправление, анализ содержащегося в нём языкового материала. При письменном переводе, который

рассматривается на этом этапе как контрольное задание по усвоению пройденного материала, легче выявить проанализировать возникшие у студентов трудности.

Те части предложений, которые передаются неправильно, подвергаются обязательному анализу, в зависимости от характера трудности. Студенты справляются в грамматическом справочнике для объяснения своей ошибки или отстаивания правильности варианта своего перевода. К выборочному переводу следует прибегать, только в случае уверенности преподавателя в правильности понимания студентами текста.

В качестве подготовительной работы на начальном этапе обучения в вузе предлагаются задания по формулированию на родном языке темы и основного содержания текста, привлечения собственного жизненного и профессионального опыта. Понимание текста облегчается наличием фотографий, заголовка и таблиц. Обсуждение упрощённой версии текста помогает вести полный перевод в правильном русле.

Очень помогает нахождение места в тексте, содержащем основную его мысль. Определив основную мысль текста, студенты обсуждают приведённые в нем факты, степень их достоверности, делают предварительные выводы.

Полезным на начальном этапе представляется сравнение текста и его перевода на русский язык, оценка качества перевода, нахождение неточностей или попытка собственного перевода для сравнения.

Аутентичные публикации из профессиональной литературы, содержащие проблемы профессионального характера, к которым относятся патенты, рецензии, деловые письма, составляют текстовый материал продвинутого этапа обучения, тесно связанный с работой выпускающей кафедры и предлагаемый ими при работе над рефератами и курсовыми работами старших курсов вуза. Для адекватного перевода в таких случаях используют дополнительные источники информации.

Разнообразные требования, которые ставятся к переводу специального текста, требуют от перевода соблюдения, по крайней мере, пяти компетенций:

- Во-первых, общую языковую компетенцию иностранного языка;
- во-вторых, общую языковую компетенцию языка перевода;
- в-третьих, терминологическую компетенцию иностранного языка;
- в-четвертых, терминологическую компетенцию перевода;
- в-пятых, достаточную предметную компетенцию в соответствующей отрасли.

Для специалиста в области техники, как видно из приведённого перечня, легче переводить тексты по специальности с иностранного языка на родной язык, на котором он сможет точнее и исчерпывающе сформулировать мысль.

Список использованной литературы

1. Латышев Л.К. Технология перевода. – М.: НВИ Тезаурус, 2000. – 280с.
2. Миньяр-Белоручев Р.К. – Как стать переводчиком? - М.: Готика, 1999. - 176
3. Программа по иностранным языкам для вузов неязыковых специальностей. Методические указания к программе. – М.: УМО по лингвистическому образованию, МГЛУ, 1995. – 157с.
4. Фоломкина С.К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. – М.: Высш.шк., 1987. – 207с.

Матвиевская А.А. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА НЕМЕЦКОГО МОЛОДЕЖНОГО ЖАРГОНА

(Оренбургский государственный университет)

Одним из популярных приемов создания новых семантических значений в молодежном жаргоне – это метафора – самое популярное и эффективное средство реализации эстетического приема остранения. Метафора – это своего рода заимствование, своеобразный семантический экзотизм среди привычных и нейтральных номинаций. Однако это заимствование не слова или значения, а образа, и не из чужих лексических систем, близких (территориальные или социальные диалекты) или далеких (другие языки), а из собственной общеупотребительной и общедоступной лексико-семантической системы. Этим метафорическое переосмысление превосходит заимствование, которое впрямую направлено на именование объекта: оценочность, которую несет заимствованное слово, обычно исходит от формы знака, от осязаемого говорящим и слушающим фактора его принадлежности к чужим системам с «закрытой» для массового носителя языка внутренней формой.

Метафоризация, напротив, связана с острающим переосмыслением общеупотребительного нейтрального слова и предполагает обязательный учет его внутренней формы, исходный нормативной семантики, которая создает выразительный образ и предполагает неизбежную оценку объекта – предмета, признака или действия: *Flossen* – руки, ноги; *Donnerkanone* – громко разговаривающий человек; *Tanzbärenschrift* – старомодные танцы; *Milchtüte* – неженка; *Kürbis* – голова. Чтобы понять оценочную экспрессию заимствования надо знать его смысл, чтобы почувствовать выразительность жаргонной метафоры, надо понять ее образность.

Базовая модель жаргонной метафоризации – «сопоставление несопоставимого», соединение невозможного, столкновение метафорического значения вторичной номинации с первичной семантикой образного прототипа: *den Löffel ins Essen hauen* – выражение крайнего ужаса или удивления. В качестве прототипов метафорического сравнения избираются определенные символы, эталоны коллективного представления, определенного группового опыта, которые связывают производную номинацию и исходное слово.

Образование метафоры связано с заимствованием не всего слова и его значений, а только его частей: звуковой оболочки и образа. *Stofflöwe* – трус, человек «без зубов», то есть тот, кто не может причинить никакого вреда. Говорящий заимствует только модификацию сравнения – плюшевый лев, игрушка и не более. Или номинации растений для обозначения головы – *Kürbis*, *Tomate*, *Trüffel*: заимствуется внешнее подобие и функция (растение не может думать). Залог успеха метафоризации не только в выборе удачного объекта сравнения, но в выборе образа из общедоступного источника, известного слушателю.

Этот простой, на первый взгляд, механизм порождения метафоры на самом деле требует известного воображения и определенных мыслительных

усилий – творческой переработки содержания заимствуемого образа, притом переработки групповой, коллективной. Е.Д.Поливанов в 1931 году писал применительно к подростковым жаргонам: «Техника словотворчества – не индивидуальная выдумка, а в подлинном смысле широкое, коллективное, а потому и разнообразное по приемам своим языковое творчество, к которому мы вправе отнести так же, как к коллективному процессу эволюции всякого нормального языка».

В самом деле, в молодежных жаргонах в некотором смысле все так же, как в «большом» языке – общеупотребительном, систематизированном, нормативном, поскольку говорящий по объективной необходимости опирается на базовую языковую систему (включая общеупотребительную литературную лексику), позволяющую ему понимать окружающий языковой мир и быть понятым в нем, и в то же время коллективный языковой разум постоянно и неуклонно стремится к обновлению, к творчеству, подвергая изменению самые разные понятия и обозначающие их номинации.

Именно язык является ведущим средством манифестации социально-группового обособления, отталкивания от официальных, общественно признаваемых стандартов, и в то же время именно язык вместе с другими средствами (физической силой, профессиональными навыками, умом или хитростью) помогает бороться за самоутверждение внутри социальной группы: возрастной, профессиональной, криминальной и пр. Наилучшим способом достижения всех этих целей в языке является метафора. Метафора быстрее и эффективнее других способов порождения новых единиц позволяет говорящему достигать целей групповой самоидентификации, поскольку легко воспринимается и оценивается всеми носителями языка, отличается образностью и вполне соответствует популярному в массовой народной среде наглядному мышлению. Так, например, *der Igel* – человек с коротко остриженными волосами, так называемая стрижка «ёжик», в обоих случаях мы видим подобие: волосы похожи на колючки.

Заимствование и метафора могут самым неожиданным образом сближаться. В некоторых случаях заимствование понятия из одной национальной арготической системы в другую сопровождается переносом не слова, а значения и образа. При этом новую номинацию для чужого образа находят среди своей лексики – стандартной, общеупотребительной.

Другая особенность субстандартной метафоры – синкретичная природа семантической трансформации слова, результатом которой оказывается смешанный характер содержания производного слова, например, соединение метонимического переноса в пространстве и собственно метафорического образного преобразования. Метонимия акцентирует индивидуализирующую черту в содержании слова, а метафора придает ему образный и оценочный характер: например, *Dreitonner* – толстая девушка (перенос значения с грузовика-трехтонки), или *Pappnase* – смешная фигура, человек, не воспринимаемый всерьез (синекдоха: перенос с карнавальной маски – носа на человека). Большинство жаргонных метонимических переносов именно таково: соединение переноса по смежности и по сходству, ибо жаргонно-просторечное

переосмысление почти всегда сопровождается экспрессивной и образной оценкой.

Жаргонная метафора по своему исходному назначению и по способам образования представляет собой диффузное явление. Выражение социального обособления и эмоционально-экспрессивного воздействия достигается в такой метафоре комплексом средств: межъязыковыми семантическими переносами, внутриязыковым заимствованием образов и стилей, а также синкретичными соединениями метафорического переноса с другими способами семантической трансформации слов.

Метафора традиционно соединяет в себе две основные функции: номинации и характеристики (экспрессивной оценки). Особенность жаргонной метафоры заключается в том, что обе ее функциональные разновидности – номинация и характеристика – обладают экспрессивностью и оценочностью. (Химик, с.87-91) Под оценочностью понимается заложенная в слове положительная или отрицательная характеристика человека, предмета, явления. Наличие «плюса» или «минуса» в значении слова – важнейший показатель оценки. (Харченко, с.66) В основе экспрессии лежит заведомое несоответствие каких-либо языковых или речевых средств языковым стандартам, т.е. наиболее регулярным, устойчивым моделям (Харченко, с.68). Исходя из этого, выделяют два вида жаргонных метафор: метафорическая номинация и метафора-характеристика.

Метафорическая номинация – это обозначение новых понятий с помощью старых знаков, т.е. единиц, уже имеющих в лексической системе общеупотребительного языка: «некоторый прием извлечения нового имени из старого лексикона» или «операция над знанием, когда неизвестное становится известным». Таким способом образования метафоры весьма активно пользуются все социально-профессиональные подязыки для обозначения некоторых реалий соответствующей субкультуры, чуждых остальному миру и потому не имеющих в массовом сознании специальных языковых обозначений, хотя, разумеется, они всегда могут быть обозначены описательно. Метафоры-номинации обычно попадают в арготическое ядро жаргонных подсистем, поскольку обозначают специальные понятия, служат терминоидами «внутреннего употребления» для конкретных социальных подязыков: Perlhuhn (цесарка) – женщина, выделяющаяся своей одеждой, прической; Bonsai (карликовое декоративное дерево) – невысокий мальчик; Bergdrossel (дрозд) – болтун, женщина, которая не очень хорошо поет. Большинство таких метафор-номинаций имеет мотивированный характер: семантический перенос предполагает сходство по ясно выраженным, эксплицитным компонентам содержания метафоры и исходного слова.

Метафора-характеристика или, иначе, **метафорическая реноминация**, служит для экспрессивного образного переименования общеизвестных понятий, когда «известное становится совершенно новым». Метафора в этом случае представляет собой особый ресурс, к которому прибегают в поисках образа, способа индивидуализации, смысловых нюансов. Метафорическая реноминация – стабильное и достаточно естественное явление, постоянно

действующий процесс, который составляет одну из сущностей языкового процесса вообще и низкого стиля в частности. Обычно это экспрессивные переименования общепринятых понятий с активизацией особого жаргонного острания – снижающего, аффектированного, часто вульгарного, в зависимости от преобладающих коммуникативно-оценочных установок внутри каждой социально-профессиональной группы: Schlunte (Schlund – жерло вулкана) – рот, Bettwärmer (грелка) – любовница, Zecke (клещ) – «паразит», живущий за счет других.

Жаргонная метафора – явление прихотливое, многообразное и очень подвижное. Если метафора-номинация обычно имеет мотивированную природу переосмысления, то метафоры-реноминации часто образуются синкретичным и ассоциативным способами, т.е. на основе не прямого сходства или антисходства, а сложных и ассоциативных связей.

Метафоры-номинации и метафоры-характеризации в жаргонно-арготической среде далеко не всегда жестко противопоставлены друг другу, более того, общая тенденция развития социально-диалектной метафоры – движение от специальной арготической функции к жаргонной оценочно-характеризующей, далее она может приобрести статус общеупотребительной сленговой и войти в литературный стандарт: *wiehern* – «громко смеяться». Общая тенденция развития жаргонной метафоры реализуется, конечно, не всегда. В социальных жаргонах имеется огромное количество метафор с короткой жизнью: узко групповых, разовых, окказиональных.

Можно сказать, что жаргон как социально-групповая лексико-семантическая подсистема принципиально ориентирован на метафору, т.е. жаргон метафоричен уже по своей природе. Метафора – основное средство острания номинаций и самый доступный, можно сказать, самый демократичный способ реализации творческого потенциала речи массового носителя языка. Но из этой доступности и массовости словотворчества происходят и такие свойства жаргонной метафоризации, как стереотипность в выборе образов, экстенсивность варьирования образами и, как результат, диффузность метафорической семантики. (Химик, с.91-95).

Считается, что по своему грамматическому устройству среди метафор преобладают существительные и глаголы. Это отражает объективную действительность «идеологического инвентаря» жаргонов, его базовые когнитивные категории, т.е. акции и объекты этих акций. В центре подавляющего большинства социально-групповых когнитивных подсистем находится человек. Вслед за ним метафорической номинации и реноминации подлежат обозначения предметов, понятий и процессов, попадающих в поле зрения отдельных социальных и профессиональных групп и субъектов немецкого языкового пространства в целом.

Итак, метафора в социальных жаргонах, и в частности в молодежном жаргоне, предстает как сложное многоаспектное явление с типизированным набором модусов экспрессивности: снижение и вульгаризация, усиление и аффектация, насмешка и ирония, игровая имитация и пародия, романтизация и украшательство. Все эти модусные признаки жаргонной метафоры выступают,

как правило, в едином нерасчлененном комплексе и вместе способствуют эффекту экспрессивного отторжения номинации от лексикона общеупотребительного языка, т.е. заведомого несоответствия языковым или речевым стандартам.

В основе жаргонной метафоры в отличие от общеязыковой литературной заложена последовательно реализуемая установка на сопоставление несопоставимого, в ней, так или иначе, скрыта антитеза в широком ее понимании: противопоставление речевому узусу, языковому стандарту, логике, этическим, а иногда и эстетическим нормам. Это обстоятельство предопределяет «трудную жизнь» жаргонной метафоры в языковой среде. Сопоставление несопоставимого, явная или скрытая антитеза, или, иначе, «модус фиктивности» метафоры, означает для ее отправителя (говорящего, автора) необходимость балансировать между стереотипностью, клишированностью метафоры, чтобы ее понимали, и новизной сравнения, чтобы она «работала». В этом заключается один из аспектов диалогичности жаргонной метафоры – балансирование номинации или реноминации между стандартом и субстандартом. Нарушение этого баланса приводит к разрушению модуса фиктивности метафоры, это происходит, когда создается неудачная, кратковременная метафора, не работающий образ, или когда не учитывается особый фактор адресата, неопытного слушателя (ребенка, неносителя языка, человека со слабым воображением). В то же время излишний крен в сторону стереотипности, узнаваемости лишает метафору эмоционального напряжения, экспрессии модуса фиктивности.

Жаргонная метафора вместе с другими языковыми (и неязыковыми) средствами выполняет целый комплекс функций: номинативных, психологических, социальных, креативных. **Номинативная функция** метафоры выражается в возможности с ее помощью давать названия специальным внутрикорпоративным понятиям – так образуются многие аргоизмы-терминоиды. **Психологическая функция** жаргонной метафоры заключается в ее воздействующей силе, в способности привлечь внимание слушателя удачной субстандартной реноминацией, шокировать его воздействием грубо сниженного, вульгарного или даже оскорбительного образа. **Социальная функция** жаргонной метафоры проявляется в ее групповой знаковой роли: употреблением определенных метафор-жаргонизмов говорящий заявляет о своей социально-групповой принадлежности и противопоставляет себя «чужим»: взрослым, официозу или обществу в целом. И, наконец, самая интересная – **креативная функция**. Обращение к жаргонной метафоре – наиболее популярное, доступное и эффективное средство остранения слова: творческого самовыражения говорящего, которое при этом может выполнять и функцию психологической разрядки, речевой релаксации. Далеко не всегда эстетический эффект жаргонной метафоры является случайным, не заданным, очень часто, особенно когда образная реноминация преодолевает внутрикорпоративное употребление и становится фактом интержаргона, жаргонная метафора оказывается способом «расцветивания унылой действительности» (Химик, с.128-129).

ЛИТЕРАТУРА

1. Харченко В.К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе, – 1976, – № 3, – с. 66 – 71.
2. Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. – СПб. – 2000, – 272 с.

ИСТОЧНИКИ

1. Ehmman H. Voll konkret: Das neueste Lexikon der Jugendsprache. – Orig.– Ausg. – München: Beck, 2001, 160 S.

Машутина Е.А. ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКА ГОВОРЕНИЯ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

(Оренбургский государственный университет)

Основное назначение иностранного языка как предметной области вузовского обучения видится в овладении студентами умением общаться на иностранном языке. Речь идет о формировании коммуникативной компетенции, т.е. способности и готовности осуществлять как непосредственное общение (говорение, понимание на слух), так и опосредованное общение (чтение с пониманием иноязычных текстов, письмо). Формирование коммуникативной компетенции является основной и ведущей целью обучения. Сегодня это особенно популярно. Опыт свидетельствует, что наибольшие трудности при иноязычном общении студент испытывает, воспринимая речь на слух. Однако, устное общение роль которого в настоящее время стала особенно значительной, невозможно без понимания речей собеседника, поскольку в процессе речевого взаимодействия каждый выступает как в роли говорящего, так и в роли слушающего.

Одним из наиболее эффективных средств развития и формирования навыка говорения в обучении иностранным языкам по правилу считается диалог. Многие преподаватели уже давно оценили широкие возможности, сочетающиеся с минимальными затратами времени и объективностью результатов.

Актуальность данной проблемы рассматривается в творческом использовании диалогов-образцов для совершенствования учебно-воспитательного процесса в каждой методике. Кроме того, использование диалогов-образцов составляет актуальную задачу для всех преподавателей ВУЗов.

Основное понятие «говорение»

Говорение – продуктивный вид речевой деятельности, посредством которого (совместно с аудированием) осуществляется устное вербальное общение. Содержанием говорения является выражение мыслей в устной форме. В основе говорения лежат произносительные, лексические, грамматические навыки. В большинстве методов обучения говорение является одним из важнейших направлений преподавания. По большей или меньшей роли программирования высказывания различают инициативную (активную) речь, реактивную (ответную) речь, репродуктивную (стохастическую) речь. Психологическая структура акта говорения включает четыре фазы:

- 1) побудительно-мотивационную, при которой проявляется потребность человека в общении под влиянием определенного мотива и при наличии определенной цели высказывания;
- 2) аналитико-синтетическую, представленную в виде свернутых умственных действий по программированию и формулированию мыслей (здесь функционирует механизм внутреннего оформления высказывания,

обеспечивающий выбор слов и грамматическое прогнозирование);

3)исполнительную – звуковое и интонационное оформление мысли (на начальном этапе обучения переход программы высказывания к ее исполнению происходит через родной язык;

4)контролирующую, задача, которой – сигнализировать о возможных ошибках и способствовать их исправлению; контроль предполагает наличие у говорящего эталона, формирующегося в результате языковой практики и сличения собственной речи с эталоном.

Для обучения говорению предназначены специальные упражнения, подразделяющиеся на подготовительные и речевые. Навыки и умения неподготовленной речи, ее реактивность, спонтанность, тема вырабатывается в диалоге; умения и навыки подготовленной речи с ее инициативностью, логичностью, последовательность – в монологе.

Диалогическая речь – форма речи, при которой происходит непосредственный обмен высказываниями между двумя или несколькими лицами. Условия, в которых протекает диалогическая речь, определяет ряд ее особенностей, к которым относятся: краткость высказывания, широкое использование неречевых средств общения (мимика, жесты), большая роль интонации, разнообразие особых предложений неполного состава, свободное от строгих норм книжной речи синтаксическое оформление высказывания, преобладание простых предложений. Единицей обучения диалогической речи является диалогическое единство (микродиалог) – несколько реплик, связанных по содержанию и по форме. Обучение диалогической речи строится на основе образца, данного в виде диалогического текста, связанного с ситуацией, в которой происходит общение. Основными этапами обучения диалогической речи на уроке являются:

1)презентация ситуации с помощью словесного объяснения или технических средств обучения;

2)презентация диалога в звуковой и графической форме;

3)усвоение языкового материала диалога;

4)усвоение способов связи реплик в диалоге;

5)воспроизведение диалога;

6)расширение возможностей диалога-образца за счет изменения компонентов ситуации.

При обучении диалогической речи рекомендуется варьировать различные виды диалогов и формы работы с ними: диалог-беседа, диалог-инсценировка, беседа учащихся между собой и с преподавателем, парная и групповая. Основным средством обучения диалогической речи являются упражнения. В процессе их выполнения формируются умения: запрашивать информацию, адекватно реагировать на реплику собеседника, употреблять штампы диалогической речи, комбинировать реплики при построении диалога и др.

Монологическая речь – форма речи, обращенная к одному или группе слушателей (собеседников), иногда – к самому себе; в отличие от диалогической речи характеризуется своей развернутостью, что связано со стремлением широко охватить тематическое содержание высказывания,

наличием распространенных конструкций, грамматической их оформленностью. Обучение монологической речи проходит в три этапа. На первом – вырабатываются языковые автоматизмы. Выработка навыков быстрого и безошибочного пользования фонетическим, лексическим, грамматическим материалом происходит на основе имитативной, ассоциативной речи, речи-высказывания, хоровой и условно-коммуникативной. На втором этапе учат отбору языковых средств, соответствующих цели коммуникации. В центре внимания находится выражение содержания с помощью адекватного лексико-структурного материала. Здесь вырабатывается умение свертывать чужое высказывание и использовать преимущественно речевой материал в готовом виде. Третий этап направлен на развитие умений инициативной речи. Сознание говорящего концентрируется на содержании высказывания. Среди признаков монологической речи выделяются также непрерывность (высказывание не ограничивается одной фразой, а представляет собой сверхфразовое единство), последовательность, логичность речи, относительная смысловая законченность, коммуникативная направленность высказывания. Монологическая речь используется с разной коммуникативной целью: для сообщения информации, для воздействия на слушателей путем убеждения, для побуждения к действию или его предотвращения. При определении видов монологической речи в учебных целях исходят из содержания речи (описание, сообщение, рассказ), степени самостоятельности (воспроизведение заученного, пересказ и самостоятельное высказывание); степени подготовленности (подготовленная, частично подготовленная и неподготовленная речь).

Рассказ является наиболее сложным видом монологической речи. Для него характерна определенная последовательность событий, отражающая причинно-следственные связи между ними. Если описание развивается как в одной плоскости и последовательность описываемых явлений в нем не имеет принципиального значения, то в рассказе соблюдение хронологической последовательности обязательно, иначе нарушается сюжетная канва повествования. Основные разновидности подготовленного монолога - лекция, выступление, сообщение, как правило, готовятся предварительно. Методика обучения языку должна обеспечить обучение всем видам монологической речи. Целью обучения монологической речи является формирование речевых монологических умений:

- 1) пересказать текст, сделать описание, сообщение на заданную тему, составить рассказ;
- 2) логически последовательно раскрыть заданную тему;
- 3) обосновать правильность своих суждений, включая в свою речь элементы рассуждения, аргументации.

Все названные умения вырабатываются в процессе выполнения подготовительных и речевых упражнений.

Основные принципы обучения говорению

Говорение – чрезвычайно многоаспектное и сложное явление. Во-первых, оно выполняет в жизни человека функцию средства общения. Во-вторых, говорение – это один из видов человеческой деятельности. В третьих, важно помнить, что в результате деятельности говорения возникает его продукт – высказывание. И как деятельность, и как продукт говорение обладает определенными признаками, которые служат ориентиром в обучении, т.к. подсказывают, какие условия нужно создать для развития говорения, а также являются критериями оценки результатов обучения.

Говорение есть выражение своих мыслей в целях решения задач общения. Это деятельность одного человека, хотя она включена в общение и немислима вне его, ибо общение – это всегда взаимодействие с другими людьми.

Целью обучения в ВУЗе следует считать не язык, что уместно при филологическом образовании в специальном ВУЗе, и не речь как «способ формирования и формулирования мысли» (И.А.Зимняя), и даже не просто речевую деятельность – говорение, чтение, аудирование или письмо, а указанные виды речевой деятельности как средства общения. Применительно к говорению это означает, что оно совместно с паралингвистикой (мимика, жесты) и праксемикой (движение, позы) служит средством осуществления устной формы общения. Такая цель требует и соответствующего метода ее достижения. Для говорения им является коммуникативный метод.

Сказанное определяет важнейшее исходное положение: обучать говорению, не обучая общению, не создавая на уроках условий речевого общения, нельзя.

Как и любой вид человеческой деятельности, общение целенаправленно, мотивировано, предметно и имеет свою структуру. Процесс общения можно себе представить следующим образом.

Между потенциальными участниками общения (теми, кто хочет или может вступить в общение) всегда существуют определенные взаимоотношения. В какой-то момент появляется потребность вступить в контакт. Предметом общения являются взаимоотношения собеседников, и они определяют характер общения. Именно в предмете реализуется потребность, в результате чего она становится мотивом деятельности. Это означает, что мотив к общению не может возникнуть, если нет взаимоотношений (предмета) или они не осознаются. Цель общения – решение задач, связанных с взаимоотношениями, т.е. изменение их.

Средства, с помощью которых достигается цель общения в устной форме – говорение и аудирование плюс паралингвистика.

Единицей общения является акт общения, в котором всегда участвуют как минимум два человека.

Продуктом общения является интерпретация информации. Существуют три способа общения: перцептивный, интерактивный и информационный, а

также два вида общения: ролевое и личностное. Таковы основные характеристики общения.

Посмотрим теперь с этой точки зрения на то, каким же должен быть процесс обучения иноязычному говорению.

1) Между преподавателем и студентом должны установиться какие-либо взаимоотношения, кроме официальных, т.е. общение должно быть не ролевое (учитель – ученик), а общение индивидуальностей, которые видят друг в друге речевого партнера.

2) Мотив общения может появиться лишь тогда, когда возникнет потребность в подлинном общении. Потребность в «учебном» общении, которое у некоторых учащихся есть, по характеру иная и не в состоянии обеспечить коммуникативной мотивации.

3) Если взаимоотношения между студентами и преподавателями как между личностями не возникает, то нет и цели, присущей общению, - изменить эти взаимоотношения.

4) Должны функционировать все способы общения: интерактивный, когда есть взаимодействие на основе какой-либо деятельности, кроме учебной; перцептивный, когда имеет место восприятие друг друга как личностей; информационный, когда студенты обмениваются своими мыслями, чувствами. Если же студент пересказывает текст просто ради пересказа (когда все знают его содержание) или проговаривает какие-то не ситуативные предложения, то общение не может состояться, а продуктом такого «говорения» является так называемая учебная речь. Нужно придать процессу обучения, не нарушая его организованности, системности и методической направленности, характерные черты процесса общения.

Говорение есть речевая деятельность, оно обладает специфическими признаками.

1) **Мотивированность.** Человек, как правило, говорит потому, что у него есть для этого мотив. В основе коммуникативной мотивации лежит потребность двух видов:

- потребность в общении как таковая, свойственная человеку как существу социальному;
- потребность в совершении данного конкретного речевого поступка, потребность «вмешаться» в данную речевую ситуацию.

Первый вид можно назвать общей коммуникативной мотивацией, второй – это ситуативная мотивация, уровень которой определяется тем, как мы обучаем, т.е. как создаем речевые ситуации, как используем материал, приемы и т.д.

2) **Активность.** Говорение – всегда процесс активный, ибо в нем проявляется отношение говорящих к окружающей действительности, но не только тогда, когда человек говорит, но и когда слушает собеседника (внутренняя активность). Именно активность обеспечивает инициативное речевое поведение собеседника, что так важно для достижения цели общения.

3) **Целенаправленность.** Любое высказывание преследует какую-нибудь цель: убедить собеседника, поддержать, разгневать и т.д. Подобные цели можно назвать коммуникативными задачами. За каждой из коммуникативных задач, возникающих в отдельных речевых ситуациях, стоит общая цель говорения как деятельности: воздействие на собеседника в смысле изменения его поведения (речевого или неречевого).

4) **Связь с деятельностью.** Говорение во многом зависит от общей деятельности человека. Во-первых, содержательный аспект говорения полностью обусловлен сферами деятельности человека. Во-вторых, потребность, скажем, убедить кого-то возникает только в случае, если ситуация, вызвавшая такую задачу, является следствием или предметом событий, к которым причастен собеседник.

1) **Связь с коммуникативной функцией мышления.** Мыслительная деятельность направлена на совершение речевого поступка, подчинена ему.

2) **Связь с личностью.** Говорение во много обусловлено компонентами личности. Личность всегда индивидуальна, и проявляется в общении. Развитие говорения должно происходить в условиях максимального подключения всех сфер сознания, всех компонентов личности, к чему и стремится коммуникативный метод.

3) **Ситуативность.** Она проявляется в соотношении речевых единиц с основными компонентами процесса общения. Так, на дальнейший ход развития общения может повлиять любая произнесенная одним собеседником речевая единица, если она в смысловом отношении «вписывается» в контекст деятельности другого собеседника. Эта речевая единица может менять коммуникативную задачу и влиять на мотивацию. Когда речевая единица неспособна «продвинуть» речевую ситуацию, она неситуативна, не вызывает реакции собеседника.

4) **Эвристичность.** Речевая деятельность не может быть полностью заучена и предсказана. Такая непредсказуемость и есть эвристичность. Ситуации общения меняются постоянно, их варианты многочисленны, и говорящий должен быть готов к деятельности в таких постоянно меняющихся условиях.

5) **Самостоятельность.**

6) **Темп.**

Как известно, заучивание во всех его видах и формах (явных и скрытых) служило и служит основой многих методов. Даже Г. Пальмер считал, что человек тем лучше говорит, чем больше он заучил наизусть. В настоящее время этим грешат представители неопрямизма за рубежом и у нас. В основе такого подхода лежит бихевиористическая теория речевого поведения, которая отстаивает мнение, будто все речевое поведение – это лишь сумма заученных реакций на определенные стимулы. Будучи примененной в обучении говорению, эта теория приводит к такому положению, когда обучающийся в лучшем случае либо репродуцирует заученные фразы в подходящих условиях,

либо варьирует их лексический состав, но до уровня умения говорить в новых ситуациях не поднимается. В этом признаются само неопрямисты.

Советская психология, в частности Л.С. Выготского, противопоставила концепции «речевого поведения» концепцию «речевой деятельности». Согласно ей при усвоении речевых единиц психика человека претерпевает не количественные (как считают бихевиористы), а качественные изменения. У человека появляется речевая способность, которая формируется (именно формируется) под влиянием речевого общения. Эта способность и есть речевое умение. Чтобы достичь речевого умения как цели, развивать его, учителю нужно знать его структуру.

Если умение соотносить с деятельностью, считать его основой, то навык можно рассматривать как основу действия, следовательно, как единицу умения.

ВЫВОДЫ

1. Таким образом, общение, которое как один из ведущих видов человеческой деятельности выполняет функции обучения, познания, развития и воспитания, призвано выполнять эти функции и в коммуникативном обучении иностранному языку. В этом случае общение служит: 1) каналом, по которому осуществляется познание, 2) средством, развивающим индивидуальность, 3) инструментом воспитания необходимых черт личности, 4) способом передачи опыта и развития умений общаться.

2. Коммуникативная система обучения строится реверсивным путем: сначала намечается конечный продукт (цель), а затем определяются задания, которые могут привести к данному результату. Такой подход обеспечивает обучению систематичность со всеми присущими ей качествами – цельностью, иерархичностью, целенаправленностью.

Процесс обучения иноязычной культуре, построенный на коммуникативной основе, расширяет возможность предмета в решении этой задачи. Коммуникативное обучение ориентированно на личность и строится таким образом, что непосредственная деятельность студенты, их опыт, мировоззрение, учебные и внеучебные интересы и склонности, их чувства не остаются за порогом вуза, а учитываются при организации общения на уроке. Обучение строится не на прохождении учебных тем, изучении готовых текстов, а на обсуждении актуальных жизненных проблем. При этом ученики получают возможность обсуждать свои собственные дела и поступки, текущие события из жизни, города, страны, обосновывать и отстаивать собственное мнение.

При коммуникативном обучении дети учатся технике общения, овладевают речевым этикетом, стратегией и тактикой диалогического и группового общения, учатся решать различные коммуникативные задачи, быть речевыми партнерами.

При коммуникативном обучении развитие мышления осуществляется не столько путем сравнения с родным языком, сколько за счет решения постоянно усложняющихся речемыслительных задач разного уровня проблемности,

отражающих содержание процесса общения. Тем самым развивается познавательная и коммуникативная функция общения.

3. Коммуникативный метод впервые выдвинул положение о том, что общению следует обучать только через общение. Однако значение общения как вида человеческой деятельности не ограничивается указанной функцией. Тем более когда основной целью обучения является овладение иностранным языком как средством формирования личности учащегося. В этом случае общение может быть использовано также в качестве канала воспитания, познания и развития.

4. По мнению философов, социологов, психологов, общение есть такой социальный процесс, в котором происходит обмен деятельностью, опытом, способом деятельности, воплощенными в материальную и духовную культуру. Общение является одним из важнейших условий формирования сознания и самосознания личности, стимулятором ее развития, условием формирования ее психических свойств. Именно общение является важнейшим условием правильного воспитания.

Таким образом, новизна обеспечивает отказ от произвольного заучивания, развивает речепроизводство, эвристичность и продуктивность речевых умений учащихся, вызывает интерес к учебной, познавательной и любой другой деятельности.

Мокрицкая Е.А. РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

(Оренбургский государственный университет)

Характерной чертой современной коммуникативной лингвистики является интерес к значению и функционированию языковых единиц в процессе речевого общения. Академическая наука, занятая изучением языка, все больше и больше обращается к реальным процессам коммуникации. В поле зрения ученых находится самое главное – те, кто пользуется языком, те, для кого язык и существует. По мнению Ю.Н.Караулова «языковая личность – вот та сквозная идея», которая «пронизывает все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка». Он считает, что нельзя и сам по себе познать язык, если не выйти за его пределы и не обратиться к его носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности.

Современные исследования направлены на изучение семантики языковых единиц и проявляют интерес к теории коммуникации. Проводится изучение не только языка и речи, но и языкового поведения человека, языковой личности и проблем ее формирования. В центре внимания оказывается комплексное изучение языковых средств, используемых в определенных коммуникативных ситуациях, с учетом национально-культурных факторов. Возможно, такое внимание можно объяснить тем, что, по мнению некоторых исследователей, «существует глубокое и постоянное взаимодействие между языком и действительностью, между «миром языка» и окружающим нас миром».

В этой связи изучение речевого этикета представляет большой интерес для лингвистических исследований, так как является одним из показателей межличностных отношений в языке. Речевой этикет является одним из важных элементов культуры, и неотъемлемой частью общей системы этикетного поведения человека в обществе. Проблематика, связанная с пониманием речевого этикета, активно разрабатывается Е.И.Беляевой, В.Е.Гольдиным, М.А.Егоровой, С.В.Неверовым, И.А.Стерниным, Н.И.Формановской и другими учеными-лингвистами.

Под речевым этикетом мы понимаем «систему устойчивых формул общения, предписываемых обществом для установления речевого контакта собеседников, поддержания общения в избранной тональности соответственно их социальным ролям и ролевым позициям относительно друг друга, взаимным отношениям в официальной и неофициальной обстановке».

В основе речевого этикета как функциональной системы языковых единиц лежит и функция общения (коммуникативная), и функция выражения мысли. Основываясь на коммуникативной функции языка, Н.И.Формановская выделяет специализированные функции речевого этикета, а именно: контактоустанавливающая, регулирующая, эмоционально-модальная и

функция ориентации на адресата. Н.И.Формановская при этом отмечает, что при рассмотрении функций речевого этикета можно разобраться в том, какое место речевой этикет занимает в общении, какую роль он играет в речевом общении и как он включается в общий контекст коммуникации общающихся.

Вся система языка развивается и видоизменяется с течением времени. Что-то утрачивается, а что-то, напротив, приобретает в процессе постоянной языковой эволюции. От пользователей языка требуется умение ориентироваться в богатстве языка, в его неуловимых, но так необходимых для точного выражения мыслей и чувств, оттенках значений. Требуется умение ориентироваться в нормативных вариантах употребления, выработанного языком в процессе его многовекового развития. Носители языка легко выделяют единицы речевого этикета и ощущают необходимость их употребления, так как социально-определенные ситуации требуют функционально-определенных знаков.

Речевая ситуация, в которой бытует речевой этикет – это ситуация непосредственного общения коммуникантов, ограничиваемая прагматическими координатами я – ты – здесь – сейчас, которые организуют ядро поля языковых единиц речевого этикета. В связи с этим в поле зрения многих исследователей попадают так называемые устойчивые формулы речевого общения в различных ситуациях, таких как: прощание, приветствие, извинение, обращение просьбы и другие.

В речевом взаимодействии устойчивые формулы речевого общения предназначены для оказания воздействия на собеседника, которое связано со стремлением говорящего продемонстрировать свое доброжелательное отношение к слушающему, уважение к его личности, и тем самым поддержать межличностное общение. Данные устойчивые формулы речевого общения названы единицами речевого этикета (ЕРЭ) – это «ситуативно обусловленные, коммуникативно-направленные, тематически сопряженные, взаимосвязанные и взаимозависимые в рамках диалогических единств устойчивые формулы общения». При этом собеседники выбирают адекватную форму выражения своего коммуникативного намерения в зависимости от параметров ситуации общения, учитывая правила вежливого речевого общения, иными словами – правила речевого этикета. В настоящем исследовании ЕРЭ рассматриваются как обладающие социальной информативностью, так как они являются своеобразными символами общественно-исторического опыта человека. Кроме этого, языковое воплощение ЕРЭ позволяет в большинстве случаев определить социальные роли и статус коммуникантов. В этой связи может быть применена модель коммуникации Р.Якобсона. Эта модель выделяет такие параметры, как отправитель, получатель, форма общения, код, обстановка (ситуация общения), т.е. речевая ситуация во всех ее измерениях. Включение ‘пользователей’ в поле зрения научной лингвистики обусловило внимание к этому явлению, а это, в свою очередь, привело к значительным изменениям в речевом общении, что и рассматривает лингвистическая прагматика – наука, изучающая

функционирование языковых знаков в речи говорящего субъекта, адресата, их взаимодействие в коммуникации и различные ситуации общения.

Несмотря на тот факт, что прагматика как раздел теории знака существует давно, прагматический подход к описанию языковых явлений появился лишь в 60-е годы двадцатого столетия – и в настоящее время находится в состоянии пересмотра исходных основ и перспектив исследования.

Существует мнение, что любое речевое поведение является диалогичным, и существование монолога в чистом виде невозможно. Диалогизм подчеркивает социальный характер языка. Язык индивида и социален, и индивидуален. Освоение языка является активным творческим процессом, который характеризуется ситуативностью и перспективой индивида, при котором происходит социально-конструированная интерпретация реальности говорящим с чужими словами, и он (говорящий) участвует в диалоге со своей личной точки зрения.

Диалогические отношения лежат в основе построения любой речи и предполагают реакцию адресата в форме вербального или невербального поведения. Даже в тех случаях, когда человек ведет немой внутренний разговор, у него есть собеседник. Этот собеседник – сам размышляющий человек, точнее, тот образ самого себя, который в данный момент наиболее уместен в данной речевой и деятельностной ситуации.

Москальчук Г.Г. СОПОСТАВЛЕНИЕ ВЫБОРОК ПО ВЕРОЯТНОСТНЫМ ПОКАЗАТЕЛЯМ ДИНАМИКИ ФОРМЫ ТЕКСТА

(Оренбургский государственный университет)

Интерпретация текста должна опираться на прочную фактическую базу, под которой мы подразумеваем не только фонд словарно-справочной литературы, но и объективные сведения о закономерностях организации текста. Аберрация близости единичного объекта является одной из типичных причин сомнений в объективности его интерпретации. Текст и идиостиль должны рассматривать в сопоставлении с общеязыковыми тенденциями организации и самоорганизации текста, выявляющимися на фоне позиционного инварианта структуры целого.

Инвариант структуры текста с набором пропорционально детерминированных размером целого сильных и слабых позиций служит основой для корректного сопоставления текстов (выборок) между собой. Совмещая функционально однородные композиционные точки и зоны, примыкающие к ним, можно позиционно синхронизировать интегративные процессы, протекающие в тексте, и описывать таким способом эволюцию динамики формы от начала текста к его концу. Важно при этом разграничивать два класса понятий: позиции являются некоторыми идеализированными точками, притягивающими или отталкивающими различные плотности распределения языковых фактов, а композиционные зоны являются некоторыми пространствами (интервалами), в которых проявляются функционально однотипные процессы и сосредоточены языковые факты, ответственные за обеспечение интегративных функций в структуре текста.

Оценка динамики формы текста в каждой выборке проводилась в терминах основных тенденций деформации инвариантной структуры текста: стабильность, центростремительность, начало- и концестремительность, указывающих направленность эволюции процесса формообразования, развертывающегося от абсолютного начала текста к его абсолютному концу [1, с. 192-215].

Процедура анализа включает ряд последовательных операций. Прежде всего устанавливается формула каждого текста выборки. Формула текста отражает характер ориентации границ предложения относительно принятой системы 5 пропорционально фиксированных позиционных срезов: зачин – ГЦн – левая граница зоны ГЦ (- 0, 236) – ГЦ – правая граница зоны ГЦ (+ 0,236) (методику анализа см.: [1, с. 106-110]). Границы срезов отражают пространственную разнокачественность случайных отклонений от идеальной структуры текста. Симметричные границы возможны при равенстве отрезков предложения справа и слева, а также при совпадении границ среза и предложения (символ «0»). Асимметричные границы бывают двух типов: если слева от позиционного среза отрезок предложения меньше, чем справа, то

граница крутая (в формуле текста обозначается символом «2»), если наоборот, то пологая (символ «1»).

Динамические тенденции самоорганизации формы текста в идиостиле (выборке) выявлялись путем вероятностной оценки вклада в динамику формы каждой из основных тенденций: стабильной, началостремительной, центростремительной и концостремительной. Направленность деформации структуры можно отследить только между двумя точками (позициями), поэтому для более точной оценки направленности деформации структуры, проявляющейся спонтанно, применялось попарное сопоставление качества границ в позиционных срезах. Привлекались 3 показателя оценки динамики формы: 1) по точечным аттракторам (ГЦн и ГЦ, что соответствует 2 и 4 цифрам в формуле текста); 2) по сочетанию абсолютно слабых позиций (3 и 5 цифры в формуле); 3) по сочетанию границ зачина и ГЦ (1 и 4 цифры в формуле). Позиция ГЦ учитывается в анализе дважды, потому что оптимизирующий режим организации структуры служит базой формы:

Зачин	ГЦн	ГЦ	ГЦ	}	позиции максимумов в инварианте
		- 0,236	+ 0,236	}	позиции минимумов в инварианте

Механизм симметричного перекрывания связей, действующий в природных объектах, в том числе и в тексте, является объективной основой сопоставления [1, с. 120-121]. Оценка по экстремальным точкам (ГЦн и ГЦ), указывающим на максимальную вероятность активизации темы текста через элементы симметрии (повторы), дополняется оценкой по точкам с минимальными плотностями элементов симметрии в тексте (позиции $\pm 0,236$). Абсолютно слабые позиции текста ответственны за выравнивание постепенно накапливающихся вследствие случайных флуктуаций погрешностей позиционной деформации текста по инварианту структуры текста, за точность ориентации предложения по границам композиционных зон текста, осуществляющуюся не осознаваемо по законам золотого сечения.

Соотношения основных позиций структуры текста, фиксируемых его формулой, повторяются на уровне моделей. По соотношениям границ позиционных срезов можно предсказывать некоторые динамические тенденции организации формы, выталкивающие доминантные смыслы текста в разнообразных интервалах текста (креативный аттрактор). Динамические тенденции отражают направленность этих процессов на пути к гармонизации формы текста. Форма текста является результатом сложных внутритекстовых взаимодействий и отражает единственно возможное (при данных условиях) устойчивое состояние целого. Комплекс критериев оценки увеличивает точность и достоверность результата.

Оценка соотношения *Зачин* – *ГЦ* учитывает качество переломной границы между зачином и телом текста для дальнейших судеб формы, а также соотношение зачина с экстремальной абсолютно сильной позицией текста,

которая перекрывается в комплексной оценке выборки дважды, что повышает надежность результата. ГЦ - стремительность является оптимизирующим режимом формообразования, поскольку в инварианте организует целое и является композиционной осью формы.

Кроме того, центростремительность динамики целого также является базовой характеристикой структуры текста, сохраняющей преимущество в наиболее употребительных моделях текста. Так, модели 38 частотного ранга обладают аномально сниженной долей центростремительности (0,074) и предельно высокой долей стабильности динамики формы (0,333), что резко снижает информативность моделей, не отмеченных в выборке из 2 тысяч текстов [1, с. 123].

Для сопоставления характера динамики формы текста в разных идиостилях (выборках) необходимо *перевести все количественные показатели в вероятностные*. Затем вероятности суммируются для каждой из трех подвыборок: оценка по сочетаемости границ точечных аттракторов, по сочетаемости абсолютно слабых позиций, по сочетаемости зачина и ГЦ, и делятся на 3, чтобы получить *средние коэффициенты по каждому показателю*. В результате выявляется средняя величина вклада 4 ведущих тенденций динамики в форму целого (Табл. 1).

Если сравнивать пропорциональную долю каждой из основных динамических тенденций формообразования, то можно оценивать различия и/или сходства отдельных выборок. Оценка скрытой тенденции самоорганизации структуры текста в различных выборках может быть полезна, например, для диахронической оценки эволюции какого-либо языкового факта, вписанного в текст. Идиостиль также может рассматриваться на фоне общерусской тенденции формообразования текста. Если учитывать характер вероятностного изменения динамических показателей по каждому идиостилю (выборке), и сопоставить его со средними вероятностями появления той или иной тенденции формообразования, то можно сформулировать *инвариантные динамические характеристики формы* для каждого *идиостиля* (выборки).

Представим оценку динамических характеристик формы цикла А.С. Пушкина *Подражания Корану* на фоне поэтического творчества А.С. Пушкина (123 текста), стандарта динамики поэтического текста в поэзии 19 и 20 веков (учтены более 800 текстов), а также средних значений баланса динамических факторов, присущих общерусскому тексту (на материале 2 тысяч текстов).

Цикл А.С. Пушкина *Подражания Корану* состоит из 9 текстов, представленных следующими моделями: 1. /21212/, 2. /12210/, 3. /21121/, 4 и 5. /11222/, 6 /11122/, 7. /01011/, 8 /11121/, 9. /12212/. Если рассматривать цикл как единый текст, то в нем реализована модель /21012/, обладающая определенным набором динамических характеристик. Так, сочетание точечных аттракторов (1 – 1) указывает на оптимально - началостремительную направленность динамики цикла, что соответствует тенденции к преобладанию началостремительности формы над концестремительностью, характерную для русской поэзии 19 века. Для сравнения укажем, что в поэзии 2 пол. 20 в. преобладает концестремительность формы, а поэзия 1 пол. 20 века сближается

с общерусскими динамическими тенденциями в организации формы текста и более стабилизирована по структуре текста (Табл. 1) [2].

Таблица 1. Динамические характеристики формы текста в цикле А.С. Пушкина *Подражания Корану* на фоне основных тенденций формообразования русского текста

Выборка / Динамика	Стабильн.	Нач/стр.	Центр/стр.	Конц/стр.
«Подражания Корану»	0	0,296	0,778	0,222
А.С. Пушкин (поэзия)	0,003	0,233	0,458	0,279
Средний поэтический текст	0,084	0,261	0,456	0,329
Средний общерусский текст	0,022	0,281	0,39	0,262

Сочетаемость *абсолютно слабых позиций текста* (0 – 2) реализует концестремительность цикла. Концестремительная составляющая динамики цикла поддерживает периодичность режима структурной организации целого, проявляющуюся в четкости делимитации композиционных зон текста, причем граница зоны начала в цикле более точна и определена, а зона конца текста решена как крутая граница, с внезапным введением новой информации в 9 стихотворении цикла: <...> «И он √ отвечает: уж солнце высоко / На утреннем небе сияло вчера; / С утра я глубоко проспал до утра». <...>

Сочетание позиций *Зачин – ГЦ* (2 – 1) обеспечивает активную центростремительность цикла, проявляющуюся в качестве доминирующей динамической тенденции его формообразования. Несовпадение и даже структурное противоречие цикла как целого и его отдельных частей особенно зримо проявляется в характере зачинов. Большинство текстов цикла обладают пологими границами в зачине (пологих границ – 6, крутых – 2, симметричная – 1), а весь цикл как единый текст имеет крутую границу в зачине. Целое и части не совпадают по характеру протекания процессов организации и самоорганизации языковой материи.

Все основные динамические тенденции формообразования кроме отсутствующей в цикле стабильной составляющей, представлены с несколько более высокими вероятностями, чем в прозе и поэзии А.С. Пушкина. Коэффициент симметричности моделей текста, реализованных в цикле, составляет 20 %, что значительно превышает показатели для идиостиля А.С. Пушкина (проза – 11,63%, поэзия – 13,21%, среднее значение для русской поэзии – 15,08%), ближайший аналог подобной структурной самоорганизации – фольклор и устная речь, где среднее значение составляет 22,75%, былички – 20,5%. Цикл же характеризуется отсутствием стабильной составляющей динамики формы, а поэтический идиостиль А.С. Пушкина сближен с общезыковой русской тенденцией, которая значительно ниже общепоэтической. По уровню начолостремительности все сравниваемые выборки достаточно сходны (см.: Табл. 1 и рис. 1.) и различия эти весьма невелики.

По степени развертывания центростремительной тенденции формообразования различия весьма выразительны: цикл резко отличается от всех параметров сравнения, причем, наблюдается сближение данной тенденции

в идиостиле А.С. Пушкина и средней нормы поэтического текста, которые, в свою очередь, превышают среднестатистический показатель для общерусского текста. Концестремительная же тенденция в цикле по сравнению с другими выборками минимальна.

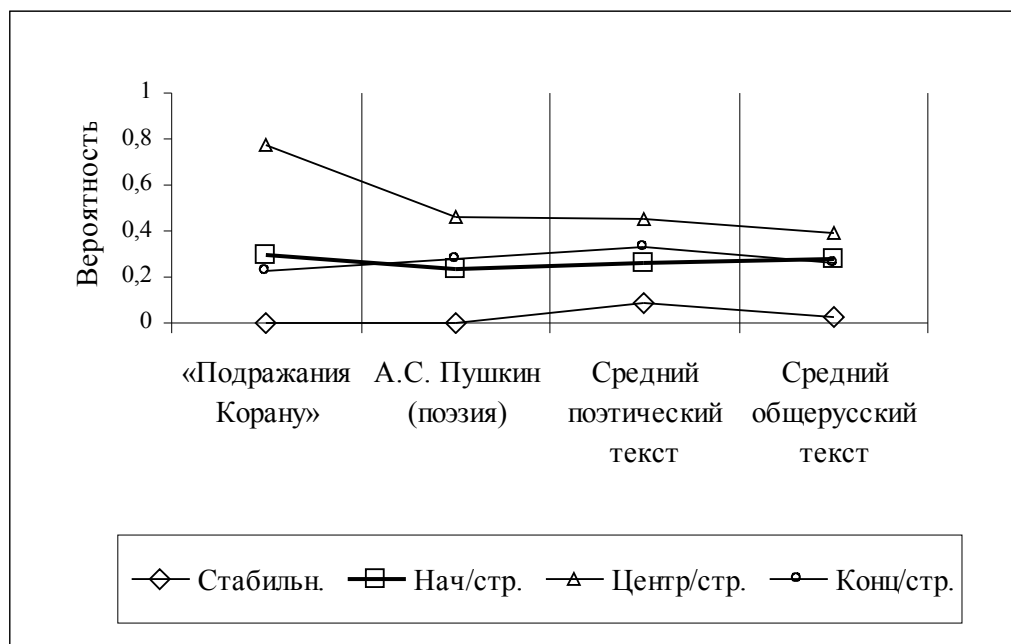

Рис. 1. Динамика формы текста в исследованных выборках

Данные позволяют сделать вывод о своеобразии динамической организации формы текста в цикле А.С. Пушкина *Подражания Корану*. Цикл обладает ярко выраженной ориентацией формы текста на устно-фольклорные образцы, в нем преобладают тексты с яркой центростремительностью динамики формообразования [3]. Таким образом, применение вероятностно-статистической оценки доли основных динамических составляющих формы текста и сравнительная оценка их вероятного вклада в форму является способом обнаружения и описания скрытых динамических процессов формообразования текста и позволяет осуществлять анализ составных текстов и выборок (цикл, идиостиль, язык поэзии и прозы, общенациональная тенденция в синхронии и диахронии и т.п.) по единым параметрам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Москальчук Г.Г. Структурная организация и самоорганизация текста. Барнаул, 1998. 240 с.
2. Москальчук Г.Г., Суворова П.Е. Эволюция динамики формы текста в поэтических идиостилях 19 – 20 вв. // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Барнаул, 1999. С. 56-65.
3. Москальчук Г.Г. Объемная симметрия текста: «Подражания Корану» А.С. Пушкина // Русский национальный язык и его функционирование на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока в конце XX века Иркутск, 1999. С. 121-126.

Мясникова Т.И. ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКА

(Оренбургский государственный университет)

Идея связи культуры и языка была впервые эксплицитно выражена в XVII в. как результат активного интереса европейцев к «чужим» народам, их культурам и языкам, но целенаправленная разработка этой проблематики началась с конца XIX в.

Во второй половине XX в. на пересечении текстологии, лингвистики текста, поэтики, риторики, прагматики и семиотики возникла общая теория текста—дисциплина, обладающая собственным онтологическим статусом. Теория текста охватывает любые знаковые последовательности, но ее основным объектом является вербальный текст. Как утверждает В. Г. Адмони, текст, хотя и строится на речевом материале, анализ «этой в высшей степени многообразной, исторически и функционально изменчивой единицы коммуникативно-когнитивной практики нельзя производить чисто языковедческими средствами».¹ Здесь нужны особые методики, выходящие за рамки лингвистики, а, следовательно, привлечение материала и инструментария социологии, истории, психологии и культурологии.

В основе отечественной традиции интерпретации языковых явлений для перевода на иностранные языки и обучения иностранным языкам лежат два положения:

Во-первых язык —это нечто, непрерывно создаваемое народом, он прочно связан с действительностью, в которой живет народ, т. е. с его настоящим. Вместе с тем язык — это коллективная память о прошлом, в нем отражается своеобразие национальной культуры и характера или, как говорили германисты, «дух народа».

Во-вторых невозможно понять текст вне системы ценностей и оценок, ведь он имеет смысл лишь как «определенная позиция по отношению к различным ценностям *добро — зло, истина — ложь, прекрасное — безобразное, полезное — вредное* и т. п. Смысл текста

организован этими категориями, они задают координаты, по которым построен он сам и по которым он соотносится с другими текстами, вступает с ними в диалогические отношения».²

Во всем существенном и главном языковая картина мира в разных языках совпадает с логическим отображением действительности. Поэтому при прочих равных условиях отображение мира говорящими на разных языках в принципе одно и то же. Однако совпадение мысленного отображения объективной реальности у носителей разных языков не покрывает собой лингвистической картины мира.

В основе большинства европейских литературных языков лежит более или менее сходная система понятий. Тем не менее «громадное большинство

слов-понятий любого языка не соизмеримо со словами-понятиями другого языка».³

Своеобразие лексики каждого языка ярко выявляется благодаря наличию в значениях слов коннотаций (эмоциональных, оценочных, стилистических) из сферы национальной культуры, т.е. так называемых национально-культурных компонентов значения.

Коннотации в значительной мере могут нести субъективный характер, но они обладают и социальной значимостью. Коннотация, как правило, не имеет эксплицитного выражения. Это семантическая модификация значения, включающая в себя совокупность семантических наслоений, чувств, представлений о знаке, лексическом понятии или о некоторых свойствах и качествах объектов, для обозначения которых употребляется данное слово-значение.

В последние годы интенсивнее, чем прежде, развиваются культурные связи между народами, что дает возможность узнать «чужое» (искусство, быт, мировоззрение), принять или не принять его и через призму чужого переосмыслить собственное в культуре и языке.

Необходимым условием успешного диалога между носителями одного языка, а, тем более, носителями разных языков, является обоюдное знание коммуникантами реалий, сопряженных с глобальной темой коммуникации. Эти знания, присутствующие в сознании коммуникантов, принято называть фоновыми (ср. англ. background knowledge).

В широком понимании фоновыми, или пресуппозиционными, знаниями являются все знания, которыми располагают коммуниканты к моменту общения. По конкретному содержанию информации их можно подразделить на следующие группы:

- 1) общечеловеческие знания — представления о простейших понятиях;
- 2) региональные сведения — этногеографические сведения о реалиях данной местности;
- 3) сведения, специфичные для членов определенной этнической и языковой общности — нации;
- 4) сведения локальных социально или профессионально замкнутых групп;
- 5) сведения микроколлективов — семьи, трудового коллектива и пр.⁴

Фоновые знания — это тот фактор, который влияет на выбор языковых средств, адекватных в данной коммуникации, на определение коммуникативной стратегии в ориентации на принятые узуальные поведенческие стереотипы; несовпадение же фоновых знаний является причиной коммуникативного провала, т.е. сбоя в коммуникации в виде непонимания, недоразумения, конфликта. Лингвострановедение ограничивает свой объект фоновыми знаниями о релевантных элементах культурно-исторического, этногео-графического и социально-политического фонда, иначе говоря, в практическом плане предполагает обязательное сочетание процесса изучения языка (родного или иностранного) с освоением фактической информации. Таким образом, язык выступает не как объект собственно

лингвистический, а как культурно-социальный феномен в совокупности формальной и содержательной стороны.

Страноведческие фоновые знания включают системы мировоззренческих взглядов данного общества, этических оценок, эстетических вкусов, норм поведения (речевого и неречевого) и те общие знания, которыми обладает большинство членов данного общества. К страноведческим знаниям относят не все знания о данной стране, а только такие, которые актуальны в обыденном массовом сознании среднего носителя языка и, как правило, неизвестны иностранцу.

Страноведческие фоновые знания составляют часть так называемой массовой культуры, т.е. сведения, известные всем членам национальной общности. Они разделяются на актуальные фоновые знания и фоновые знания культурного наследия.⁵ Показатель актуальности какого-то элемента культуры — это его использование разными авторами в публицистике и художественной литературе без дополнительного комментария. Фоновые знания составляют основу аналогий, иносказаний, подтекстовых импликаций, пародий, намеков, параллелей, локального колорита и исторической привязки текста, а также проявляется в системе привычных или даже банальных ассоциаций и реакций на речевые элементы, которые необходимо изживать в родном и культивировать в иностранном языке.

Передаваемая информация практически не может быть равной получаемой, так как она преломляется, накладываясь на культурный, социальный и индивидуальный фоны автора речи и реципиента. Расхождение будет наибольшим, если коммуниканты относятся к разным культурам.

При изучении иностранного языка человек осмысливает комплекс компонентов значения нового слова на базе знакомых ему родных реалий и понятийных систем. Естественно, что этот комплекс не обязательно будет полностью соответствовать комплексу смыслов в представлении среднего носителя данного иностранного языка.

Вот лишь один пример различий функционирования и объема значений словарных эквивалентов «уютный» и *gemütlich* в русском и немецком языках: *Jedes Land hat ein Paar Spezialworte, die sich nicht übersetzen lassen. Das Wort «gemütlich», zum Beispiel gibt es auch nur bei uns (Papa — Charly hat gesagt... Gespräche zwischen Vater und söhn // Rowohlt Taschenbuch Verlag GmbH. Reinbeck bei Hamburg, 1985. Bd5. S. 113).*

При сравнении толкований значений слов *gemütlich* и «уютный» в толковых словарях немецкого и русского языков очевидным становится расхождение в коммуникативных контекстах употребления данных лексем, лишь в части употреблений их можно считать переводными эквивалентами: *gemütlich* — уютный, обладающий уютом, удобный и приятный (*ein gemütliches Zimmer* — уютная комната). Однако в другом выделенном в немецком языке значении слово *gemütlich* специфически отличается от привычного значения и употребления в русском узусе. Так, *gemütlich* как неофициальный, непринужденный, веселый (*gemütliches Beisammensein*) имеет синонимы *angenehm, behaglich, traulich, traut*. Также непереводаемы русским «уютный»

такие случаи употребления, как *Ein gemütlicher Beamter saß am Schalter; Ganz gemütlich Spazierengehen; Nur immer gemütlich!*⁶

Отличие слов разных языков, предлагаемых словарями как переводные эквиваленты, заключается в различии места данных слов в системе других слов данного языка, в стихийно сложившейся системе коннотаций слова, в системе привычных ассоциаций и контекстов словоупотребления.

Значение культурной коннотации приобретает исключительную практическую важность в таких видах деятельности, как перевод и преподавание иностранных языков. Ни лексикографическая деятельность, ни переводческая, ни изучение иностранного языка невозможны без лингвострановедческих знаний, и в фокусе дисциплины «лингвострановедение» оказывается, в первую очередь, национально-культурная семантика языка, т.е. языковые явления, не имеющие строго системного характера и в той или иной мере восходящие к фактам, особенностям экономики, географии, общественного устройства, фольклора, литературы, всех видов искусства, науки, к подробностям быта и обычаям народа-носителя соответствующего языка.⁷

Примечания

¹ Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л., 1988. С. 214.

² Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 371.

³ Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 299.

⁴ Томахин Г. Д. Фоновые знания как основной предмет лингвострановедения // Иностранные языки в школе. 1980. № 4. С. 84.

⁵ Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура // Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1976. С. 227.

⁶ Ср. словарные статьи в толковых словарях: *DudenBedeutungswörterbuch // Der große Duden: In 10 Bänden. Mannheim; Zürich, 1985. Bd 10. S.290; Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1964. С. 833.*

⁷ Сотникова А. Л. Традиционные принципы и актуальная проблематика лингвострановедения // Немечкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. СПб., 2001. С. 166.

Петросян Е. А. ГИПЕРБОЛА В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

(Оренбургский государственный университет)

Известно, что уже на протяжении нескольких десятилетий текст является объектом многочисленных лингвистических исследований. Интерес лингвистов к данной языковой единице объясняется тем значением, которое она имеет для процесса коммуникации, а именно: несмотря на многочисленность языковых единиц, выделяемых на разных уровнях языка, именно текст рассматривается как основная единица коммуникации. В последнее время чаще всего текст исследуется в коммуникативно-функциональном, или прагматическом аспекте, одним из основных положений которого является тезис о том, что «тексты представляют собой комплексные речевые действия для достижения определенных целей коммуникации». В связи с этим вполне закономерным представляется интерес исследователей к рекламному тексту: С. П. Козлова, изучавшая прагматический аспект языка рекламы в немецкой прессе, отмечает, что именно тексты рекламы могут быть примером «прагматически интенсивного применения языка» [4; 3].

Переходя к рассмотрению вопроса об особенностях рекламного текста, отметим, что ряд этих особенностей обусловлен экстралингвистическими факторами: оплата за площадь, занимаемую рекламным текстом, конкуренция другой информации, прагматическая направленность рекламного текста. Общая перенасыщенность информационной сферы, высокая стоимость рекламы и фактор времени, которым располагает потребитель, определяет языковую специфику текста. Рекламный текст представляет собой пример максимально эффективного использования языковых средств. Прагматический аспект рекламного текста непосредственно проявляется в его своеобразной организации (выбор грамматических и лексических единиц, стилистических приемов, особый синтаксис, организация печатного материала, использование элементов различных знаковых систем). В основе создания рекламного текста лежат две тенденции: сжатость, лаконичность выражения и выразительность, емкость информации. Важно сохранить первоначальную свежесть информации, донести ее взрывной потенциал, сосредоточив текст в нескольких легко усваиваемых и простых для запоминания словах. Текст рекламы относится к тем видам текстов, которые призваны оказать по возможности более прямое и непосредственное воздействие на аудиторию.

Основная задача рекламодателя – вызвать определенные изменения в поведении потенциального партнера по коммуникации. Поэтому среди основных функций рекламы в первую очередь выделяют:

1. Воздействующую функцию, которую можно определить как совокупность эмотивной (вызывает определенную эмоциональную реакцию, мотивирует), эстетической (воздействие рекламы как произведения искусства) и убеждающей функций.

2. Информировующую функцию (референтивную/денотативную), которая заключается в сообщении необходимых данных об объекте рекламы. Первоначально воздействующая функция рассматривалась исследователями наравне с функцией информирования потребителя. Однако в последнее время основной задачей рекламистов стало, по мнению ученых, не просто проинформировать потребителя о существовании тех или иных товаров и услуг, а убедить его в преимуществах того или иного рекламируемого объекта: «Основная цель коммуникативных стратегий в рекламном дискурсе состоит в том, чтобы выделить объект среди конкурирующих объектов и акцентировать (или даже искусственно сконструировать) его привлекательные для адресата сообщения свойства (реальные и/или символические)» [7; 544].

Большинство видов рекламы так или иначе связаны с языком, поскольку они включают в себя текстовые сообщения различного объема, а в некоторых ее видах (например, в радиорекламе) текст является единственным средством передачи рекламного сообщения.

Создавая рекламный текст, способный убедить потребителя сделать выбор в пользу рекламируемого объекта, рекламист вынужден учитывать множество неблагоприятных факторов. Ю. К. Пирогова называет среди прочих невнимательное отношение к рекламе, предубеждение и недоверие адресата, а также воздействие на адресата конкурирующих рекламных сообщений [7; 545]. Поэтому для создателя рекламных текстов очень важно выбрать оптимальные средства и способы воздействия на адресата, способные преодолеть трудности. Воздействие на адресата может успешно осуществляться вербальными средствами, в том числе – и путем применения специальных стилистических средств. На высокую частотность использования стилистических приемов, тропов и фигур в рекламном тексте указывают И. А. Магеррамов, С. П. Козлова [6; 60, 4; 14]. Стилистические фигуры – это те вербальные средства, которые в силу своей функциональной специфики могут быть успешно использованы для достижения целей рекламного текста. Количество стилистических приемов и фигур настолько велико, они столь разнообразны, что в лингвистике до сих пор продолжается дискуссия относительно их определения и классификации. Однако мы ограничимся исследованием проблемы функционирования одной конкретной стилистической фигуры – гиперболы – в рекламном тексте. Интерес к гиперболе обусловлен тем, что это одно из языковых явлений, наиболее распространенных в рекламном дискурсе, успешно функционирующее в нем наряду с метафорой, сравнением, а также приемами создания эффекта неоднозначности текста. Хотя Ю. А. Скребнев и характеризует гиперболу (как и другие фигуры количества) как наиболее примитивный способ переименования, формальная основа которого – «элементарная неточность, несоразмерность масштабов предмета и его языковой оценки» [9; 122], представляется, что в силу многообразия форм проявления гиперболического в языке, семантической специфики гиперболы, а также в связи с высокой

частотностью использования гиперболы в рекламном тексте эта стилистическая фигура, тем не менее, заслуживает некоторого внимания. Под гиперболой понимают «стилистический прием выражения преднамеренного увеличения свойств предмета или явления, нередко в такой степени, в которой они реально ими не обладают...» [1; 289]. Е.В. Поликарпова, исследовавшая узуальные гиперболы в современном немецком языке, характеризует гиперболу как «общий универсальный тип видения мира» [8; 3]. Частотность употребления гиперболы в рекламном тексте обусловлена тем, что, как и прочие стилистические фигуры, гипербола способна выполнять воздействующую функцию. Очень метко охарактеризовал эту особенность гиперболы замечательный английский писатель Б. Шоу: «Чтобы ошеломить людей, и заставить их обратить внимание на явление, и вынудить их предпринять какие-либо меры в отношении этого явления, нужно всегда потрясающе утрировать последнее...» [B. Shaw, «Everybody's Political What's What», L., 1944, p. 49, цит. по 6; 9-10].

Многоплановость гиперболы как языкового явления позволяет рассматривать ее с различных точек зрения. Так, многие лингвисты противопоставляют окказиональным (оригинальным) гиперболам узуальные, которые порождены коллективными смысловыми ассоциациями и используются в готовом виде. Узуальная гипербола довольно часто встречается в рекламных текстах, причем во многих случаях она создается с помощью усилительных префиксов и полупрефиксов *ultra-*, *super-*, *Wunder-*, *Traum-* и т.п.:

7 Tage Skierlebnis am Arlberg zum Traumtarif;

Fluide Multi-Confort ist eine ultrafeine, nicht fettende Pflegeemulsion für jedeHaut;

In China ist Kombucha schon seit der Tsin-Dynastie (221 v. Chr.) bekannt. Dort hat ihn seine einzigartige Wirkung nahezu in den Rang eines magischen Wundergetränks erhoben.

В качестве узуальных гипербол могут выступать как отдельные слова (часто – субстантивные композиты с метафорически переосмысленным первым или вторым компонентом, адъективные композиты, представляющие собой свернутые сравнения), так и устойчивые словосочетания – так называемые гиперболические фразеологизмы:

Hier ist das Land, wo die Vulkanausbrüche heute Eruptionen von blühenden Hortensien und Asalien sind, die die Inseln mit einem Blütenmeer überziehen;

Der Lancia Y stellt die Dinge auf den Kopf;

Die ursprüngliche Lebensfreude der Griechen, die idyllischen Dörfer und die goldfarbenen Strände am kristallklaren Meer – all das wird jede Familie begeistern.

Е. В. Поликарпова подчеркивает необходимость разделения гипербол-преувеличений и гипербол-преуменьшений. Последние представляют собой семантический антипод гипербол-преувеличений, их сущность заключается в минимизации признака: малое представляется ничтожно малым [8; 4]. Заметим, что в рекламном тексте нарочитое преуменьшение признака также должно служить целям подчеркивания положительных свойств рекламируемого объекта, поэтому такие гиперболы зачастую выражают временное значение,

подчеркивая, например, быстроту выполнения каких-либо операций или достижения определенного результата:

Etwas Heisses in Sekunden zubereitet;

Lässt die der Magen keine Ruh`, nimm Bullrich Salz, das hilft im Nu.

Особого внимания заслуживает вопрос о гиперболических потенциях различных частей речи. Исследование рекламных текстов показало, что чаще всего для реализации гиперболической меры используются имена прилагательные, что объясняется, по всей вероятности, спецификой их обобщенно-категориального значения: поскольку все прилагательные обозначают признак, естественно, что в их семантической структуре могут присутствовать семы, указывающие на количество, и в частности – высокую степень интенсивности признака, поэтому именно эта часть речи используется для выражения гиперболической меры чаще других. Здесь уже приводились примеры сложных прилагательных, представляющих собой свернутое сравнение и своей семантикой указывающих на высокую степень признака. Помимо этого, в рекламных текстах нередко используются имена прилагательные, обозначающие некие абсолютные категории (качества, состояния), такие как *perfekt, vollkommen, absolut, unvergleichbar* (и прочие Un-Wörter в терминологии Е. В. Поликарповой):

Ein neues Kapitel der unendlichen Erfolgsgeschichte. Mitsubishi. Unaussprechlich gut;

„Clean@Clear“ reinigt einfach perfekt;

Sankt Martin ist die ideale natürliche Erfrischung und für unsere Gesundheit so wichtig.

Гиперболический характер подобных выражений обусловлен тем, что называемые данными прилагательными качества/состояния (совершенство, идеальность, бесконечность и т. п.) принято считать абсолютными, недостижимыми, поэтому наделять ими рекламируемые объекты – явное преувеличение. По этой же причине гиперболическими считают такие рекламные утверждения, в которых использованы и некоторые наречия (такие как *immer, nie, überall*), местоимения (*alle, jeder, keiner*). Например:

Noch nie war Excellence Crème so gut;

Keiner schützt besser vor Sonnenbrand und Langzeitschäden, keiner macht die Sonne sicherer;

Und in seinem praktischen Halter mit Saugnäpfen für die Duschwand ist er immer und überall sofort zur Hand.

В качестве гипербол следует рассматривать также, по мнению некоторых исследователей, такие прилагательные, которые обладают ярко выраженной положительной семантикой, например, *erstklassig, hervorragend, märchenhaft* и т. п. :

Ausgesuchte natürliche Inhaltsstoffe machen diese Pflege-Serie so wertvoll;

Und die rundum komplette Ausstattung schenkt traumhaften Fahrkomfort;

Е. В. Поликарпова указывает на то, что имена прилагательные могут реализовывать гиперболические потенции, используя не только свои семантические, но и грамматические свойства, то есть способность

образовывать сравнительную и превосходную степень: «Гиперболическое действие суперлативных характеристик заключается в чрезмерно положительной или отрицательной оценке ...» [8; 11]. Как известно, превосходная степень имен прилагательных может выражать как просто очень высокую степень качества, так и высшую степень качества, характерную для данного предмета в сравнении с другими подобными предметами. В рекламных текстах превосходная степень используется в обеих названных функциях:

Handarbeit und Naturmaterialien garantieren höchste Qualität. Die haltgebende Fersenpartie und die gute Passform sorgen für besten Sitz;

Urlaubsträume hat jeder, terramar Gäste erleben sie: in ausgewählten 4- und 5-Sterne-Hotels mit individuellem Service, an den schönsten Stränden der Welt.

В обоих примерах употребление превосходной степени можно расценивать как проявление гиперболизации, преувеличения качеств рекламируемых объектов, поскольку нет возможности точно установить достоверность этих характеристик. Здесь (как и в каждом случае использования гиперболы) проявляется свойство рекламы, на которое указывает М. Г. Дудина: «Реклама обращается к нам, как человек, уверенный в том, о чем он говорит, он все уже давно себе доказал и ничто его не убедит» [2; 25].

Известно, что гиперболы могут быть созданы с помощью числительных. «Употребление числительных для реализации гиперболического смысла является естественным, так как сема количества является для них основной» [8; 13]. Э. Г. Ризель и Е. И. Шендельс называют такие гиперболы *Zahlenhyperbeln* [11; 236]:

Mexika. Ein Land, tausend Welten

Не менее любимым рекламистами является числительное «один» (как вариант – порядковое числительное «первый»), как правило, в конструкции «№1 in der Welt». Однако в подобных случаях механизм создания гиперболического эффекта отличается от предыдущего примера, поскольку здесь мы имеем дело не с преувеличением каких-либо количественных характеристик рекламируемого объекта, а с утверждением его превосходства над всеми остальными объектами того же рода. Ср.:

Kaldewei. Europas Nr. 1 in Badewannen.

Гиперболический эффект достигается здесь таким же образом, как и при использовании превосходной степени прилагательного, так как утверждения «X ist №1» и «X ist der Beste» по сути своей равнозначны.

В заключение следует остановиться на еще одной особенности гиперболы, о которой упоминают многие исследователи. Это ее способность взаимодействовать с другими стилистическими приемами. Ю. М. Скребнев называет такие явления гибридными тропеическими образованиями [10; 64]. И. С. Курахтанова объясняет их существование тем, что «сема большой меры в значении языковой формы часто вовлекает ее в ассоциативные связи по сходству и смежности» [5; 21].

Поэтому гиперболическая мера может реализовываться по моделям семантических переносов метафоры, метонимии, через форму эпитета, сравнения, повтора и т. п. «Гипербола представляет собой в таких случаях

содержание, а другие тропы - форму» [8; 4]. В рекламных текстах можно обнаружить немало примеров совмещения гиперболы с метафорой:

Möbel-Hübner. Polster-Paradies;

с олицетворением:

Wenn Burgen Geschichten erzählen und Trauben wahre Märchen versprechen, bist Du in der Pfalz;

с метонимией:

Und man kann Zeit doch kaufen;

реализации ее через повтор:

Crème Dip. Die neue milde Senf-Crème. Schmeckt und schmeckt und schmeckt;

или сравнение:

Einen Sack voll Flöhe zu hüten ist um einiges leichter, als auf einen Haufen Kinder aufzupassen.

Подобные гибридные тропеические образования благодаря своей особой образности и выразительности выполняют не только персуазивную и суггестивную функции, но и аттрактивную, то есть функцию привлечения и удержания внимания потребителя.

Таким образом, даже поверхностный обзор исследованного материала позволяет утверждать, что рекламный текст – это такой жанр, в котором гипербола в силу специфики своего значения находит практическое, «утилитарное» применение в целях улучшения мнения потребителя о рекламируемом объекте и создания предрасположенности к выбору данного объекта, то есть способствует оптимизации воздействия рекламного сообщения на адресата.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Брандес М. П. Стилистика немецкого языка. М.: Высшая школа, 1990
2. Дудина М. Г. Аргументация как одно из средств речевого воздействия (на материале текстов рекламы) //Проблемы прикладной лингвистики: Сб. статей. М.: Азбуковник, 2001.- С. 19-26.
3. Капуза Т. М. Лингвистические аспекты порождения испанских рекламных объявлений по семантическим признакам., 2002
4. Козлова С. П. Прагматический аспект языка рекламы в прессе Ф.Р.Г: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.,1989.
5. Курахтанова И. С. Языковая природа и функциональная характеристика стилистического приема гиперболы (на материале английского языка): Автореф дис. ... канд. филол. наук. М.,1978.
6. Магеррамов И. А. О парадоксе в рекламе //Русская речь. 2002. №2. – С. 59-63.
7. Пирогова Ю. К. Стратегии коммуникативного воздействия и их отражение в рекламном тексте //Текст. Интертекст. Культура: Сб. докл. международной научной конференции (Москва, 4-7 апреля 2001 г.). М.: Азбуковник, 2001.- С. 543-553.
8. Поликарпова Е. В. Гипербола в современном немецком языке (лексикологический аспект) : Автореф дис. ... канд. филол. наук. М.,1990.
9. Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975.
- 10.Скребнев Ю. М. Тропы и фигуры как объект классификаций //Проблемы экспрессивной стилистики. Издательство Ростовского университета, 1987. – С. 60-65.
11. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. М.: Высшая школа,1975.

Рыхлова О.С. ВИДОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ, НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

(Оренбургский государственный университет)

Вид глагольный (в международной терминологии – аспект) – грамматическая категория глагола, обобщенно указывающая, “как протекает во времени или как распределяется во времени” (А.М. Пешковский) обозначенное глаголом действие. В отличие от категории глагольного времени, вид связан не с дейктической темпоральной локализацией действия, а с его внутренней темпоральной структурой, с тем, как она интерпретируется говорящим. Категория вида в разных языках характеризуется значительным многообразием как со стороны внешних (синтетических или аналитических) форм своего выражения, так и со стороны содержания. В языках мира выделяют аспектуальные противопоставления, связанные с достижением/недостижением внутреннего предела действия, с подчеркиванием процесса протекания действия, с понятием состояния и достигнутого состояния, с понятиями многократности, обычности и т.п. Противопоставление значений этого типа выступает как вид, поскольку оно получает в том или ином языке статус грамматической категории. Аспектуальные системы языков различаются, но не принципами своей организации. Рассмотрим вид как область семантики, выражаемая языковыми категориями. Категория вида в языке выражает временной ракурс (*temporal point of view*). Понятие “временной” в этом смысле включает в себя способ развертывания ситуации во времени и относится к таким признакам, как начало и конец, периоды и стадии развития. В русском и некоторых других языках противопоставлены совершенный и несовершенный вид (перфектив и имперфектив). Семантической базой этого противопоставления являются предельные глаголы, причем современный вид сигнализирует достижение предела и, в силу этого представляет действие в его неделимой целостности, а несомременный вид нейтрален к признаку достижения предела и к признаку целостности; во многих случаях он указывает на действие, лишь в перспективе направленное к пределу или вовсе не предусматривающее предела (у неопредельных глаголов). В контексте высказывания одного и другого вида в зависимости от ряда условий реализуется в одном из частных видовых значений (в одной из частей функций). У современного вида выделяется конкретно-фактическая (“Я открыл окно”, “*Ich habe das Fenster geöffnet*”), наглядно-примерная (“Татьяна то вздохнет то охнет”) и др. функции. У несовершенного вида главными частными функциями являются конкретно-процессорная (“Я открывал окно 2 часа. *Ich öffnete das Fenster 2 Stunden*” – в этот момент), неограниченно-кратная (открывал по вечерам, *Abend öffnete ich das Fenster u m.n.*), общефактическая (“Ты открывал окно?” – Да открывал.” “*Did you open the window? – Yes I did*), когда важен сам факт по себе, а не его прошедшее, результат, возможная многократность и т.д. Несовершенный вид выражает

также постоянное отношение (Например: *Сумма углов треугольника равняется двум прямым*) и другие значения и выступает вместо совершенного вида в позициях нейтрализации, например в так называемом историческом настоящем:

Например: *Вчера он приходит и говорит. (вместо пришел и сказал)*
Gestern kommt er und sagt. (anstatt kam und sagte)

Противопоставление совершенного и несовершенного вида проходит в славянских языках через всю систему глагола. В плане выражения вида различаются: 1) сочетаемостью. Сравним невозможность постановки совершенного вида после фазовых глаголов типа "*начать*", "*кончить*", "*продолжить*" ("*начал писать*", но не "*написать*"), после "*все*", "*все больше*".
Например: *Он все полнел, (он все располнел).*

2) составом парадигмы.

Например: В русском языке отсутствует причастие настоящего и будущего сложного времени в числе форм совершенного вида.

3) строением глагольной основы; за корневыми основами закреплено значение несовершенного вида, реже ("*дать*", "*бросить*") совершенного вида. Добавление приставки (*с-делать, про-делать, от-делать*) или суффикса однократности (*маз-ну-ть*) делает основу предельной и переводит ее в совершенный вид, т.е. перфектирует. Добавление суффикса имперфективации создает производную основу несовершенного вида (*да-ва-ть, бро-са-ть, про-дел-ыва-ть*), которая может снова перфективироваться (надавать обещаний, набросать). Если между образованиями противоположных видов нет различий в лексическом значении, возникает чисто видовая соотносительность (видовая пара): "*дать-давать*", "*проделать-продельывать*" и при помощи приставки, так называемой пустой приставки, например: *делать-сделать* или супплетивизма: *брать-взять*.

Многие глаголы стоят по семантическим или формальным причинам вне видовых пар, являясь только несовершенными. Например: *зависеть*, ... или только совершенными (*рухнуть, побросать*). Есть также двувидовые основы, от каждой из которых образуется форма обоих видов (ср. "*женить*", "*исследовать*").

II В современном английском языке выделяют так называемый прогрессивный вид (Progressive или прогрессив, или континуатив, англ. Continuous), изображающий действие в процессе его осуществления в конкретный момент времени, (например: *I am writing* - я пишу в данный момент) и противопоставленный в различных временах, наклонениях и инфиктиве "общему" виду (непрогрессиву). Прогрессивный представлен аналитическими формами. Иногда в качестве вида рассматривают также аналитический перфект английского языка.

Например: а) *Mary swam in the pond*

перфектив

Мери (но)плавала в пруду

б) *Mary was swimming in the pond*

имперфектив

Мери (в этот момент) плавала в пруду

(прогрессив)

В этой паре предложений событие представлено в разных перспективах, передающих разную информацию: в предложении (а) представлено все событие, в (б) представлена часть события, здесь нет информации о его начале и конце.

Обратимся теперь к семантике перфектной и делительной форм глагола в английском языке. Прежде всего следует исключить из рассмотрения те случаи когда значение результативности ("effects of a past event on the present situation") ошибочно приписываются самой перфектной форме, будучи на самом деле обусловленным лексическими и ситуативными факторами.

Например: *He has had a stallpox; lock at his face* (Он переболел оспой; взгляните на его лицо.)

Результативность как наличие в некоторый момент состояния, вызванного прямым событием, может отмечаться в определенных конкретных условиях лишь у перфекта предельных глаголов (имеющих компонент "начало состояния").

Например: *He has come back* (Он уже вернулся) действительно означает: *He is here now* (Он сейчас здесь)

Однако такого результативного значения у перфекта неопределенных глаголов нет:

Например: *How you been here?* (Вы там бывали?)

We have known each other since ...

Более того, его нет и у перфекта предельных глаголов, например в контексте многократности действия.

Например: *Of course, here has been talk about him: he has come down to see her so often* (он часто сюда приходил) вовсе не означает "he is here now" (он сейчас здесь).

Аналогичным образом, если предложение *He has already built here house*, как русское *Он уже построил дом, действительно означает наличие созданного объекта в настоящее время, то *Has he ever built houses?* как и русское *Строил ли он когда-либо дома?* такого результативного значения не содержит. В тоже время значение предшествования какому-то выделенному моменту (reference moment) выражается перфектом в любых условиях, и следовательно, именно оно должно считаться собственным содержанием данной формы, в противопоставление значениям перфектных форм.*

Длительная (прогрессивная) форма (Progressive form) многими исследователями признается безусловно видовой, представляющей действие в процессе развертывания, в незавершенности и т.п. Однако стоит отметить, что длящийся процесс может быть выражен например и простой формой (Simple verb form) и перфектно-длительной и даже собственно перфектной.

Сравним: *He worked all day* (*Он работает весь день*) (Past simple)

He has worked all day today (Past perfekt)

He has been working all day today (Perfekt

Progressive)

Таким образом само по себе значение "длящийся процесс" не может считаться отличительным признаком формы прогрессива в противопоставление другим формам. Эта форма (в наиболее типичном употреблении) обозначает не всякий длящийся процесс, а лишь процесс, одновременный какому-то выделенному моменту (*He was still working when he returned*), и, следовательно, значение этой формы не чисто видовое ("длящийся процесс", как у русской формы несовершенного вида в процессном значении), а прежде всего временное (видовременное), а именно - соотнесённость, длящегося процесса с некоторым выделенным моментом (одновременность такому моменту). Следует подчеркнуть, что даже там, где действие, выраженное прогрессивом, охватывает весьма широкий отрезок времени, например: *Civilization is going to pieces*. (*Цивилизация развивается на наших глазах*).

Этот отрезок все же представлен именно как "момент", ибо, если в тексте указывается именно период (а не момент), то требуется не собственная форма, а простая

Например, *He worked for two hours* – *Он работал два часа*

либо перфектно-длительная или перфектная. (*He has been working for two hours; He has worked for two hours.*)

Представляется, что перфектно-длительную форму (Perfekt Progressive) нельзя рассматривать как соединение двух форм (перфектной и длительной), сохраняющих свои значения. Это было бы возможно, если бы форма прогрессива действительно выражала чисто видовое значение процессности, незавершенности действия, однако она, как было сказано, обозначает одновременность моменту, а такого компонента в значении перфектно-длительной формы нет. Вряд ли было бы оправданным считать, что, присоединяясь к перфекту, прогрессивная форма вносит в содержание целого лишь видовой компонент своего значения ("длящийся процесс"), утрачивая при этом второй, "временной" компонент ("одновременность моменту"). Более логично рассматривать отдельное, самостоятельное значение перфектно-длительной формы, а именно: предшествующего какому-то выделенному моменту.

Таким образом, три сложные глагольные (длительная, перфектная и перфектно-длительная) объединены и вместе противопоставлены простой (индефинитной) форме тем, что они соотносят действие по времени с

некоторым выделенным моментом, т.е. с определенной точкой отсчета (reference moment). При этом каждая из них по-своему конкретизирует данное соотношение: перфект указывает на предшествование моменту отсчета, прогрессив – на одновременность ему, перфектно-длительная форма – на охват некоторого периода, предшествующего такому моменту. Простая форма не указывает на такого рода соотношения с каким-либо моментом, т.е. не маркирована в данной оппозиции. Противопоставление “соотнесенность действия с моментом отсчета – отсутствие такой соотнесенности” образует не видовую, а некоторую временную категорию, которую можно назвать категорией “временной соотнесенности”, или своеобразного “относительного времени”.

То, что видовые значения в английском языке не закреплены за особыми формами глагола, а лишь возникают в определенных контекстных условиях, разумеется, свидетельствует об отсутствии в этом языке собственно категории глагольного вида, но не об отсутствии в речевых образцах самих аспектуальных (по своему содержанию) значений.

III Классификация немецких глаголов по семантическому критерию.

Данная классификация основана на значении глаголов, на их видовом значении, степени их грамматикализации или десемантизации (способности глагола являться предикатом в предложении).

Семантические подклассы глаголов.

По своему значению глаголы делятся на следующие основные группы:

- 1) Глаголы действия показывают, что действующий субъект активно выполняет какое-либо действие (Tätigkeitsverben)

Например: *arbeiten, aufschreiben, bewegen, essen, helfen, wandern, zerbrechen.*

- 2) Глаголы процесса или процессные глаголы. Обозначают изменение или процесс, которое испытывает на себе субъект или которое изменяет субъект в своем состоянии или действии. (Vorgangsverben)

Например: *erfrieren, erkranken, ermüden, erwochen, einschlafen, fallen, hinfallen, sterben, verblühen, verhungern.*

- 3) Глаголы состояния (стативные глаголы) выражают состояние, в котором субъект не изменяется, или не подвержен изменению. (Zustandsverben)

Например: *sich befinden, liegen, sein, stehen, umgeben, wohnen.*

Различие этих 3 подклассов основано на двух критериях:

- 1) семантический признак глагола (± статальность)
- 2) семантический характер субъекта (± агенс)

Возникает следующая картина:

	Statisch	Agens
Tätigkeitsverben	–	+
Vorgangsverben	–	–
Zustandsverben	+	–

ЛИТЕРАТУРА

1. Вопросы глагольного вида, М., 1962 г.
2. Ломов А.М., Очерки по русской аспектологии, Воронеж, 1977 г.
3. Бондарко А.В., Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии, Л., 1983.
4. Маслов Ю.С., Очерки по аспектологии, Л., 1984 г.
5. Tense – aspect: between semantics and pragmatics, Ams. – Phil., 1982

Собчакова Н. М. СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С ПРИДАТОЧНЫМ ВРЕМЕНИ В НОМИНАТИВНО- ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

(Оренбургский государственный университет)

Темпоральные отношения и связь частей сложноподчиненного предложения устанавливаются с помощью таких средств, как согласованность пространственно-временных и модальных значений, союзы, союзные слова и т.д.

Несмотря на тот факт, что проблема придаточных времени относительно изучена, в современных грамматиках английского языка эти придаточные классифицируются в основном по значениям самих временных союзов. Целью же нашего исследования является изучение места придаточного времени относительно главного предложения, включая аспект иконичности/неиконичности. Таким образом, представляется интересным проследить взаимодействие темпоральных союзов с аспектуальной семантикой предикатов и провести дифференциацию между номинативной парадигмой и структурно-семантической.

Сложноподчинённое предложение (далее СПП); будучи единицей полипредикативной, возникает из синтаксического объединения в одно коммуникативное единство двух и более предикативных сочетаний, которые обычно находятся в отношениях синтаксической неравноправности¹. Необходимым условием таких отношений является наличие по меньшей мере одной предикативной единицы высшего синтаксического уровня, абсолютно независимой, не входящей в состав какой-либо другой предикативной единицы, и хотя бы одной подчинённой ей. Каким же образом осуществляется связь между придаточным и главным и есть ли закономерность в порядке их следования?

Тесная связь между главным и придаточным предложениями подчёркивается в самом информативном устройстве СПП (то есть главное и придаточное предложения образуют одно информативное ядро).

Номинативная парадигма интересующих нас типов придаточных и временные отношения в них принимают следующие значения:

I) значение временной сопредельности/одновременности (т.е. одна ситуация практически наслаивается на другую без какого бы то ни было временного разрыва). Формальными указателями этого значения в придаточном времени являются такие союзы и союзные слова, как: *while, hardly had I ...when ..., not...yet, just, when* (в значении, в то время как).

Например:

¹ Иофик Л.Л. Сложное предложение в новоанглийском языке. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1968. с.122.

- 1) *While* we dined the orchestra was playing.
- 2) Emmie was fourteen years old, and Matilda sixteen, *when* their father arrived home with his prodigy, the boy of six, Hadrian.
- 3) I wanted to live the perfect life *while* I still had the energy and the spirit to make the most of it.

Hardly had he come home *when* the bell rang. (G. K. Chesterton. The Adventures of Father Brown, с.78).

В последнем случае приём синтаксической инверсии также помогает нам поставить акцент на практическую одновременность действий главного и придаточного предложений.

Союзы парадигматической группы *as, as long as, no sooner ... than* также выражают отношения одновременности.

Например:

- 1) *No sooner* was the door closed *than* I had Agatha in my arms.
- 2) *Then* I sent in my resignation and *as soon as* they paid me my money I bought the newspaper and came on here. (Julian Symons. A Criminal Comedy, с.65, 72).

II) Значение временного предшествования (*since, before* и т.п.)

- 1) But he stopped in the torrent of his talk in a momentary bewilderment *before* he saw the priest's very simple meaning.
- 2) I despaired of ever getting my mother to speak on the forbidden subject *after* what had passed between us. (Julian Symons. A Criminal Comedy, с.34, 53.)

III) Значение последовательности, не осложнённое указанием на тесный временной контакт двух ситуаций. (*when*).

Например:

- 1) *When* he had finished, he sank back into his seat and closed his eyes.
- 2) *When* he died, soon after his grandson Henry was born, he left his collection of treasures to his daughter. (Julian Symons. A Criminal Comedy, с.13, 87.)

Помимо ведущих союзных слов «*when*» и «*whenever*», есть ряд союзов соответствующей семантики, хотя некоторые из них многозначны (например, *as*). «*When*» является ведущим средством связи временных предикативных единиц, «*when*» наиболее свободно сочетается с предлогами, что свидетельствует о сохранении им большой синтаксической значимости. Например, предикативная единица с «*when*» в интерпозиции, между главными членами:

Например:

- 1) Billy *when* he had passed the prescribed grades of school, would begin to earn money. (Julian Symons. A Criminal Comedy, с.77.)

Следует отметить, что некоторые временные союзы обладают синкретизмом, т.е. совмещают несколько значений. В связи с этим, представляет интерес дифференциация СПП с придаточным, вводимым союзом

«since» в значении «с тех пор как» от того же со значением «так как» (в придаточном причины). В данном случае различие проводится по контексту, а при одинаковом контексте – по наличию или отсутствию паузы перед «since».²

Например:

- 1) I haven't heard anything about him *since* he left the city (с тех пор как). I haven't heard anything about him | *since* he left the city (так как).
- 2) It was nearly six month since the book had been published. It was nearly six month now | since this book had been published in May.

Русскому союзу «когда» в СПП с временными придаточными соответствуют союз «as» и “when”. Смысловое различие между ними можно проиллюстрировать следующими примерами:

As I left the house I remembered about it (когда я уходил из дома, я вспомнил...)

When I left the house I remembered about it (когда я ушёл из дома...)

Среди придаточных времени выделяются так называемые придаточные контрастные, вводимые союзами и союзными словами *while*, *when*, *where*, *whereas* в значении «в то время как», «когда».

Например:

He always took my bicycle to go to the country *when* I didn't do it myself.

But how can you prove it *while* I can't myself. (Julian Symons. A Criminal Comedy, c.17,52)

К данному типу придаточных можно отнести и такой выделяемые Вейхманом тип как «придаточные частотности».³

Например:

She's got it fixed in her head that I meet you *every chance* I get. (G.K.Chesterton. The Adventures of Father Brown, c.61)

неиконичности⁴ представленной ситуации и степенью её функциональной экспрессивности. Говоря о порядке следования предикативных единиц в СПП с придаточным времени, необходимо отметить, что функциональный анализ СПП осуществляется методами разработанными относительно простого предложения, то есть с помощью структурной схемы предложения, его актуального членения и т.д.⁵

Кроме того, актуально – информативная структура СПП выявляется в порядке следования предикативных единиц. Так, например, главное предложение, указывающее на причину в СПП с придаточным следствия, выступает как тема, а придаточное, в котором содержится следствие – ремой.⁶

СПП с придаточным времени более гибки в плане порядка следования предикативных единиц, то есть позиция придаточного не закреплена: придаточное может быть в антепозиции (то есть стоять пред главным) или в

² Вейхман Г.А. Новое в английской грамматике. М.: Высшая школа, 1999 с.45

³ Вейхман Г.А. Новое в английской грамматике. М.: Высшая школа, 1999 с.52.

⁴ ситуация синтаксической неиконичности отражает порядок «следствие-основание пресуппозиции».

⁵ Вольфган Гладров. Функциональный анализ СПП // Коммуникативно – смысловые параметры грамматики и текста. М., 2002 с. 255

⁶ там же

постпозиции (после него) в зависимости от того выступает оно как тема или рема. Следует так же отметить, что для более полного анализа мы будем рассматривать данный тип СПП с точки зрения иконичности \. О.А.Кострова предлагает, на наш взгляд, наиболее точные термины для названия двух основных способов языкового представления последовательности действий: иконический и опережающий (неиконический), которые характеризуют придаточное предложение с позиций как синтаксиса, так и семантики (в отличие от традиционного понятия предшествования и следования).⁷ Говоря о возможных позициях придаточного в СПП, следует отметить, что их место в предложении функционально релевантно. Препозиция используется, как правило, в интродуктивной функции:

1) When I was young I served a term as office boy.

2) When first he came to live at my expense I never thought I should be able to get him to stop long. (Jerome K. Jerome. Three men in a Boat, с.60, 22.)

- интерпозиция – в функции дополнительной характеристики:

How many people on that voyage, load up the boat till it is ever in danger of swamping with a store of foolish things which they think essential to the pleasure. (Jerome K. Jerome. Three men in a Boat, с.24.)

- придаточное предложение в постпозиции используется для развития повествования.⁸

We wondered when those heavy showers and occasional thunderstorms were going to begin. (Jerome K. Jerome. Three men in a Boat, с.37.)

Поскольку каждая предикативная единица по своей структуре, независимо от выполняемой ею функции, обладает такими существенными категориями, как предикативность и модальность, при объединении двух и большего числа предикативных единиц в грамматическую форму предложения возникает сочетание двух и большего числа модальных и временных планов.

В своей работе «Русское сложноподчинённое предложение и проблема его содержательной интерпретации» А.М. Ломов и Р.Гусман Тирадо, говорят о способах организации информации в сложном предложении выделяют два типа включения (так как подчинение предполагает включение информации, передаваемой придаточным):

1) включение-1 (или «автосемантические» придаточные – самодостаточные с точки зрения передаваемой информации);

2) включение-2 (или «синсемантические» придаточные – их информация недостаточна без учета информации главного предложения).⁹

Эти типы включения по-разному регулируют порядок расположения частей сложного подчинения. Например, синсемантическое придаточное,

⁷ Кострова О.А. Сложноподчинённое предложение с придаточным времени в немецком и русском языках // Вестник факультета иностранных языков СамГПУ.-2001, №2 с.43

⁸ Гулыга Е.В. Теория сложноподчинённого предложения в современном немецком языке. М.: Высшая школа, 1971 с. 81.

⁹ Ломов А.М. , Гусман Тирадо. «Русское сложноподчинённое предложение и проблема его содержательной интерпретации» // Вопросы языкознания, 1999. №6 с. 57.

вводимое союзом «while» говорит о том, что ситуация придаточного должна быть одновременной с ситуацией главного.

Например: He was standing holding it close to his blinking eyes with one hand *while* the others continued its half – conscious caresses of the dog. (Jerome K. Jerome. Three men in a Boat, с.54)

Для автосемантического придаточного с союзом «when» это условие необязательно, так как выражаемая им ситуация вполне может предшествовать ситуации главного:

He had surgical instruments with him *when* he went to call in the young lady at tea – time. (G. K. Chesterton. The Adventures of Father Brown, с.78)

Таким образом, проведенное исследование обращает наше внимание не только на семантическую характеристику и номинативную парадигму сложноподчиненного предложения, но и позволяет учитывать позицию придаточного при анализе.

Список литературы.

1. Иофик Л.Л. Сложное предложение в новоанглийском языке. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1968.
2. Вольфганг Гладров. Функциональный анализ СПП // Коммуникативно – смысловые параметры грамматики и текста. М., 2002 с. 255.
3. Кострова О.А. Сложноподчинённое предложение с придаточным времени в немецком и русском языках // Вестник факультета иностранных языков СамГПУ.-2001, №2 с.43.
4. Jerome K. Jerome. Three men in a Boat. М.: Издательство «Высшая школа», 1976.
5. Гулыга Е.В. Теория сложноподчинённого предложения в современном немецком языке. М.: Высшая школа, 1971.
6. Ломов А.М. , Гусман Тирадо. «Русское сложноподчинённое предложение и проблема его содержательной интерпретации» // Вопросы языкознания, 1999. №6 с. 57.
7. G. K. Chesterton. The Adventures of Father Brown. М.: Издательство «Менеджер», 2000г.
8. Julian Symons. A Criminal Comedy. Penguin Books Publishers, 1985.
9. Вейхман Г.А. Новое в английской грамматике. М.: Высшая школа, 1999.

Сокиркина О.П. РЕЧЕВОЙ ТАКТ КАК ОПТИМАЛЬНАЯ ЕДИНИЦА В ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОМУ ПРОИЗНОШЕНИЮ

(Оренбургский государственный университет)

В настоящее время наблюдается разрыв между теоретической и практической сферами в процессе постановки произношения в рамках вводного фонетического курса. Сегодня в практике всё чаще стали проявляться попытки решения некоторых остро стоящих проблем, которые дают знать о себе и в теоретической области. Чем и вызван активный интерес к звучащей речи. Теоретическое обоснование многих сложных явлений, наблюдаемых в речепроизводстве, явилось новым необходимым этапом дальнейшего исследования спонтанной речи. Именно звучащая речь даёт богатый материал для дальнейшей исследовательской работы. Выдвигая на повестку дня назревшие внутри процесса обучения свободному говорению сложности, современная фонетика может получить какие-либо позитивные рекомендации только при тесном содружестве с теорией. Разработка теоретической стороны проблем практики позволит подвести под них базу, а значит выйти за пределы решения данных вопросов только в интересах постановки обучающимся произношения.

Традиционный метод обучения иноязычному произношению, который может быть определён как аналитико-имитационный (согласно В.А.Артёмову) использует в качестве основной единицы звук. В этом случае звук представляется минимальным произносительным элементом. Как с теоретической, так и с практической точки зрения с таким подходом нельзя согласиться. Изолированный звук, оторванный от ритмической структуры языка, его интонационного рисунка, находится в неестественном для него состоянии, что и является причиной больших трудностей усвоения речевых навыков, следовательно, и процесса речеобразования.

Сразу же возникает вопрос, если не звук, то какая иная единица может выполнять функции обучения произношению? Исходя из определения Н.И.Жинкина, в котором «речь- это последовательность слогов» можно предположить, что именно слог является той необходимой и единственно верной единицей начального этапа обучения речепроизводству. Наблюдения за маленькими детьми оказываются весьма полезными в решении поставленной проблемы. Ребёнок, делая первые попытки говорить, в так называемый период лепета, начинает произносить звуки, организуя их в простейшие сочетания, т.е. в слоги. Результатом первых речепроизводимых проб малыша являются, чётко воспринимаемые слушателем, повторяющиеся слоги: гы-гы-гы, гу-гу-гу и т.д. Это подтверждает мысль о невозможности функционирования отдельных звуков вне слога. Слог как минимальная единица произнесения звуков представляет собой артикуляционное и акустическое единство. Он возникает как бы сам по себе как автоматически выдаваемое целое. Для Н.И. Жинкина

этот автоматизм представлен специальным двигательным устройством человека, «мозговое управление которым начинает налаживаться раньше, чем возникает звук на губах».

Рассматривая физиологический аспект предложенной минимальной произносительной единицы речи, Явецкий представляет слог только с артикуляционной точки зрения, называя его «импульсом мускульного напряжения», «отдельной порцией энергии». Физиологическую основу слога, по мнению Н.В.Черемисиной и др., составляет соответствующий ему «толчок выдыхаемого воздуха». Более широко к решению этого вопроса подходит Н.И.Жинкин. Он объединяет два упомянутых выше аспекта, считая, что в образовании слога участвуют как дыхательные так и «собственно артикуляционные мышцы». Эту же точку зрения, не сужая её, разделяют Л.В.Златоустова и Л.А.Банин. Через их артикуляционно-физиологическую призму слог представляется «единицей мускульного напряжения и дыхательного усилия». То есть уже можно говорить о простейшей артикуляционной программе, присущей слогу.

Если закончить рассмотрение слога только на этом, то можно будет спокойно согласиться с положением, считающим слог минимальной произносительной единицей речи со стороны говорящего и лишь едва напоминающего о его акустической характеристике. «О волне сонорности или дуге звучности с максимумом звучности на гласном» говорят Л.В.Златоустова и Л.А.Банин, раскрывая акустическую сторону минимальной речевой единицы. Затронутый параметр «первичной единицы членораздельного речевого потока» (Плоткин) разъясняет вопрос о роли слога в восприятии речи. Так у В.Б.Касевича минимальная произносительная единица является «необходимой оперативной единицей восприятия речи» как у В.М.Белявского и Н.Д.Светозаровой «минимальным надёжно выделяемым элементом речевого общения». Приняв слог за артикуляционное и акустическое целое можно согласиться с определением последних, что «слог является наиболее просто и надёжно выделяемой из потока линейной единицей предложения». Хотя употреблённый в данной ситуации термин языкового уровня «предложение», вызывает желание заменить его термином «высказывание», который относится к уровню речи. И в этом решении поддержкой может служить представление А.М.Антиповой слога как, «минимальной планируемой единицы высказывания», что ясно указывает на принадлежность этой единицы речи, а не языку.

Нельзя обойти стороной и фонологический аспект речевой единицы, представленной Плоткиным «продуктом синтагматического объединения фонем», где, добавляют Н.Д.Светозарова и В.М.Белявский, реализуются дифференциальные признаки этих наименьших фонологических единиц. Значит, в фонологическом плане слог делит речевой поток на фонемные группы, которые имеют синтагматическое, т.е. линейное строение.

Определив, что слог является минимальной произносительной единицей в артикуляционном плане, в акустическом и фонологическом точно выделяемым элементом речевого потока, представленным фонемной группой,

встречаемся у В.Б.Касевича с определением слога «как минимального воспроизводимого отрезка речи», повторение которого играет большую роль в её ритмизации. Связь слога с ритмической стороной речи, с ритмом проявляется наиболее ясно и чётко в зависимости слоговой структуры слова от его ритмической структуры.

Словесная ритмическая структура определяется количеством слогов и положением ударного среди них. Существование слогового ритма, а за ним и более высокоорганизованного словесного, свидетельствует о иерархичности речевого ритма, его многоступенчатом строении. Н.В.Черемисина останавливается на трёх уровнях организации ритма речи: прежде всего слоговом, словесном и синтагменном. Л.В. Златоустова и Л.А.Банин добавляют более высокий предназначенный для фразового ритма. Сущестующая иерархичность позволяет сделать вывод, что слоговой уровень ритмики является основным в ритмизации речи. Следовательно, средством её ритмической организации представляется слог. Это подтверждается данным А.М. Антиповой определением речевого ритма: «ритм-чередование безударных слогов или ритм-повторяемость ударных слогов через равные промежутки времени». Важная роль ударения в ритмическом оформлении речи, подчеркнутая в этом определении, не может быть оставлена в тени и забыта. В данной ситуации интересен тот момент, что именно слог, будь он ударный или безударный, можно считать основной единицей ритма. Это строительный материал основного ритмического уровня речи, от которого зависят её более высокоорганизованные части иерархической структуры.

Слог, выполняя функции минимальной произносительной единицы и являясь наименьшей частицей речевого потока, лежит в основе строения речи, о чём свидетельствует не только её ритмическая организация, но и существующие термины, определяющие речевые отрезки разных объёмов как, то высказывание, фраза, речевой такт, фонетическое слово, слог. Исходя из определения речи выведенное В.П.Ковалёвым и Л.И.Мининой, у которых она представляется в виде цепи « последовательно произносимых отрезков, распадающихся в свою очередь на ряд более мелких единиц», можно предположить, что важной единицей, следующей за слогом, является речевое звено, названное речевым тактом. Тем более, что такт представляется «группой слогов, объединённых одним ударением»/1, 53/. Значит, речевой такт является следующей более высокоорганизованной единицей речевого уровня. В работе А.Н. Гвоздёва речевой такт приобретает статус чисто фонетического средства, служащего для выражения смысловой стороны речи, связанной с предложением как языковой единицей и его содержанием. Но ведь этого явно недостаточно для того, чтобы говорить о речевом такте как речевом звене, отрезке осмысленного речевого потока. Нельзя согласиться с Ф.К. Гужвой, для которого единица звуковой системы, употребляемая для выражения содержания в языке является частью фразы, а следовательно речевым звеном. Речевой такт как отрезок речи должен представлять не только интонационные модели, ритмические схемы, но и соотносится с единицей на уровне языка, т.е. иметь лексико-грамматическое наполнение. Противоположной, чем

фонетическая, точки зрения придерживается Л.И. Житенёв, принимающий за такт слово или группу слов. Такую попытку рассмотрения речевого такта можно считать чисто лексическим подходом, т.к. и слово, и группа слов, взятые в неустановленном порядке, не всегда служат раскрытию смысловых единств предложения, из которого в итоге складывается его содержание. Почему речевой такт рассматривается здесь в связи с предложением, а не фразой, как это было в определении Л.И. Житенёва, объясняется тем, что слово как единица языка считается синтаксическим минимумом предложения и ввиду этого не может являться составной частью фразы- «одного из законченных по смыслу отрезков, на которые распадается речь» /2,503/. Слововую природу речевого такта поддерживает П.П. Шуба, добавляя, что это не просто слова, а фонетические слова-единицы, принадлежащие речевому потоку, речевой цепи. У О.А. Норк речевой такт представлен через акцентные группы, которые по своей сути являются теми же фонетическими словами, т.к. включают в себя слово или значимое слово со служебным. Так или иначе в речевой такт, рассматривая его с языкового уровня, входят слова или синтаксически связанные группы слов в виде словосочетаний с присущим им смыслом. Значит в основе речевого такта лежит словосочетание, но лишь в основе, поэтому оно не может полностью заменить термин «речевой такт». Исходя из этого положения, нельзя принять целиком и полностью определение речевого такта, данное В.П. Ковалёвым и Л.И. Мининой. Выработанное ими, объяснение такта как «более или менее законченной по смыслу части предложения» /3,31/ совпадает с определением словосочетания Н.П. Колесникова, где словосочетание-это «грамматическое объединение двух или более слов, выделяемое из предложения и соответствующее отдельному смысловому комплексу общего содержания данного предложения» /4,8/. Снова налицо факт отождествления речевой единицы с языковой. Ведь у «более или менее законченной по смыслу части предложения» отсутствуют ритмико-интонационные характеристики, которые не позволяют назвать предложенную языковую единицу речевым звеном. К тому же «само предложение как грамматическая единица не имеет и не может иметь интонации. Оно актуализируется в коммуникативное явление-высказывание через фразу, которую организует в целом интонация » /5,9/. Интерес вызывает и такой момент, когда наряду с термином «речевой такт» появляется термин «синтагма», которые накладываются при употреблении один на другой. Совпадение их воспринимается многими как само собой разумеющееся явление, не вносящее никаких изменений в раскрытие сущности данного термина. Так П.А. Лекант, представляя такт /синтагму/ частью речевого потока, связывает его со смыслом и синтаксическим членением. При этом надо полагать, что синтаксическое членение подразумевает деление на составные синтаксические предложения, но никак уж не самой речи. Никаких изменений по сравнению с П.П. Шубой не было сделано и в рассмотрении строения речевого такта /синтагмы/ и у Н.С. Валагина. Он также делит его на фонетические слова, в основе которых, по-прежнему, лежит слово или словосочетание. Это не может служить оправданием его же утверждения о

строении речевого такта, где несколько слов объединяемые в группы лишь своим нахождением в речевой цепи, которые могут больше не иметь точек соприкосновения, должны выполнять роль речевого такта. Если под группой слов подразумевались фонетические слова, то это смелая попытка подачи определения.

Р.И. Аванесов, обратившись к таким понятиям как «фонетическое слово» и просто «слово», не относит речевой такт к чисто фонетическим единицам, а выявляет и его структурно-грамматические функции. Кроме наличия фонетического аспекта в речевом звене начинают замечать лексико-грамматическое наполнение. Но всё ещё наблюдается смешение фонетического, лексического и грамматического аспектов рассмотрения синтагмы.

Если речевой такт представляет собой всего лишь «непрерывный ряд звуков» /6,9/, то возникает вопрос, как же ряд звуков может делиться на слова и иметь структурно-грамматический или какие-либо другие аспекты рассмотрения, кроме как фонетического да и то не в виде фонетических слов. К концепции Р.И. Аванесова можно с полной уверенностью присоединить положение А.Н.Гвоздѣва о речевом такте как о «ряде непрерывно следующих от паузы до паузы звуков» /7,11/. Здесь же звуковым рядам, названным речевыми тактами противостоит им же данное определение тактов как «смысловых целых, на которые членится предложение» /8,11/. Речевой такт, связанный со смысловой стороной, средством, не носящим какого-либо определённого значения он тут же под видом синтагмы предстает перед нами частью предложения со смыслом. Совмещение двух несовместимых представлений вызывает потребность в их разграничении и уточнении их сущности для преодоления трудностей в употреблении. Можно сделать попытку выделить синтагму как семантико-синтаксическую единицу, относящуюся к уровню языка и представляющую собой лексико-грамматическую сторону речевого такта. Из второй части определения Л.Н. Гвоздѣва выходит, что речевое такт акцентирует внимание на фонетическом аспекте синтагмы. Эту мысль выражает и М.Н. Матусевич, в данном случае явно не соглашаясь с попытками объединения двух терминов для обозначения одного понятия. Поэтому вполне логично считать, что каждому из представленных терминов соответствует своя суть, дающая право говорить о совершенной неправомерности полной подмены речевого такта синтагмой. Осознав разную природу обоих явлений, произойдет не простая, но в конечном результате надёжная их переоценка.

Определение характерных для изучаемого языка речевых тактов и предъявление их в процессе обучения иноязычной речи облегчает не только момент произношения, данного языка, но и процесс обучения говорению, чтению, аудированию, способствует более качественному усвоению грамматического материала изучаемого языка. Усвоение и автоматизация употребления речевого такта активизируют речевые способности и создают более благоприятные условия для входа в чужой язык.

Литература:

1. Современный русский язык/Под ред.В.А.Белошапковой.-М.,1981.-с.53.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов.- М.,1969-с.503.
3. Ковалёв В.П., Минина Л.И. Современный русский литературный язык.-Ч.1.-М.,1979.-с.31
4. Колесников Н.П. Порядок слов в русском предложении и синтаксическая омонимия.- Ростов н/Д., 1984.-с.8.
5. Торсуева И.Г. Интонация и смысл высказывания.-М.,1979.-с.9.
6. Аванесов Р.И. Ударение в современном русском литературном языке.- М., 1958.-с.7.
7. Гвоздёв А.Н. О фонологических средствах русского русского языка.- М.-Л.,1949.-с.110.
8. Там же, с. 111

Солодилова И.А. ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА. ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ НАУКИ

(Оренбургский государственный университет)

Современная лингвистика текста располагает многочисленными определениями понятия «текст», не выделяя ни одного в качестве общепризнанного. Сомнению подвергается сама успешность попытки найти абсолютно полное определение данного понятия, которое позволило бы выяснить, что мы в праве обозначать термином «текст».

Определение объекта любой научной дисциплины осуществляется не только путем выявления его качеств и свойств, но и во многом зависит от соответствующих целей исследования. В лингвистике текста можно выделить два направления, которые в ходе своего развития ставили совершенно разные цели и, соответственно, совершенно по-разному определяли объект своего исследования – текст.

Первое (в том числе и в историческом отношении) направление лингвистики текста развивается на фоне структурной лингвистики и генеративной грамматики (Харвег/Harweg 1968; Изенберг/Isenberg 1968; Штайниц/Steiniz 1978; Дресслер/Dressler 1973, Москальская 1981 и др.)

При многих частных различиях названные лингвистические течения определяют своим специфическим объектом исследования систему языка, понимания под этим языковую систему элементов и отношений, урегулированную систему языка (*langue, competence*)¹, лежащую в основе языкового употребления (*parole, performance*) как теоретически бесконечного количества конкретных речевых актов и актов понимания и возникших в их результате языковых структур (выражений, текстов). Задача лингвистики в этом случае видится в том, чтобы раскрыть, описать языковую систему посредством соответствующих (интерсубъективных) методов (метод анализа, операционный метод) (структурная лингвистика) или описать имманентную языковую компетенцию идеального (т.е. в коммуникативном отношении нейтрального) говорящего – слушающего (генеративная грамматика).

Внутри данного лингвистического направления (представленного здесь очень схематично) высшей лингвистической единицей на протяжении нескольких десятилетий считалось предложение. Структурная лингвистика концентрируется исключительно на анализе и описании структуры предложений, прежде всего на сегментации и классификации языковых единиц, относящихся к уровню предложения (члены предложения, морфемы, фонемы); генеративная грамматика определяет предметом исследования языковую компетенцию как способность (компетентного) говорящего строить и понимать любое число предложений и постулирует при этом то положение, что сама

¹ Понятие *langue* Ф. де Соссюра и *competence* Н. Хомского не идентичны. Однако важнее в данной связи не различия, а общие черты: в основе обеих концепций лежит автономное, полностью абстрагированное от коммуникативно-прагматического фактора понятие языка.

языковая система как регулирующая система должна «генерировать» (бесконечное) множество предложений данного языка.

Возникновение лингвистики текста в середине 60-х годов привело к фундаментальной критике ограничения лингвистического исследования областью предложения. Высшей и независимой языковой единицей, «первенствующим языковым знаком» объявляется не предложение, а текст, вследствие чего лингвистический анализ должен быть более чем прежде направлен на текст.

Однако принципиального изменения существующих теоретических основ в связи с данным требованием не произошло. Лингвистика текста определяет себя (как и «лингвистика предложения») исключительно как лингвистика языка – *langue/competence*. Иерархия уже признанных единиц языковой системы (фонема, морфема/слово, член предложения, предложение) всего лишь дополняется еще одной единицей – текстом. Тем самым делается вывод, что не только построение предложения, но и текстопостроение регулируется языковой системой и основывается на общих, объясняемых языковой системой закономерностях.

Лингвистика текста, ориентированная на системно-языковое исследование, ставит перед собой целью, выявить и системно описать эти всеобщие принципы. При этом она апеллирует как в теоретически-понятийном, так и в методическом отношении к понятиям лингвистики предложения структуралистского или генеративно-трансформационного происхождения. Эта связь особенно четко проявляется в понятии текста: текст определяется как когерентная последовательность предложений. Это означает, что предложение, как и прежде, рассматривается в качестве краеугольного камня в иерархии языковых единиц, оно считается структурной единицей текста. Важнейшим следствием данной концепции является то, что центральное для лингвистики текста понятие когерентности рассматривается исключительно в аспекте грамматики. Оно обозначает здесь исключительно семантико-синтаксические отношения между предложениями или языковыми единицами (словами, словосочетаниями и т.д.) в следующих друг за другом предложениях.

Второе, возникшее в начале 70-х годов направление лингвистики текста, можно было бы обозначить как «коммуникативно-ориентированное». Основной критике представителями данного направления подвергается, прежде всего, чрезмерная идеализация предмета исследования, характерная для выше описанных течений, где текст рассматривается как изолированный, статичный объект и не учитывается тот факт, что тексты всегда включены в определенную коммуникативную ситуацию, в конкретный коммуникативный процесс, в котором говорящий и слушающий, или автор и читатель, со своими социальными и ситуативными предпосылками и отношениями представляют собой важнейшие факторы.

Коммуникативно-ориентированная лингвистика текста (Изенберг/*Isenberg* 1970,1976; Шмидт/*Schmidt* 1973; Зандиг/*Sandig* 1973 и др.) развивается на фоне лингвистической прагматики, пытающейся описать и

объяснить условия социо-языкового понимания между коммуникативными партнерами определенного коммуникативного общества и основывающейся в теоретическом отношении, прежде всего, на разработанную внутри англосаксонской философии языка теорию речевых актов (Дж. Остин, Дж. Сёрль).

В аспекте прагматики (в аспекте теории речевых актов) текст не является больше грамматически связанной последовательностью предложений, а представляет собой комплексное языковое действие, с помощью которого говорящий или пишущий пытается установить определенную коммуникативную связь со слушающим или читателем.¹⁰

Коммуникативно-ориентированная лингвистика текста ставит, таким образом, вопрос о целях, ради которых тексты могут использоваться в коммуникативных ситуациях и действительно используются, иначе говоря: она исследует коммуникативную функцию текста. Коммуникативная функция задает действительный характер текста; она обозначает вид коммуникативного контакта, который говорящий/пишущий осуществляет с помощью текста (например, информируя или призывая к действию); коммуникативная функция придает тексту определенный коммуникативный «смысл».

Связь понятия «текст» с прагматическими понятиями «речевое действие» и «коммуникативная функция» делает необходимым пересмотр существующего со времен де Соссюра разделения понятий «язык» (*langue*) и «речь» (*parole*). Понятие языковой системы, или языковой компетенции, характерное для первой, ориентированной на системно-языковое изучение лингвистики текста, расширяется понятием коммуникативной компетенции, определяемым Д. Вундерлихом как способность говорящего с помощью языковых выражений вступать в коммуникацию (Wunderlich 1970, S.13). Коммуникативная компетенция охватывает структуры и правила, определяющие активизацию языковой компетенции в конкретных коммуникативных ситуациях.

Отношение понятий «языковая компетенция» и «коммуникативная компетенция» может быть исчерпывающе описано лишь в рамках общей теории коммуникативного действия. Подобной теории, которая была бы возможна лишь на междисциплинарной основе, еще не создано. Между тем стало очевидно, что простое расширение лингвистики текста, ориентированной на языковую систему, за счет коммуникативно-прагматической составляющей едва ли приведет к адекватной тексто-лингвистической описательной модели. Более того, уже существующие в прежней лингвистике модели текста должны непременно интегрироваться в прагматические исследования. Прагматическому началу внутри общего исследовательского процесса текстового анализа придается доминирующее положение в силу того, что оно

¹⁰² Понятия «текст» и «коммуникативный акт» не являются идентичными понятиями. Так, З. Шмидт (S.J. Schmidt 1973) определяет коммуникативный акт как «комплексное отношение между языковыми, социально-языковыми и неязыковыми составляющими в коммуникативной ситуации» (S.124 – перевод мой). Понятие текста, напротив, дается в языковом аспекте: «Текст – есть выраженная языковая составляющая коммуникативного акта в рамках коммуникативного действия, которая тематически ориентирована и выполняет определенную коммуникативную функцию» (S.150 – перевод мой). Текст, таким образом, является единицей, непосредственно подчиненной коммуникативному акту.

представляет собой обширный аспект лингвистики текста. Уже беглый анализ процесса порождения текста может показать, что как выбор языковых средств (грамматический аспект), так и раскрытие темы или тем текста коммуникативно задаваемы, иными словами, определяются коммуникативной интенцией отправителя, а также факторами социальной ситуации: партнерскими отношениями (распределение ролей, степень знакомства и т.д.), оценкой партнеров (предположение по поводу знаний, оценок реципиента) и т.д. Нужно заметить, что эти взаимосвязи еще во многом не объяснены.

Обе представленные здесь основополагающие позиции лингвистики текста: «системно-языковая» и «коммуникативно-ориентированная», – должны рассматриваться не как альтернативные, а как дополняющие друг друга концепции. Адекватный лингвистический анализ текста требует принять во внимание оба направления, причем коммуникативно-прагматический аспект, как уже указывалось, должен иметь теоретически–методическую основу. Эту точку зрения непременно должно учитывать то понимание текста, которое стремиться описать текст как языковую и одновременно коммуникативную единицу: текст есть ограниченная последовательность языковых знаков, когерентная в своей основе и реализующая как целое определенную коммуникативную функцию.

В языковом отношении текст есть последовательность языковых знаков. В основе этого определения лежит принадлежащие де Соссюру понимание языкового знака как билатерального единства, соединения «signifié» («означаемое», «значение», «содержание») и «signifiant» («означающее», «форма», «выражение»). При этом следует различать простые (элементарные) языковые знаки (например, морфемы, частично слова) и комплексные знаки (например, словосочетания и предложения).

Важнейшей структурной единицей текста рассматривается предложение. Однако, это не значит, что более мелкие языковые структуры (например, выражения, состоящие из одного слова: «Внимание!», «Огонь!», или выражения, состоящие из одного предложения: «Вход запрещен!») при определенных ситуативных условиях не могут функционировать как тексты в коммуникативном смысле, хотя подобным структурным единицам уделяется гораздо меньшее внимание. Лингвистику текста интересуют в первую очередь тексты, которые как в грамматическом, так и в тематическом отношении характеризуются более высокой степенью сложности. Предметную область лингвистического анализа текста составляют большей частью тексты, представляющие собой последовательность предложений.

Утверждение, что только когерентные последовательности знаков/предложений могут называться текстами, касается понятия когерентности текста, занимающего в дискуссиях по лингвистике текста последних лет центральное место.³

³ В некоторых работах по лингвистике текста проводится различие между понятиями «когезия» и «когерентность» (Beaugrande/Dressler 1981, S.3). Под когезией понимается здесь связь поверхностных элементов текста, осуществляемая определенными грамматическими средствами, в то время как когерентность предполагает концептуальную связанность текста, т.е. лежащую в его основе конфигурацию понятий и отношений. С другой стороны утверждается (Brinker 1971) тесная взаимосвязь между эксплицитными (морфо-

В коммуникативном отношении текст характеризуется понятием «коммуникативная функция», ориентируемым на понятие иллокутивного акта теории речевых актов (Дж. Остин, Дж. Серль, Д. Виндерлих). Коммуникативная функция сужает грамматически ориентированное понятие текста (текст как когерентная последовательность предложений), принадлежащие к «ранней» лингвистике текста, и определяет его место в концепции языка как инструмента коммуникации и действия вообще. За этим стоит мнение, что когерентная, т.е. грамматически и тематически связанная последовательность предложений еще не соответствует текстуальности (Schmidt 1973, S. 144; Beaugrande/Dresseler 1981, S. 3). Это имеет место лишь при наличии коммуникативной функции, которую данная последовательность предложений получает внутри коммуникативной ситуации. При этом под коммуникативной функцией понимается коммуникативное намерение адресанта, выражаемое в тексте посредством определенных, конвенционально признанных, т.е. принятых в коммуникативном обществе, средств. Речь идет о намерении адресанта, которое должен распознать реципиент, иначе говоря, об инструкции адресанта к реципиенту по поводу того, как последний должен в целом понимать текст, например, как информативный или аппелятивный.

Предпринятая нами попытка исторического анализа развития и становления лингвистики текста как науки имела целью выявить общее и различное в основных направлениях этой науки, что могло бы способствовать выработке интегрального понятия текста.

синтаксическими) и имплицитными (когнитивно-семантическими) формами текстовой когерентности. В этом случае можно говорить о понятии когерентности в широком смысле, дифференцируемом по различным аспектам (грамматическому, тематическому, прагматическому, когнитивному, эксплицитному, имплицитному и т.д.) (Ср. Brinker 1998, S. 191).

Литература:

1. Москальская О.И. Грамматика текста. М., 1981.
2. Harweg R. Pronomina und Textkonstruktion. München, 1968.
3. Isenberg H. Der Begriff „Text“ in der Sprachtheorie. Bericht 8 der Arbeitsgruppe Strukturelle Grammatik. Zentralinstitut für Sprachwissenschaft. Berlin, 1968.
4. Dressler W. Einführung in die Textlinguistik. 2Aufl. Tübingen, 1973.
5. Steiniz R. Nominale Pro-Formen. In: Kallmeyer u.a. 1974, Bd. II., S. 246-265.
6. Schmidt S. J. Texttheorie. Probleme einer Linguistik der sprachlichen Kommunikation. München, 1973.
7. Wunderlich D. Die Rolle der Pragmatik in der Linguistik. In: Der Deutschunterricht 22, Heft4, S. 5-41.
8. Beaugrande R. de / Dressler W. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen, 1981.
9. Brinker K. Aufgaben u. Methoden der Textlinguistik. Kritischer Überblick über den Forschungsstand einer neuen linguistischen Teildisziplin. In: Wirkendes Wort 21, S. 217-237.
10. Brinker K. Aspekte der Textkohärenz am Beispiel einer Rundfunkpredigt. In: K. Donhauser / L.M. Eichinger (Hrsg.), Deutsche Grammatik – Thema in Variationen. Festschrift f. H.-W. Eroms. Heidelberg, S. 191-202.

Тыршина Н.В. ПРОБЛЕМА НЕКАТЕГОРИЧНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ

(Оренбургский государственный университет)

Любая речь, любой текст направлены на то, чтобы вызвать у читающего или слушающего определенную реакцию, то есть несут в себе прагматическую функцию. Каждое предложение содержит отношение высказывания к объективной действительности с точки зрения говорящего. Роль говорящего проявляется в прагматике, то есть в отношении говорящего субъекта к обозначаемой действительности.

Одной из важнейших тенденций является широкое понимание прагматики как изучающей условия использования языка коммуникантами в актах речевого общения. Эти условия включают в себя коммуникативные цели собеседников, время и место речевого акта, уровень, психологические и биологические особенности, правила и конвенции речевого поведения, принятые в том или ином обществе.

Прагматика представляет собой ядро деятельной лингвистики, т.е. такой, которая, по мнению С.А. Аристова и И.А. Сусова, отправляется от человека, его потребностей, мотивов, целей, намерений и ожиданий от его практических действий, от коммуникативных ситуаций, в которых он участвует либо как инициатор и лидер, либо как исполнитель «второй» роли.

Прагматика изучает функционирование языка в различных сферах коммуникации и в тесной связи с коммуникантами.

Одной из основных характеристик текста является *наличие коммуникативного задания*. Это означает, что текст, являясь результатом целенаправленной деятельности, всегда отражает определенную прагматическую установку его создателя.

Очевидным является тот факт, что невозможно исследовать процесс коммуникации без учета определенных прагматических факторов, таких как ситуация (контекст) коммуникации, фактор субъекта коммуникации, фактор адресата, пресуппозиции и т.д. Поэтому анализ высказывания должен проходить не только по линии грамматической, но и по линии прагматической.

Прагматический подход к исследованию текста не может не учитывать человеческого фактора. Прагматика текста ориентируется, прежде всего, на субъекты языкового общения, опирается на фактор говорящего. Для достижения коммуникативной цели автором избирается определенный тип текста, который наделяется прагматической функцией.

Возможность объединения разноуровневых единиц языка на основе их общей прагматической функции в единую систему средств выражения некатегоричности позволяет признать за некатегоричностью статус категории, носящей лингвопрагматический характер.

Теоретической основой является развиваемая в отечественной и зарубежной лингвистике *теория речевого воздействия* (Л.А. Киселев, Г.В.

Комианский, И.П. Сусов, W. Schmidt), предполагающая изучение разноуровневых единиц языка с точки зрения их причастности к выполнению прагматических задач. Обращение к грамматическим явлениям в плане прагмолингвистики имеет особое значение, поскольку грамматика оформляет структуру высказывания.

Прагмолингвистика изучает те языковые средства, те свойства и те закономерности речи, которые используются обществом (и отдельными людьми) для воздействия на психику (мысли, чувства, волю) и поведение его членов.

Заслуживают внимания такие моменты, как дисциплинированность говорящего, когда он всячески подчеркивает, что излагаемое им не имеет стопроцентной степени объективности, что он может и ошибиться. Мысль может быть подана категорично, безапелляционно, без тени сомнения, прямолинейно и иначе – ненавязчиво, осторожно, с допущением другого мнения, возможной необъективности, некоторой необщепринятости.

Явная ощутимая субъективность подачи фактов связывается с такими категориями, как оценочность, критичность, ироничность, сарказм, симпатия и антипатия к слушателю, искренность, откровенность. Общительность, разговорчивость, нелюдимость, замкнутость тоже влияют на речевое поведение и на фонетическое, лексическое и синтаксическое оформление речи. О чем помолчать, что упустить, что подать вскользь – часть стратегии говорящего.

Значительную роль приобретает оценочное отношение говорящих. Оно имеет всевозможные оттенки от абсолютной положительности до подчеркнутой отрицательности. Говорящий строит свою речь с опорой на свои интенции, то есть, высказываясь, говорящий преследует какие-то цели, имеет определенные намерения, основания мотивы. Для интенции определяющим оказывается личность человека со всеми его потребностями, интересами, нуждами, чувствами и мыслями.

Высказывание существенно зависит от самоподачи (нейтральность, скромность, самоуничижение, озабоченность собственным престижем, самореклама, хвастовство, самовлюбленность, эгоцентризм, неуверенность, забитость), от типов межличностных отношений (официальность/неофициальность, знакомство/отсутствие знакомства, близость/не близость, равенство/неравенство в социальном положении, в возрасте, культуре), от субъективного отношения к партнеру по коммуникации.

Категория некатегоричности тесно связана с эмоционально-оценочными отношениями, то есть сферой ее деятельности является выражение различных чувств, оценок, взглядов, настроений, ощущений говорящего.

В понятие «*эмоционально-оценочные отношения*» включаются те чувства, эмоции, переживания, настроения, оценки, которые возникают у говорящего в процессе речевого общения и являются его иллокутивной реакцией на предшествующие высказывания или действия партнера по акту коммуникации. Для краткости «чувства, эмоции, переживания, настроения и

оценки» говорящего в дальнейшем будут обозначаться суммарным термином «коннотации».

Эмоционально-оценочные отношения людей очень наглядно показаны в стиле обиходно-разговорной речи. Человеческие коннотации придают высказыванию живой и естественный характер, способствуют выражению тончайших нюансов, которыми располагает язык.

Эмотивная функция языка (наряду с коммуникативной и когнитивной) относится к числу основных, сущностных. Человек, познавая действительность, определенным образом относится к явлениям окружающего мира. Это отношение носит субъективный, личностный характер и представлено в чувствах, эмоциях.

Эмоциональные процессы бывают положительными или отрицательными. Это зависит от того, в каком отношении (позитивном или негативном) находится какое-либо действие к взглядам и интересам человека. Результатом таких относительно стабильных отношений являются эмоции, которые по своей сути у различных людей одной общественной группы во многом совпадают, обнаруживают общие черты и находят свое выражение в языковых единицах. Таким образом, происходит социализация чувств, так как каждый человек, являясь представителем общества, проявляет сознание, свойственное этому обществу. И, следовательно, эмоциональные качества языка, субъективные по своему происхождению, в реальной действительности «существуют как вполне объективные свойства тех или иных звуков, форм, знаков». Являясь результатом отражательно-познавательной деятельности человека, эмоциональное значение наряду с рациональным образует антитезу к рациональной структуре языка.

Эмоциональность как семантическая характеристика языковых единиц базируется на оценочности, но не сводится к ней. Наличие последней в семантической структуре лингвистических единиц еще не сигнализирует об эмоциональности, но всякое эмоциональное значение предполагает оценку говорящим предмета, субъекта, явления, ситуации.

Подлинное свое бытие эмоциональность обнаруживает в диалоге. Именно в диалоге, отражающем соответствующую речевую ситуацию, содержатся предпосылки для реализации эмотивной функции языка. Типичные жизненные ситуации, их отображения и оценки, стабильные и переменные факторы, влияющие на диалог как форму непосредственного общения, установка партнера, отражение межличностных отношений – все это способствует реализации языком своей эмотивной функции.

При исследовании модальных средств выражения некатегоричности высказывания потребовалось выявить соотношение некатегоричности с грамматической категорией модальности.

Каждое предложение содержит *модальность* – отношение высказывания к объективной действительности с точки зрения говорящего. Модальность – исключительно сложная и многоаспектная категория. Большинство грамматистов рассматривают категорию модальности, главным образом, как выражение *реальности/ирреальности* высказывания.

В ряде работ разграничиваются «основная» и «дополнительная», или «субъективная» и «объективная» модальности, причем, в одних случаях в состав первого типа модальности, включаются значения реальности – нереальности или реальности – нереальности – побудительности, а в состав второго типа – значения уверенности – неуверенности, сомнения; в других случаях первый тип модальности образуют значения, определяющие коммуникативное назначение высказывания – сообщения, вопрос, побуждение, а второй – значения, определяющие содержание высказывания с точки зрения его достоверности. *Объективно-модальное* значение выражает характер отношения сообщаемого к действительности. *Субъективно-модальное* значение выражает отношение говорящего (пишущего) к сообщаемому.

В плане содержания *некатегоричность* связана с субъективной модальностью. Некатегоричность участвует в передаче речевого намерения говорящего, его отношения к адресату, к своему сообщению, следовательно, она включается в субъективно-модальные значения высказывания. Сферой ее деятельности как субъективной модальности является выражение различных чувств, оценок, взглядов, настроений, ощущений говорящего.

Как правило, некатегоричность находит свое выражение в диалогической речи. Модальность диалогической речи создается двумя лицами. Поэтому диалогическая модальность сложнее по своей структуре, чем монологическая. В диалогической речи сталкиваются, координируются две установки – говорящего и слушающего. Единый модальный план диалогического единства создается координацией и взаимодействием модальных характеристик, вытекающих из установок коммуникантов.

Исходя из соотношения собственно-семантических и прагматических компонентов в содержании модальности (И.П. Сусов), некатегоричность можно рассмотреть в качестве одного из модальных прагматических компонентов. С коммуникативно-интонационной точки зрения некатегоричность оказывается шире модальности: она относится к речи.

Некатегоричность высказывания может выражаться самыми разнообразными средствами на всех языковых уровнях.

На лексическом уровне некатегоричная окраска слова – это дополнительный оттенок значения оценочного характера, который как бы наслаивается на денотативную основу семантики слов и действует в высшей степени экспрессивно. С помощью всевозможных видов интенсификации признака возможна передача эмоций некатегоричности на лексическом уровне. При этом высшая степень признака может выражаться как имплицитно (лишь семантикой), так и эксплицитно (аффиксы, аффиксо-подобные компоненты, основы).

На грамматическом уровне возможности передачи некатегоричности высказывания безграничны. К грамматическим формам выражения некатегоричности относятся:

- конъюнктив (сослагательное наклонение),
- императив (повелительное наклонение),
- вежливости форма презенса,

- несогласование подлежащего и сказуемого,
- архаичная вежливая форма и другие.

На стилистическом уровне некатегоричность высказывания может достигаться стилистически окрашенными вопросами, относящимися, как правило, к стилю повседневной речи и звучащими более мягко, чем их утвердительные соответствия.

Однако в процессе общения редко употребляются формы некатегоричности, относящиеся к определенному языковому уровню. Чаще всего они смешиваются и образуют единое целое. Так, например, к лексико-грамматическим формам выражения вежливости относятся такие случаи, когда к форме императива добавляются так называемые «вежливые слова»: спасибо, пожалуйста и другие.

Все вышеперечисленные способы выражения некатегоричности высказывания свидетельствуют о том, что эмотивные вкрапления данной коннотации имеют место почти на всех языковых уровнях. Использование этих средств значительно обогащает нашу речь, помогает сделать ее живой и красочной, понятной для собеседника.

Библиография:

1. Киселев Л.А. Язык как средство воздействия. – Л., 1971. – 63с.
2. Кодухов В.И. Введение в языкознание. Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец № 2101 "Рус. яз. и лит." - М.: Просвещение, 1987. - 288 с.
3. Комианский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. – М., 1984. – 239с.
4. Прагматический аспект предложения и текста. Межвузовский сборник научных трудов. - Л., 1990. - 215 с.
5. Прагматика и типология коммуникативных единиц языка. Сборник научных трудов. - Днепрпетровск, 1989. - 156 с.
6. Семантико-стилистические исследования текста и предложения // Межвузовский сборник научных трудов. – Л., 1980. – 125 с.
7. Солодовник И.П. О некоторых типах модально-оценочных значений в современном немецком языке // Сборник научных трудов. Вопросы романо-германской филологии (грамматика и лексика), том 64 (157). – Курск, 1975. – С. 84-92.
8. Сонич Т.П. Грамматические средства выражения некатегоричности высказывания в современном немецком языке.: Автореф. дис. канд. фил. наук. – М., 1985. – 32с.
9. Шаховский В.И. О роли эмоций в речи // Вопросы психологии. – 1991. - №6. – С. 111-117.

Чуранов А.Е. К ПРОБЛЕМЕ МЕЖДОМЕТИЙ

(Балашовский филиал Саратовского государственного университета)

Одной из особенностей междометий как класса в системе частей речи языка является разнородность морфологической структуры единиц, входящих в состав этого класса. Междометия по форме могут быть представлены отдельными словами (Oh!, Wow!, Ouch!), словосочетаниями (Good gracious!, My God!, great Scott!), а также единицами языка, имеющими внешнее сходство с предложениями (God bless me!, Bless my heart and soul!, You don't say!). Высказывается даже мнение об объединении под термином «междометия» единиц «несовместимых с точки зрения морфологии» (Полищук, 1989, 9).

Целью данной статьи является рассмотрение места междометных единиц в уровневой структуре языка исходя из их морфологической структуры.

Вслед за Блохом М.Я. мы выделяем шесть основных сегментных уровней языка: фонематический, морфематический, лексематический (уровень слов), денотематический(уровень членов предложения), пропозематический(уровень предложений) и диктематический(уровень тематизации)(см.: [Блох, 2004, 60]).

Является очевидным, что с точки зрения своей формы междометные единицы занимают разное положение в уровневой структуре языка, а именно, единицы типа Oh!, Wow!, Ouch! и др., представленные отдельными словами, относятся к уровню слов(лексематический уровень); единицы типа Good gracious!, представленные словосочетаниями, относятся к уровню словосочетаний(фразематический подуровень), а единицы этого класса, имеющие внешнее сходство с предложениями такие как Bless my heart and soul!, You don't say! соответственно к уровню предложений(пропозематический уровень).

Для удобства разобьем единицы, входящие в класс междометий на группы в зависимости от их морфологической структуры, а затем посмотрим, обладают ли эти единицы необходимыми признаками, свойствами и функциями, позволяющими отнести их к тому или иному уровню в структуре языка, а если это так, то может ли быть применен по отношению к ним фундаментальный закон структурного соотношения сегментных уровней языка, согласно которому единицы каждого вышележащего уровня строятся одной или несколькими единицами уровня лежащего непосредственно под ним, а также выполняют ли единицы вышележащего уровня некоторую более высокую функцию, чем единицы непосредственно нижележащего уровня(Блох, 2004, 66).

В зависимости от своей морфологической структуры междометия могут быть разбиты на три четко выраженных класса:

А) междометия- слова - Oh!, Wow!, Ouch!, My !, Boy!;

Б) междометия–словосочетания - Good gracious!, Dear heart!, Holy cats(cow, mackerel, Moses)!;

В) междометные единицы, имеющие внешнее сходство с предложениями - Bless my heart and soul!, You don't say!, You can say that again!;

Рассмотрим междометия первого класса. Междометия, имеющие форму слова как «собственно междометия», часто называемые «первичными»(Oh!, Bah!, Wow!), так и образованные от знаменательных слов(Well!, My!, Boy!) не обладают номинативной функцией, а лишь сигнализируют наличие определенного чувства, желания, волеизъявления и т.д. Это служебные лексемы, но лексемы особого рода, которые нельзя сопоставить ни с какими другими классами служебных слов, традиционно выделяемых в языке(предлогами, союзами, частицами и т.д.). Служебные слова – это «строевые элементы лексики»(Л.В. Щерба), выполняющие различного рода связующие и уточнительные функции в языке и являющиеся сугубо рациональными словами. Междометия же – это слова чувств. Образно их можно представить как « соль, перец и другие специи», добавляемые к блюду называемому «язык». Они как бы «не дотягивают» до уровня слов (лексематический уровень) и располагаются вместе с остальными служебными лексемами в континууме между уровнем морфем (морфематический уровень) и уровнем слов (лексематический уровень) (см.: [Блох. Диктема в уровневой структуре языка, 2000, с. 59]).

Особо в этой группе следует выделить междометные единицы типа Jesus!, God!, Lord! и др., восходящие к названиям высших небесных сил в религиозном культе. В обычной повседневной речи они уже обычно не ассоциируются с функцией обращения и выражают лишь эмоции: Jesus!- Боже!(удивление, испуг, ужас), Lord!- Боже!, Бог мой! (удивление, досада, испуг). Штелинг называет их «эмоционально насыщенными вокативными междометиями» (Штелинг, 1996, 44). Они, как и любые междометия–слова, занимают континуум между уровнем морфем (морфематический уровень) и уровнем слов (лексематический уровень). Однако в устах верующих эти единицы выступают как слова-обращения к высшим силам, к Богу и, соответственно, уже относятся не к междометиям, а к другой группе слов – словам–обращениям. В данной функции эти единицы являются словами полной номинативной функции и относятся к уровню слов (лексематический уровень).

Рассмотрим теперь междометные словосочетания типа Good gracious!, Dear me! Вопрос стоит здесь следующим образом: относятся ли данные единицы к подуровню словосочетаний (фразематический подуровень)? Попутно отметим, что мы придерживаемся формального содержания понятия словосочетания и относим к таковому различные сочетания слов, соединенных при помощи управления, сочинения и т.п.

Итак, для ответа на поставленный нами вопрос необходимо применить к указанным сочетаниям фундаментальный закон соотношения сегментных уровней языка, по которому единицы каждого вышележащего уровня строятся одной или несколькими единицами уровня нижележащего непосредственно под ним, и при этом выполняют некоторую более высокую функцию, чем единицы непосредственно нижележащего уровня(Блох, 2004, 66).

Междометные единицы типа *My goodness!*, *Goodness gracious!* строятся из знаменательных лексем лексематического уровня, а не непосредственно из служебных лексем первичных междометий, (т.е. междометий 1-го класса в нашей классификации). Хотя надо отметить тот факт, что в этом классе возможны также междометные фразы, состоящие из сочетания первичного междометия и знаменательного слова с максимально ослабленным лексическим значением, которые употребляются сами как одно междометное сочетание. Ср.: можно сказать *Oh!*, можно *My!*, а возможно и их сочетание *Oh my!*, произносимое одним речевым усилием.

Итак, междометные единицы этого класса выполняют функцию аналогичную той, что у междометных единиц 1 класса, т.е. они сигнализируют наличие определенного чувства, желания, волеизъявления и т.д. Они также относятся к служебным лексемам особого рода, также располагаются в континууме между уровнем морфем и уровнем лексем, но ввиду своей более сложной структуры занимают более высокую ступень иерархии в этом континууме.

Особое место в этой группе также занимают единицы, восходящие к названиям высших небесных сил в религиозном культе, типа *My God!* В обычной повседневной речи они выражают лишь эмоции. Однако в устах верующих эти единицы выполняют функцию слов-обращений к высшим силам, к Богу и, соответственно, относятся уже к другой группе слов – словам-обращениям. В данной функции эти единицы являются словосочетаниями полной номинативной функции и относятся к подуровню словосочетаний(фразематический подуровень).

Рассмотрим теперь 3 группу междометий в нашей классификации междометных единиц. Это междометные единицы, имеющие внешнее сходство с предложениями. Типичным представителем этой группы является междометное выражение *God bless you!* Данное выражение, как и междометные единицы религиозного происхождения в первых двух группах рассмотренных нами выше, имеет двоякое функционирование в языке. Так, в устах священника выражение *God bless you!*- это не выражение эмоции(удивление, страх), ибо религиозные учения запрещают произносить имя бога напрасно. Священник, говоря *God bless you!* именно это и имеет в виду, т.е. «Да благославит вас Господь!» По сути дела –это пожелание Господу Богу, т.е. в структурном отношении перед нами побудительное предложение с семантической структурой «побуждение субъекта к действию» в форме желательного наклонения.

Как и в случае с другими единицами религиозного происхождения, в повседневном языке *God bless you!* интеръективизируется, частично теряя при этом свой процессно-предикативный характер. Это уже междометная единица, выражающая удивление или страх, а также используемая для выражения пожелания здоровья при чихании. Семантическая структура предложения *God bless you!* упростилась, и по сути дела перед нами междометный выкрик. Но с другой стороны, возникает вопрос: можно ли отнести междометные единицы типа *God bless you!* к чисто восклицательным предложениям? Нет, нельзя. Мы,

вслед за М.Я. Блохом, считаем, что «восклицательные предложения не обладают собственным коммуникативно-установочным статусом, отображенным на содержании их рематического компонента». Восклицательность – это всего лишь «сопутствующая черта» предложения любого коммуникативного типа (Блох, 2004, 164).

В этом случае единицы указанного типа относятся к т. н. устойчивым предложениям, функционирующим в языке в виде «элементов готовой цитации» (Блох, 2004, 68). Эти фиксированные речения Блох М.Я. называет «пропозеомами». Мы называем их междометными «пропозеомами» и относим к пропозематическому уровню (уровню предложений) в уровневой структуре языка. Ввиду того, что данные единицы лишь по форме являются предложениями, они относятся к периферии этого уровня, в отличие от чистых «пропозеом» типа *Live and learn*, расположенных в ядре пропозематического уровня. К чистым «пропозеомам» мы относим также употребление *God bless you!* в устах священника.

Междометные «пропозеомы» – это особый тип устойчивых предложений в языке, который не может быть напрямую сопоставлен с такими традиционно выделяемыми коммуникативными типами предложений, как повествовательные, восклицательные и т.д. Особенностью этого типа предложений является то, что данные единицы языка по своей форме являются предложениями, а по своему содержанию междометиями. Междометные «пропозеомы» являются промежуточным типом предложений, переходом от подлинных предложений к междометным выкрикам, которые оформляются уже не в виде предложений, а в форме нечленораздельных изгласаний, отдельных слов, словосочетаний. Междометная «пропозеома», в нашем понимании, – это уже не совсем предложение, но еще и не совсем междометие. Данные единицы можно также назвать «полумеждометиями», или «знаменательными междометиями». Термин «междометная пропозеома» представляется нам наиболее подходящим ввиду того, что указанные выше термины являются слишком обобщенными и могут в принципе обозначать любые переходные единицы, расположенные на пути от знаменательных единиц к междометиям.

Остановимся на единицах нерелигиозного происхождения, но также имеющих структуру, внешне схожую с предложением. Это единицы типа *So help me*, *You don't say*, *You're telling me*, *You said it (you can say that again)* и др. Данные выражения помимо употребления в своем прямом значении, широко употребляются в повседневной речи как выкрики междометного характера. Рассмотрим следующий разговор двух собеседников. Назовем их Paul и Jack.

Paul: That sure was a good show.

Jack: You said it!

Говоря фразу *You said it!* Джек хочет выразить свое безусловное согласие с репликой Пола о том, что представление (шоу) было действительно хорошим, т.е. фраза *You said it!* выполняет функции междометного выражения со значением «выражение согласия с предшествующим высказыванием». Фразы такого типа обычно компактно представлены во фразеологических словарях и всевозможных словарях разговорной лексики. Так, рассмотренное нами выше

междометное выражение, а также пример его употребления в речи заимствованы нами из карманного словаря популярных американских идиом (Handbook of Commonly Used American Idioms) издательства Barron's (1995). Указанный словарь так объясняет значение выражения You said it! в междометной функции: «используется, чтобы показать твердое согласие (strong agreement) с тем, что сказал другой человек»

В этом своем употреблении единицы типа You said it!, как и единицы типа God bless you! в аналогичном употреблении, являются междометными «пропозиомами».

Междометия были и остаются по настоящий день предметом многочисленных споров лингвистов. В данной статье нами была предпринята попытка предложить одно из возможных решений проблемы места междометий в структуре языка.

Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // ВЯ, 2000, № 4.

Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. М., 2004.

Полищук Н.В. Номинативный статус междометных фразеологических единиц и особенности их контекстного употребления. КД. М., 1988.

Штелинг Д.А. Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке. М., 1996.

Adam Makkai, Maxine T. Boather, and John E. Gates Handbook of Commonly Used American Idioms. Barron's Educational Series, Inc., 1995

